

№2. 2013

# Берега



Калининград

# Берега

Литературно-художественный  
и общественно-политический журнал

## Цитата номера

*А разве счастлив тот, кто счастлив один? Вообрази себе человека, который бы всю свою знатность устремил только на то, чтобы ему одному было хорошо, который бы достиг уже того, чтоб самому ему ничего желать не оставалось. Ведь тогда вся душа его занялась бы одним чувством, одной боязнью: рано или поздно сверзиться. Счастлив ли тот, кому нечего желать, а лишь есть чего бояться.*

Д.И. Фонвизин  
(1745-1792)

**Главный редактор**  
Лидия Довыденко

**Редакционная коллегия:**  
Дмитрий Воронин, Виктор Геманов, Игорь Ерофеев,  
Юрий Крупенич, Светлана Супрунова,  
Олег Щеблыкин

**Фото**  
Валентины Архиповской

№2. Декабрь. 2013.

# Содержание

Слово редактора к читателю .....	3
<b>Публицистика</b>	
Н.Д.Лобанов-Ростовский. Современная Россия: взгляд соотечественника .....	4
Э.С. Демиденко. Всемирная Информ-Энциклопедия: Калининградская область в мире .....	7
<b>Поэзия</b>	
Светлана Супрунова .....	9
Наталья Иванова .....	70
Диана Кан .....	63
Анатолий Нестеров .....	78
Светлана Макарова .....	83
<b>Проза</b>	
Александр Грибков. Библиада, или Литературный герой. Роман. <i>Продолжения, Начало в №1</i> .....	11
Елена Морозова. Рассказы .....	65
Андрей Растворцев. Возвращение. Рассказ .....	72
Ирина Лучина. Шоколад. Рассказ .....	79
<b>Юбилейные даты</b>	
Петр Затолочный. Стихи .....	85
Александр Красов. Стихи .....	86
Михаил Полищук. Люблю. Рассказ .....	87
<b>Молодые авторы</b>	
Александр Беккер. Королевские ворота. Отрывок из романа .....	92
<b>Искусство и культура</b>	
Лидия Довыденко. Кому передать икону? О творчестве Бориса Булгакова .....	95
Александр Мамнев. «Художник не должен доказывать словами» .....	97
<b>История и краеведение</b>	
Сергей Гуров. Осколок от снаряда .....	112
Н.А.Трофимова. Светлогорск и Отрадное - жемчужины Самбии .....	115
<b>Переводы</b>	
Иса Капаев. Стихи .....	90
<b>Русский мир без границ</b>	
Неонилла Пасичник. Русское поместье в Евросоюзе .....	103
Письма из Варшавы: Елена и Владислав Черпаковы, Анджей Томашевский .....	108
<b>Православие</b>	
Виктор Чернышев. Брачный пир «племен, народов, языков» .....	121
Мария Титенич. Протопресвитер Гавриил Костельник. От католицизма к православию .....	123
<b>Критика</b>	
Вячеслав Лютый. Мать-и-мачеха. <i>Город в поэзии Дианы Кан</i> .....	128
Читатели о журнале .....	141
Требования к авторам .....	144
Признательность .....	144

## Слово к читателю

Уважаемый читатель! Вы держите в руках второй номер журнала «Берега».

Сверх ожиданий первый номер журнала получил резонанс не только в Калининградской области, России, Украине, Казахстане, но и среди русских читателей дальнего зарубежья (Варшава, Белград, Лондон, Бюсси).

Благодарим всех за то море позитива, которое прислали вы, наши дорогие читатели. Большое спасибо за добрые отзывы и поддержку сайты: Преголя-арт, директор Вячеслав Полежаев ([http://pregolia-art.com/publ/literaturnye\\_berega/22-1-0-1491](http://pregolia-art.com/publ/literaturnye_berega/22-1-0-1491)), Российский писатель, главный редактор Николай Дорошенко (<http://www.rospisatel.ru/sob176.htm>), Русская народная линия, главный редактор Анатолий Степанов (<http://www.russkline.ru>); АНО «Всемирная Информ-Энциклопедия» (наукоград Дубна), президент Эдуард Семёнович Демиденко, разместивший журнал «Берега» на калининградском сайте популярной интернет-энциклопедии ([www.kaliningrad.vie.su](http://www.kaliningrad.vie.su)). Благодарим за информационную поддержку ТРК «Каскад», журналистов: Викторию Скрипку, Алексея Кислицу, Ольгу Топоркову, Виталия Макарова (<http://kaskad.tv/tv/peredachi/40-nashe-utro>); «Калининградскую правду», «Деловой вестник Балтийска», «Светловские вести», Министерство культуры Калининградской области и Н. Ф. Смолинскую, депутатов Калининградской областной Думы: А. Н. Кузнецова, С. И. Гинзбурга, руководителя Общества свободных писателей Г. П. Бича-форум klops.ru, журналиста Георгия Антонова. Сердечная благодарность коллективам библиотек: Калининградской областной научной библиотеке и лично руководителю отдела краеведения С. М. Постниковой, а также Г.В. Димитровой, Центральной городской библиотеке имени А. П. Чехова, директору Е. М. Александронец и лично И. М. Бербенцевой, Центральной областной детской библиотеке имени А. П. Гайдара и лично Г.А. Опанасюк, студии «Лири», украсившей талантливым пением презентацию журнала, руководителя студии Т.Д. Буданову. От всей души выражаем признательность читателям, мнение которых нам так дорого, что мы посчитали нужным хотя бы в сокращённом виде разместить его в рубрике «Критика».

Журнал продолжает знакомить своих читателей с современной художественной и публицистической литературой без «желтизны» и «чернухи», без «глянца», банальностей и «стоны», столь уже надоевших и утомивших выставлением русской культуры как «ничемной, скучной и провинциальной», с извиняющимися интонациями и эпитафиями.

Пространство русской культуры – это не только восемь часовых поясов от Охотска до Балтийска, это самая многочисленная единая нация в мире, единая по языку, антропологическому типу, бытовым привычкам и вкусам. Предновогодний, предрождественский номер журнала напоминает читателям о благородстве и великодушии, о том, что нет безвыходного положения, что если на Бога надеяться и самим не плошать, то чудо станет повседневностью, а победа – нормой жизни, что русский урок – это урок, прежде всего, самим себе невозможного, невероятного национального и исторического успеха. Поздравляем с наступающим Новым годом, годом Культуры, и с Рождеством! Желаем всем созидательной деятельности, и чтобы все мы могли о ней сказать: «Это хорошо!»

Мы рады новым партнёрам, новым авторам и новым заинтересованным читателям.

*Главный редактор  
Лидия Довыденко*

## Публицистика

**Н. Д. Лобанов-Ростовский**

### Современная Россия: взгляд соотечественника

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – Почётный председатель Координационного совета российских соотечественников в Великобритании, первый заместитель председателя Международного совета российских соотечественников в России, член Бюро «Фонда Кирилла и Мефодия» в Софии, член правления «Института современной русской культуры» в Лос-Анджелесе (Калифорния), член «Ассоциации американских учёных русского происхождения» в Нью-Йорке, член совета директоров «Международного фонда искусства и просвещения» в Вашингтоне, член «Общества коллекционеров» в Москве и Лондоне, академик Международной академии информатизации при ООН, попечитель Русского камерного оркестра в Лондоне, член комитета «Русского Славянского Искусства» в Москве, член попечительного совета «Фонд милосердия имени Анны Павловой» в Москве, член совета директоров «Ассоциации театрального музея» в Лондоне, пожизненный член Союза благотворителей музея «Метрополитен» в Нью-Йорке, Почётный доктор Санкт-Петербургской Академии художеств, действительный член Петровской академии наук и искусств, награждён золотой медалью Российской премии Людвиг Нобеля, ему принадлежит главная награда Международного совета российских соотечественников за вклад в русскую культуру и искусство, кавалер ордена Дружбы народов за вклад в сохранение русского искусства, награда «Золотая муза» за вклад в русско-болгарские культурные связи. Он является одним из двух инициаторов установки в Москве памятника погибшим в Первой мировой войне, открытие которого планируется на 1 августа 2014 года на Поклонной горе, один из двух инициаторов возведения памятника Национального примирения, инициатор создания Национальной портретной галереи в Москве. Он из тех соотечественников, кто сохранил те высшие духовные ценности, которые были кодексом чести представителей русского дворянства, кто сохранил любовь к Отечеству и веру в его историческую судьбу, кому не надо искать национальную идею – она живёт в душе.

Н. Д. Лобанов-Ростовский родился в 1935 году в Софии (Болгария), куда семья князей Лобановых-Ростовских вынуждена была выехать из Петербурга после революции 1917 года. После расстрела в Болгарии отца выехал вместе с матерью в Париж к родственникам Вырубовым. Образование геолога получил в Оксфорде, диплом магистра банковского дела – в Нью-Йорке, где 18 лет работал в различных банках. Он собрал уникальную научную коллекцию русской театральной живописи. В издательстве «Искусство» вышел каталог собрания в двух томах. Никита Дмитриевич – автор многочисленных публикаций в русских изданиях за рубежом, в России и Украине. Его книга «Эпоха. Судьба. Коллекция» издана в Москве в 2010 году в серии «Русский путь». Участвовал в создании Музея личных коллекций при ГМИИ им. А. С. Пушкина – в 1987 году передал в дар 80 произведений русской графики из своего собрания. В 1994 году передал музею в дар коллекцию фарфора первой трети XX века. Библиотеку в 3200 томов и часть фотоархива передал Дому русского зарубежья в Москве, часть своих архивных документов передал российскому архиву литературы и искусства. В 2013 году Лобанов-Ростовский перевёз в Ростов свыше 1000 предметов XVII – XXI веков: гравюры и эстампы русских и западных художников XVIII – первой половины XIX века, картины, акварели и рисунки XIX – XX веков, в том числе художников-эмигрантов, а также старинные карты России и Европы, коллекцию афиш выставок русских художников конца XIX – начала XX века, изданных в

разных странах мира в последние три десятилетия, архивы Лобановых-Ростовских, Вырубовых и других семей, отражающих жизнь русской эмиграции во Франции, Болгарии, Германии, США, включающих в себя переписку, фотографии, паспорта, дипломы, удостоверения, грамоты, свидетельства. 2 декабря 2013 года в Шереметевском дворце прошла торжественная церемония передачи в дар Санкт-Петербургскому государственному музею театрального и музыкального искусства коллекций Лобановых-Ростовских, посвященных отечественному театральному и декоративному и живописному искусству конца XIX - начала XX веков. Никита Дмитриевич – личность огромного потенциала и масштаба, один из ярких деятелей русского зарубежья, которое сегодня составляет 12 миллионов человек, живущих на разных континентах. 22 февраля 2013 года вместе с супругой леди Джун он побывал в гостях у нас, в Калининграде. Представляем вниманию читателей размышления Н. Д. Лобанова-Ростовского о современной России.

**Л. Д.: Никита Дмитриевич, в чём состоит, на Ваш взгляд, феномен России и её главная проблема?**

**Н. Д. Л-Р.:** Феномен России – это её уникальная цивилизация, гармонично объединяющая различные народы с сохранением их религиозного и культурного уклада. Это отличает Россию от европейских государств и от многонациональных Соединённых Штатов, где этно-религиозное самоопределение заменяется базовым понятием – «американец», поэтому России не следует копировать и внедрять опыт западных стран. Если цивилизованный мир стремится к модели глобализации, где устраняются все базовые идентичности, а сейчас добрались и до взаимоотношений полов, то Россия являет собой союз культур и народов, каждый из которых является ценным и уникальным. Россия – самая богатая страна в мире по территории и природным ресурсам, третья по резервам валюты и финансово самая устойчивая страна в Европе. Она должна бы быть одной из двух сверхдержав, с большими надеждами на будущее. Но на практике это не реально. Во-первых, продукция, производимая в РФ в рамках выполнения задач, поставленных в стратегии развития страны до 2020 года, не достигает мировых стандартов качества. Во-вторых, процесс производства не осуществляется с должной эффективностью, да и конкурентоспособность отстаёт. Экономика России, по сравнению с другими развитыми странами, энергозатратная: энергоёмкость ВВП в РФ в 6 раз выше, чем в Японии, в 3 раза выше, чем в США, и примерно в 3,5 раза выше, чем в странах Западной Европе. Модернизация России и переход её к инновационной модели развития невозможны без масштабного партнёрства с Западом. Учитывая высокий уровень коррупции в стране, Россия на данном этапе не может конкурировать с США, Европой и странами Дальнего Востока. В России нужно готовить новые поколения специалистов, которые будут задействованы после 2020 года. Необходимы инвестиции в человеческий ресурс, этого не происходит. Как отметил иностранный член Российской Академии наук В. Л.Квинт, в России ведётся активная разработка стратегии развития, но этим занимаются люди, не обладающие глубоким знанием предмета и не практикующие его. С этой точки зрения Россия не готова столкнуться с новыми общемировыми проблемами. Нынешний финансовый крах в мире несколько замедлит развитие инфраструктуры в России, которая является необходимым элементом в развитии экономики. Без решения проблемы инфраструктуры сельское хозяйство останется неконкурентоспособным – вне зависимости от объёма инвестируемых в него средств. Возьмём простой пример: огромное количество пищевых продуктов, которые Россия импортирует из крохотной Голландии. Дополнительная проблема – это достаточно малое количество внутренних потребителей в стране: население России в 2 раза меньше населения США и в 3,5 раза меньше населения Евросоюза, уже не говоря об Индии и Китае.

**Л. Д.: Как Вы оцениваете российскую школу высшего образования и сферу нанотехнологий?**

**Н. Д. Л-Р.:** Россия занимает третье место в мире по числу людей, обладающих научными званиями. Потенциально это даёт ей возможность быть исполнителем крупных

заказов на научно-технические проекты со стороны США и Евросоюза. Для сравнения, Индия, после 20 лет активной подготовки научных кадров, ныне является лидером в области заключения технологического аутсорсинга (outsourcing) на выполнение работ с зарубежными фирмами. Но для успеха этой деятельности важна не только научно-техническая база, но и образование, экономика, юридическая система и государственная политика. А в последние годы российские достижения на рынке наукоёмкой продукции представляют собой удручающую картину: около 0,3 % – по сравнению с 39 % в США, 30 % в Японии и 16 % в Германии (данные основаны на количестве патентов). Только один российский университет входит в список 200 лучших университетов мира – МГУ, которому присвоено, согласно международным рейтингам, 116 место в 2012 году. Образование стремительно теряет высокий уровень советской школы. Например, в области нанотехнологий в 2012 году 51 % международных патентов был зарегистрирован в США и только 1 % в России. Состояние плачевное.

**Л. Д.: Какое реформирование, на Ваш взгляд, надо провести, чтобы выправить это состояние?**

**Н. Д. Л-Р.:** Говоря сегодня о России, наверное, можно было бы использовать слова знаменитого американского Госсекретаря Дина Атчесона, сказанные им в начале 60-х годов прошлого века о Соединённом Королевстве: «Британия потеряла империю и, к сожалению, не смогла найти для себя новой роли». Всем было понятно, что, утратив источники дешёвого сырья и рынки сбыта, Англия обречена на длительное прозябание. Но сейчас экономика Британских островов по объёму занимает шестое место в мире и находится на втором месте после США по инвестициям в глобальную экономику. Здесь явно можно провести параллель с современной Россией и необходимостью проведения реформ. Надеюсь, что отставание России можно преодолеть. Если правительство осознает необходимость развития новейших технологий, внедрит новые специальности и на порядок увеличит инвестиции в образование и науку, то через 6-7 лет появятся те кадры и те технологии, которые позволят качественно изменить российскую экономику. Лёд уже тронулся. В гражданской сфере опубликованные цифры свидетельствуют о триллионных (в рублях) программах таких компаний, как «Газпром», «РЖД», «Роснефть», «Росатом», ФСК ЕЭС, «Русгидро», «Транснефть».

**Л. Д.: Что Вы думаете о создании Евразийского Союза?**

**Н. Д. Л-Р.:** Я думаю, что Европа выживет с помощью России, потому что у России нет другого выхода, кроме как сближение с Европой. Экономическая мощь Китая сильно возрастёт, и, чтобы противодействовать этому, Россия повернётся к Европе. Чтобы не оказаться через несколько десятилетий под полным влиянием Китая, России необходимо развивать связи с 500 миллионами европейцев. Это, в свою очередь, станет «светлым будущим» для Европы. Для создания Евразийского Союза у России накопился богатый исторический опыт подобного мирного сосуществования, собирания евразийских земель, которые включили бы в себя различные этнокультурные общности – от малых государств, входивших в состав Российской империи, до отдельных народностей, при этом сохраняя их индивидуальность. Было бы логично восстановить некогда экономически цельное пространство, но уже на других принципах, нежели в СССР.

**Л. Д.: Какую роль могли бы сыграть в будущем России соотечественники, любящие Россию так же, как Вы?**

**Н. Д. Л-Р.:** Предлагаю назначить в Общественную палату по Президентской квоте трёх соотечественников – представителей Америки, Европы и Востока. Они оказывали бы влияние при обсуждении вопроса о национальной идее, которая помогла бы развитию России в будущем.

**Л. Д. Спасибо за интервью.**

## Эдуард Демиденко

*Э.С. Демиденко родился в 1937 году. Профессор кафедры философии БФУ им. И. Канта, автор более 250 научных работ, в том числе 33 монографий. Действительный член Российской Экологической Академии, Международной Академии информатизации и ряда других, президент АНО «Всемирная Информ-Энциклопедия» (наукоград Дубна). В трудах Э.С. Демиденко особое внимание уделяется разработке коренных принципов и эффективных мер по сохранению вековой биосферы, её почв и человека.*

### Всемирная Информ-Энциклопедия: Калининградская область в мире

С 2012 года в нашей области начал свою работу портал международной социально-информационной системы «Всемирная Информ-Энциклопедия»: [www.kaliningrad.wie.su](http://www.kaliningrad.wie.su). Портал был разработан мною ещё в 1995 году по просьбе Международной Академии информатизации при ООН, рассмотрен на собрании научной общественности наукограда Дубна с приглашением заместителя Генерального секретаря ООН Джи Джао Джу, затем поддержан в принятой собранием Декларации ООН Международной Академии Информатизации, Администраций Московской области и Дубны в Кремлевском Дворце.

В то время средств на реализацию данного проекта не нашлось, и его пришлось разрабатывать далее на основе принципа самокупаемости. В отличие от Википедии, стартовавшей позже, в 2001 году, проект ВИЭ имеет региональное хождение. Это позволяет, с одной стороны, со временем получить полнейшую информацию об истории региона (области, крае, республике), его заслуженных гражданах, социально-экономической и культурной жизни, природе, а с другой – формировать определённое жизненное единство людей со своими цивилизованными целями, потребностями, перспективами развития. Со временем, надеюсь, будут создаваться другие язычные популярные интернет-энциклопедии, что позволит серьёзно не только поднять культуру и образованность народов, но и укрепить между ними дружбу, сделать мир более безопасным и открытым для всех граждан планеты. Читатели журнала «Берега» могут посещать сайт данного портала, участвовать в формировании его, приобщиться к энциклопедическим знаниям о Янтарном крае, его людях.

Если говорить о сути формируемого русскоязычного варианта социально-информационной системы «Всемирная Информ-Энциклопедия», то, как известно, мировое сообщество вступило в период информатизации, одной из центральных проблем которой является всестороннее усвоение научного, социокультурного и экологического знания о мире, живой природе, характере современного общественного и социоприродного развития. Исходя из этого и создавался международный социально-информационный проект «Всемирная Информ-Энциклопедия». В отличие от многих специализированных научных и иных классических энциклопедий информ-энциклопедическое знание совмещает высокий энциклопедический уровень научности, гуманной социальности и культуры с популярностью, то есть своей доступностью для всех граждан планеты, с практическим использованием его в жизнедеятельности народов и отдельных граждан, особенно в знании характера общественного и социоприродного развития, опасностей, подстерегающих людей, формирования здорового образа жизни. Научно-популярное знание позволяет каждому землянину усвоить содержание, направление и основные тенденции развития современного человечества во взаимосвязи с природой и противодействовать негативным тенденциям такого развития.

Среди таких негативных тенденций можно назвать ухудшение экологического состояния планеты за счёт неконтролируемой техносферизации и техногенности развития, снижение качества питания большинства людей на планете из-за бесконтрольного загрязнения и уничтожения почв, деградация и разрушение биосферы, биосферной жизни, культуры и языков малых народов.

Так, в процессе глобализации и техносферизации планеты за два века количество языков сократилось в три раза, а в XXI веке, предположительно, сократится в 10 раз. В итоге вместо 15 тысяч языков в начале XIX века к концу XXI века ожидается всего где-то 0,5 тысячи. Соответственно, это касается и гибели малых культур. Россия не может игнорировать этот процесс, стоять в стороне от укрепления русского языка, его распространения в мире и налаживания связей с нашими согражданами, живущими за рубежом.

Далее, люди по незнанию и непониманию развития мира по пути его техногенности настолько нерационально и опасно строят свою жизнь, что уже в начале XXI века своими действиями уничтожили в мире более трети пчёл и шмелей, немало других насекомых и в целом живых организмов. Специалисты ООН считают: основной виной этого являются распространение искусственно-синтезированных химических веществ для уничтожения вредителей в сельском хозяйстве и стремительный рост полей мобильной связи с электронно-магнитными излучениями (ЭМИ), опасными для человека и животных. Некоторые учёные утверждают: если сложить в мире ЭМИ от всех приборов, мобильной и иной связи, то созданные человечеством электронно-магнитные излучения во многие тысячи, а то и миллионы раз превышают ЭМИ планеты.

Русскоязычный вариант ВИЭ направлен не только на создание доступной для широких слоёв населения ценной и полезной информации, подобно вышеизложенной (сохранение биосферной природы, здоровья человека, традиционных культур), но и на достижение высокого качества жизнедеятельности граждан, работы по сохранению русского языка и достижений русской культуры. Итак, речь идёт о создании русскоязычного блока социально-информационной системы ВИЭ, содержащей важнейшую, хорошо структурированную информацию о мире, биосфере, человечестве, его достижениях, подстерегающих человечество опасностях и как нам всем безопасно строить общественную региональную и свою собственную жизнь.

Особое значение в данном проекте отводится истории и современному развитию России, пропаганде достижений культуры, науки и русского языка за рубежом. В связи с этим начались переговоры о создании особой структуры распространения русскоязычной системы ВИЭ в зарубежных странах, создании в них отделений ВИЭ на русском языке и соответствующих клубов изучения и распространения русского языка и культуры нашей страны. Для распространения русскоязычной системы в мире предполагается создать особую систему подготовки журналистов для наших соотечественников и СМИ разных стран, как это делает Российский университет дружбы народов.

Интерес к сайту проявляют многие граждане и организации. Недавно я получил из МГУ письмо вице-президента Московского общества испытателей природы А. П. Садчикова: «Глубокоуважаемый Эдуард Семёнович! Недавно внимательно ознакомился с вашим замечательным сайтом, был в восторге. Столько труда, сил и энергии вложено в него. Мы разместили ссылку на него на сайте МОИП (<http://www.moip.msu.ru>), чтобы и наши члены могли черпать оттуда знания. Московское общество испытателей природы (МОИП) является старейшим обществом России и даже в мире. Оно было организовано в 1805 г. Информация об Обществе размещена в Большой советской энциклопедии и в Большой российской энциклопедии (том 21)».

У данного портала, который сейчас разрабатывается как социально-информационный, достаточно много гуманных целей и задач. Я бы хотел, чтобы журнал «Берега» постоянно раскрывал содержание их, а также знакомил всех его читателей с интересными материалами. Мы, в свою очередь, будем пропагандировать лучшие художественные произведения и статьи учёных, политиков, заинтересованных в нашем развитии граждан. Хотел бы обратить внимание на нашем портале на материал, например, о видном учёном, профессоре, докторе филологических наук Владимире Ивановиче Грешных, работавшем длительное время в БФУ им. И. Канта и немало сделавшем для подготовки филологов, журналистов, начинающих калининградских писателей. Биографическую справку о В. И. Грешных сделал его ученик, кандидат филологических наук Владимир Владимирович Малащенко. Заинтересованные читатели смогут прочесть о видном учёном-филологе более двадцати страниц на сайте [www.kaliningrad.wie.su](http://www.kaliningrad.wie.su)

# Поэзия

## Светлана Супрунова

*Родилась в 1960 году в Львове. После окончания ленинградского медицинского училища работала медсестрой в хирургическом отделении Нестеровской районной больницы Львовской области. В 1985 году по направлению военкомата уехала в Афганистан, в медсанбат провинции Баграм. Вернувшись через три года, поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет, параллельно училась в Литературном институте им. М. Горького на заочном отделении. С 1995 по 2000 год проходила воинскую службу в Таджикистане, затем девять лет работала старшим литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ» (г. Калининград), сейчас – начальник редакции научного журнала Калининградского государственного технического университета. Печаталась в отечественных и зарубежных изданиях, лауреат нескольких Международных конкурсов, член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников. Живёт в Калининграде.*

### Я таких не видала окраин...

\*\*\*

Справа речка, а слева - опушка,  
А грибов-то – под каждым кустом,  
Деревянная мокнет церквушка  
Под холодным осенним дождём.

Скрипнет дверь, запоют половицы,  
И ни певчих, ни благостных лиц,  
На стенах из журнала страницы,  
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,  
Позолота нигде не блеснёт,  
И в поношенной рясе хозяин  
В одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает  
За страну и за завтрашний день,  
Уж не крестит, а всё отпевает  
Поколение глухих деревень.

Всё едино – дожди, завируха,  
Эту древнюю дверь отопрёт,  
Приблудится, бывает, старуха,  
И свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,  
Что, теряясь, почти не дыша,  
Прослезится от близости с Богом  
Непутёвая чья-то душа.

\*\*\*

Я повернулась на восход безродно,  
Мне показалось, что на полчаса,  
И вот уже кириллица не модна,  
И с запада слышнее голоса.

Уже с востока тащат разносолы,  
Пестры наряды, в золоте персты –  
То новые татары и монголы  
Идут сюда, под древние кресты.

И спеть бы про туманы-растуманы,  
И выпить чарку, и тоску забыть –  
Везде базар, и лысые Иваны  
Торгуются, боясь продешевить.

Распутная, а может быть, святая,  
Какие силы есть в тебе, о Русь,  
Коль от тебя, ругаясь и рыдая,  
Сто раз уйду и столько же – вернусь!

### Н и н а

Живёт в небогатой квартире,  
Ни мужа, ни даже детей,  
Все годы одна в этом мире,  
Без связей и нужных людей.

Всплакнёт ли когда, улыбнётся?  
Ни радостей будто, ни бед,  
Всё ладно, живёт как живётся,  
Со шваброй спешит в кабинет.

В жару ветерка не попросит,  
Мороз, так мороз, ну и что,  
Платок потеплее набросит,  
Подденет жакет под пальто.

Живёт, никого не ужалит,  
Всё мимо – молва, суета,  
Картофелин пару отварит,  
Закусит лучком – и сыта.

И кто-то сердечный найдётся  
И как-то подыщет подход:  
«Ну, как тебе, Нина, живётся?» –  
«Неплохо», – плечами пожмёт.

\*\*\*

Тишины бы в округе, такой,  
Чтобы слышать на ветке сороку,  
Как врзается лодка в осоку,  
Возвращаясь на берег другой.

Чтобы слышать за вёрсты пургу,  
Как в полях оседают туманы,  
Как швыряет листву на поляны  
Этот ветер, влетевший в тайгу.

### Поминки

Осенний день. Безмолвье околотка.  
Дешёвый гроб трясётся на возу.  
В пальтишке куцем сухонькая тётка  
Смахнула пальцем пьяную слезу.

Ни всхлипа и ни воя от ухода,  
Ну, что ж, пожил, пора и на покой.  
Всего-то горстка хмурого народа  
Застыла над разверзнутой землёй.

Сюда, сюда сбегаются дороги,  
Сошлись сегодня тот и этот свет.  
Под белый саван положили в ноги  
Бутылку водки, пачку сигарет.

Потом в избе раскладывали ложки,  
Звенели чарки, люд повеселел.  
И дождь пошёл, и крест торчал в окошке,  
Но вот никто в окошко не глядел.

И гармонист уселся посередке,  
Запели песню, как шумел камыш.  
«А что за праздник нынче в околотке?» –  
«Дак много всяких... Разве уследишь?»

Слышать всё бы, до дальних морей,  
Не проникшись ни счастьем, ни горем,  
Слышать даже, как где-то за морем  
По тропинке бежит муравей.

Тишины бы, до самой луны,  
Я на небо глаза поднимаю,  
Но, проснувшись, опять понимаю:  
Не бывает такой тишины.



# Проза

## Александр Грибков

*Александр Федорович Грибков родился в 1952 году, в городе Волгограде. После окончания средней школы и службы в армии учился в институте и в мореходном училище. Работал на севере в Траловом флоте и в московской Патриархии. Автор эзотерического трактата «Имя зверя (тайна слова)».*

### Библиада, или Литературный герой

*Роман. Продолжение. Начало в № 1. Публикуется в авторской редакции*

#### ГЛАВА 3

... Кобецкий верил и не верил («чёрт» не выходил у него из головы):

- ... Вот богатство моё...

Отец Лев присвистнул и изумленно покачал головой.

Стены комнаты подпирали сложенные в стопки книги вперемешку с журналами, а в углу, у окна, между стеной и столом, одна из стопок достигала даже потолка. Отсутствовали книги только там, где стояла кровать, но и под нею у Кобецкого был устроен склад – там хранились перевязанные бечёвкой пачки с чистой бумагой, и тут же находились папки с черновиками, вырезками из газет, набросками и пробами отдельных глав его романа.

После переезда Пети и Кати и появления нового соседа – Ивана Робертовича, Кобецкому пришлось очистить коридор и сосредоточить всё у себя, а потому небольшая комната теперь стала походить на запасник библиотеки.

- Вот, - Кобецкий взял со стола «Однодум» и любовно провёл ладонью по обложке.

- Тут всё. Нечто вроде дневника, мысли и прочее... - Он стал перелистывать страницы.

Сейчас, в эту минуту, он действительно чувствовал то состояние приподнятости и вдохновения, о котором упомянул отец Лев (вероятно, - «пункт В»). Как и тогда - в пивной с американцем. И мешало только одно. После «чёрта» он не знал, с кем имеет дело. С алкоголиком, напивающимся до чертей или всё-таки с «психоаналитиком», как аттестовал себя отец Лев.

- ... Обо всём, что ты сейчас говорил, я ведь тоже думал, - Кобецкий на мгновение оторвался от «Однодума» и тут же опять прилип к нему глазами («ну, и почерк, - усмехнулся он, - сам с трудом разбираю!»). Перевернул ещё несколько страниц. - Ну, хотя бы вот это. Пожалуйста!..

«И неведомо человеку, доброе или злое от сего произойдет. Часто злое происходит от доброго и доброе от злого, - «Заколдованные острова». Герман Мелвилл...

- Недурно! - сказал отец Лев (тот не отрывал взгляда от тетради, которую держал Кобецкий, - тетради, в которой было «всё»!).

- ... Или - вот, - Кобецкий ткнул пальцем ниже. - О борьбе добра и зла в литературе. В поэзии, в частности. Сравни: Веневитинов и Тютчев...

Вот – Веневитинов:

Природа наша точно мерзость:

Смиренно плоские поля -

В России самая земля

Считает высоту за дерзость -

Дрянные избы, кабаки,

Брюхатых баб босые ноги,

В лаптях дырявых мужики,  
Непроходимые дороги,  
Да шпицы вечные церквей -  
С клистирных трубок снимок верный,  
С домов господских вид мизерный  
Следов помещичьих затей,  
Грязь, мерзость, вонь и тараканы,  
И надо всем хозяйский кнут -  
И вот что многие болваны  
«Священной родиной зовут».

- Я знаю эти вирши, - кивнул отец Лев. - Выкормыш француза Дорера и почитатель немецкой философии. Грезил за границей... Чего ты хотел?

- ... А вот Тютчев, - продолжил Кобецкий. - Тот, кто «болван». Его «ответ»:  
Эти бедные селенья.

Эта скудная природа.  
Край родной долготерпенья,  
Край ты русского народа!  
Не поймёт и не заметит  
Гордый взор иноплеменный,  
Что сквозит и тайно светит  
В наготе твоей смиренной.  
Удручённый ношей крестной,  
Всю тебя, земля родная,  
В рабском виде царь небесный  
Исходил благословляя.

- Великолепно! Аж мурашки по коже! Люблю Тютчева!..

Прижав «Однодум» к груди, Кобецкий сказал:

- Когда-то я поставил себе задачу прочитать всю классику, чтобы взять для себя всё лучшее; не знаю, получилось ли у меня «взять», но получилась возможность сравнивать и сопоставлять одно произведение с другим, и вот что заметил я... Вот здесь у меня выписки, - Кобецкий снова раскрыл «Однодум». - Я предлагаю опять сравнить две повести. Одна - «Шинель» Гоголя. Другая - «Писец Бартлби» того же Мелвилла. Обрати внимание, в обеих повестях речь идет о писцах, переписчиках служебных бумаг. И вот, слушай... «Бартлби» Мелвилла: «Он (Бартлби), казалось, изголодался по переписке и буквально пожирал мои бумаги, не давая себе времени их переварить, работал без передышки... Он писал молча и безучастно, как машина... Слепой и глухой ко всему, кроме собственного своего дела».

А вот Акакий Акакиевич Башмачкин в «Шинели»: «Вряд ли можно было где найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно - нет, он служил с любовью... Ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице». Опять – Мелвилл: «- Значит, он питается имбирными пряниками,- подумал я, - никогда по-настоящему не обедает... Я заметил, что он никуда не уходит обедать...».

Гоголь: «Хлебал наскоро щи и ел кусок говядины с луком, вовсе не замечая их вкуса, ел всё это с мухами и со всем тем, что ни посылал бог на ту пору».

Мелвилл: «Хилый, нищий призрак...».

Гоголь: «Чиновник нельзя сказать, чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щёк... В департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто через приёмную пролетала муха...».

Мелвилл: «Шаткая, старая кушетка в углу хранила слабый отпечаток длинного, худого тела. Под столом у Бартлби я обнаружил скатанное одеяло, ... банку с ваксой и щётку; на стуле - жестяной таз, мыло и рваное полотенце; а в газете - крошки от имбирных пряников и небольшой кусок сыра...».

Гоголь: «Ни комнаты, ни вещей его не опечатывали, потому что, во-первых, не было наследников, а во-вторых, оставалось очень немного наследства, именно: пучок гусиных перьев, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот...».

Мелвилл: «Назови он хоть одного своего родственника или друга, я немедля написал бы им, настаивая, чтобы они поместили беднягу в какой-нибудь приют. Но, по видимому, он был один, совершенно один на свете...».

Гоголь: «Прежде всего, долг справедливости требует сказать, что «одно значительное лицо» скоро по уходу больного, распеченного в пух Акакия Акакиевича почувствовало что-то вроде сожаления. Сострадание было ему не чуждо... Мысль до такой степени тревожила его, что неделю спустя он решился даже послать к нему чиновника узнать, что он и как, и нельзя ли в самом деле чем помочь ему...».

Мелвилл: «И тут же меня пронзила мысль: о каком бесконечно тоскливом одиночестве это свидетельствует! Бедность его велика. Но одиночество - сколь ужасно!.. Я мог подать ему милостыню; но тело его не страдало - мучилась его душа, а душа его была для меня недосыгаема... И вот однажды зимой я подарил ему вполне приличный сюртук со своего плеча – серый сюртук на вате, необыкновенно теплый и с застёжкой от колен до самого горла».

- Про подобное же – подаренную Акакию Акакиевичу «шинель» я, конечно, опускаю, - заметил Кобецкий и продолжил цитирование.

Гоголь: «...Только если уж слишком невыносима была шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: «оставьте меня, зачем вы меня обижаете?». И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены... и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой».

Мелвилл: «Впервые в жизни меня охватило чувство тягостной, щемящей печали. Раньше мне приходилось испытывать только не лишённую приятности грусть. Теперь же сознание родственной связи с другими людьми невыразимо меня угнетало. Печаль брата! Ведь мы с Бартлби были сынами Адама».

Гоголь: «... И когда донесли ему, что Акакий Акакиевич умер скоропостижно в горячке...».

Мелвилл: «Краткий рассказ о похоронах бедного Бартлби легко восполнить воображением».

Кобецкий закончил и закрыл «Однодум».

- ...Ну, и что скажешь? - взглянул он на отца Льва.

- ...Verbatim! Слово в слово!

- Тс-с! - остановил его Кобецкий, покосившись на стенку. - Потихе: детей разбудим...

- ... Да, странно... «Писца» я не читал, - заговорил на полтона ниже отец Лев. - Гоголя - это само собой, а у Мелвилла - только «Моби Дика»...

- Во-от! - протянул Кобецкий. Он торопился, обрезая этим «во-от» готового пуститься в разглагольствование отца Льва, ибо самого-то главного он ещё не сказал. - Слушай дальше (он уловил верное направление изложения, и теперь сам захлёбывался от нетерпения). Сходство, да, меня поразило, но поражает оно ещё больше, когда узнаёшь, что никакого подражания б ы т ь н е м о г л о!

Кобецкий сделал ударение на последней фразе, и весь его вид изображал изумление сверхъестественным, которое он и желал сообщить отцу Льву.

- ... Да, две небольших, одинаковых по объёму повести, удивительно похожих (и в обеих ещё этот «брат»), абсолютно одна и та же идея!.. И что?.. Казалось бы, явная компиляция, тем более, что «Шинель» у Гоголя была издана в 1843, а «Писец» Мелвилла - спустя десять лет, в 1853... А?.. Но - нет! Оказывается, нет! Установлено, - что прочесть «Шинель» к моменту опубликования «Писца» Мелвилл не мог. Он не читал «Шинели». А его мысль о «брате» возникает у него ещё в «Моби Дике»... Вот, читаем: «Разминай! мни! жми! всё утро напролёт; и я разминал комья спермацета, покуда уж сам, кажется, не растворился в нем; я разминал его, покуда какое-то странное безумие не овладело мною; оказалось, что я, сам того не сознавая, жму руки своих товарищей, принимая их пальцы за мягкие шарики спермацета. Такое теплое, самозабвенное, дружеское, нежное чувство породило во мне это занятие, что я стал беспрестанно пожимать им руки, с любовью заглядывать им в глаза; словно хотел сказать - о, возлюбленные мои братья! К чему нам всякие взаимные обиды, к чему дурное расположение и зависть? Оставим их; давайте все пожмём руки друг другу; нет, давайте сами станем, как один сжатый ком. Давайте выдавим души свои в общий сосуд чистейшего спермацета доброты... Теперь, когда я понял это, я готов разминать спермацет всю жизнь. В сновидениях и грёзах ночи я видел длинные ряды ангелов в раю, они стояли, опустив руки в сосуды со спермацетом»...

Вот и ключ к «Писцу». И этот ключ - душа Мелвилла. Кстати, определенным образом он и сам отмечает все подозрения в подражании в этом же «Писце». Он как бы сознает, трагически сознаёт одиночество своего персонажа в мире других литературных героев, не подозревая, что в далёкой России уже существует его литературный двойник, его «брат»: «... Полную биографию этого человека (Бартлби) просто не из чего сложить. Это – непоправимая утрата для литературы...». А?.. Но оставим пока Мелвилла и возьмем кубино-испанца Рамона Месу (не сбавляя темпа, Кобецкий перевернул страницу «Одnodума»). ... Его роман... (он сверился с написанным) «Мой дядя чиновник». Написан в 1887 году. Читаешь, и не покидает мысль, что кругом гоголевские персонажи. Висенте Куэвас - Чичиков. Чем занимается его канцелярия? - Неизвестно. Не «мёртвыми ли душами»? Скорее всего. Дон Бениг... гио... кажется (почерк проклятый!) - тот же Акакий Акакиевич. Честный, работающий чиновник, но, волею Куэваса, оказывается вышвырнутым из канцелярии, а став нищим (призраком), преследует он того, из-за которого лишился куса хлеба... Огромная тень нищего (да, тот самый призрак! - то же, что и в «Шинели»!) отражается на стене, когда просит у Куэваса милостыню и не получает... Ко времени написания «Моего дяди», «Мёртвые души» были переведены на французский, но Рамон Меса говорил по-испански, а потому не был с ними знаком. В общем, когда я читал, то меня не покидало чувство, что Рамон Меса хотел сделать то, чего не сумел сделать Гоголь - завершить второй том «Мёртвых душ»!

... Мастер у Булгакова заканчивает свой роман уже в посмертии - роман, который при жизни сжёг, как Гоголь. А за Гоголя прижизненную попытку закончить книгу сделал Рамон Меса, но и он не закончил. Но обязательно кто-то когда-нибудь закончит, а может, уже и закончил.

Или - японский писатель Рюноскэ. Возьмем его «художника», писавшего картину «Муки ада» и ради её максимальной выразительности пошедшего на то, чтобы сжечь в огне человека (вспомним легенду об умерщвлении натурщика художником Микеланджело). И этот его художник, несомненно, – новое воплощение, нисходящее, отрицающее, воплощение «художника» из гоголевского «Портрета» (его повторение и продолжение), потому что если отбросить сожженного человека, «Муки ада» - это вариант этого самого «Портрета».

Или возьмем его «Бататовую кашу». Его «гои» в ней - ближайший родственник Башмачкина и Бартлби. Сам Рюноскэ, говоря об источнике «Бататовой каши», ссылается на японское произведение 11-го века. Может быть, и так. Но тогда можно поставить знак равенства между этим произведением 11-го века (которого не могли знать ни Гоголь, ни

Мелвилл) и «Шинелью» и «Писцом Бартлби». Понимаешь, о чем я?.. Литературные персонажи, как люди - воплощаются и живут новой жизнью. Мир не «Вавилон», вот что я понял, прочитав всё это. (Кобецкий обвёл руками комнату). И люди, даже говорящие на разных языках и даже разделённые эпохами, всё равно «слышат» и «понимают» друг друга. Почему? Да потому, что язык Вселенского Духа один, тот, на котором с человеком говорит Господь. А ключевой язык этого Всеобщего языка - русский!..

Кобецкий выпрямился, понимая, куда хватил, готовый мужественно встретить любые возражения. Но отец Лев безмолвствовал, и только заметно протрезвевшее лицо его чуть заострилось.

- ... Основная черта Куэваса, - продолжил он, - несмотря на то, что он и карьерист, это то, что не забывает тех, кто когда-то для него делал хорошее, и за добро платит добром, и, может быть, в этом кроется причина появления на свет гоголевского родственника (я говорю про «Моего дядю»). Она облагораживает Чичикова (в настоящем времени - Куэваса) в новом своем «воплощении», его поступательное, эволюционное развитие. Да, идентичность Башмачкина и Бартлби очевидна, но у Мелвилла в его «Писце» социальное звучание громче, и, быть может, в этом-то и состоит «причина» его появления на свет, которая обязательно была, обязательно имела место. Для меня это не вопрос. Но есть и другое основание. Фамилия Башмачкин. Её рок. Ибо «башмаку» обязательно нужна пара («два сапога - пара»). И башмаки идентичны. Они похожи, как «братья - близнецы». Один - копия другого. То есть если один «башмак» - Башмачкин, то получается, что ему необходим и другой «башмак» - другой «Башмачкин». Его копия. Его «брат». И вот и появляется (роковым образом) вслед за Башмачкиным и его брат (копия) - Бартлби. Одна из возможных анаграмм слова Бартлби - Братбил («брат» и «бил»). А что есть «бил»? На английском языке бил - список. В свою очередь, со словом список в родстве слово списывать. По-английски списывать - копи. И копи же на английском - копия, копировать, подражать кому-то. Таким образом получается, что Бартлби («брат бил») у Мелвилла - копия, копирование, подражание б р а т у!.. Или - «Башмаку»! Или - «Башмачкину»! Ты понимаешь?!.. А так как Гоголь, понятно, не мог предвидеть появления на свет Писца Бартлби, то остается признать существование Того, Кто руководил этим сотворчеством. Того - Кто над временем и пространством. Того - Кто и внушил мысль Гоголю о Башмачкине и о «брате», а потом на другом краю света возбудил подобные же мысли у духовно близкого Гоголю Мелвилла.

Остается признать существование Бога! Или - Духа Святого! «Дух дышит, где хочет, - так сказал Мелвилл. - И голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит». Где возьмет да и «задышит». По-русски... Ты не читал Германа Броха? «А может, они уже прознали об опасности имён?». Или - «если у вещей нет имён, то нет и понимания». А?..

- ...Кстати, об «опасности имен», - очнулся отец Лев. - Твоего соседа как?.. Иван Робертович? То, что у его папаши (Роберта) не в порядке с башкой, за это я ручаюсь. Я бы ничего не имел против «Роберта Ивановича» - мечтать не запретишь. Но «Иван Робертович» - это садомазохизм. Нонсенс. Нелепей может быть только какое-нибудь «Сидор Артурович». Ты - приглядишься. Есть такая вещь - наследственность. Я знавал одну такую пару. Отец - Калина Гаврилыч и сынок - Гаврила Калиныч. Оба, как несложно догадаться, идиоты...

- Да не об этом я! - Кобецкий даже руки к груди приложил (не до «Калинычей» ему сейчас было). - Я - о «роке имени»... Ты полагаешь, имя Надежды Ч е р т о в о й - авторши безбожного «Саргассова моря» случайно? Подумай... Прямо не имя, а клеймо, тавро!.. «Ч е р т»!.. Или случайно, например, Вера Х о л о д н а я умирает на юге от простуды. Или случайно, например, имя персонажа Короленко (автора вещей, как известно, переполненных символами бессознательного) - М а к а р? Если ты не в курсе, я - о рассказе «Сон Макара»... Обрати внимание на анаграмму слова м а к а р - к а р м а!.. А теперь

вспомни, о чем рассказ? А рассказ о том, как «Макара» Бог призывает на суд и осуждает за пьянство, воровство и обманы, но, когда «Макар» рассказывает о своей горькой жизни, небесный суд оправдывает его. Карма!.. Веса её!.. Бессознательно Короленко, написав о «Макаре», имел в виду «карму»!.. Или вот. Название склонного к спячке грызуна байбак, как известно, - синоним ленивого, неповоротного и неуклюжего человека. «Тюрюк», по Гоголю, - это «человек, которого нужно на что-нибудь поднимать пинком», а «байбак» - этого и пинком не поднимешь». А потому, согласишься, что не только логична, но и симптоматична фамилия председателя Госплана СССР (организации, олицетворяющей всю неуклюжесть советской плановой экономики) Николая Байбакова.

Отец Лев засмеялся:

- ... Ну, это ладно, это, так сказать, информация к размышлению.

Кобецкий спешил продолжить прерванную мысль:

- ... Персонажи рождаются, имеют своих пращуров, предков, родителей, многочисленную родню, они, как и люди, возвращаются снова и снова - вот что я понял, прочитав всё это. (Он опять обвел рукой комнату). Потому-то может и появился после «Носа» Гоголя - «Нос» Рюноске, и трижды был прав Оскар Уайльд - я это понял, может, и на своей шкуре - «жизнь выстраивается согласно книгам»... Потому-то, может, и говорил он устами одного из своих героев: «я никогда не придираюсь к поступкам, я требователен только к с л о в а м». Прав Блок - «открой мои книги, там сказано всё, что свершится», и прав А.К.Толстой - «когда глагола творческая сила толпы миров возвала из ночи». Вот, что я понял. Человек творит словом (мыслью), которое «у Бога», и поэтому мировая литература, как жизнь е д н а, «одна, изъятая из законов тления» - как говаривал Салтыков-Щедрин. И если кто-то и когда-то произносит «а», то рано или поздно, независимо от того, слышали ли кто это «а», обязательно будет произнесено и «б». Не бывает в литературе «утрат». Ошибался Мелвилл. Всё искусство - это единый узор истории, оно изначально, до деталей, предопределено, и н е в о з м о ж н о оставить что-то незавершенным и пропустить... Как там, в «Художниках» у Шиллера?..

СОЗДАНИЕ ВОЗНИКАЕТ ИЗ СОЗДАНИЯ,

Гармония гармонию творит...

И

... СЛИВАЮТСЯ, не ведая границы,

Бессмертные творенья ваших рук...

И что-то там...

... Отбросив цепи дней лихих,

зарю ГРЯДУЩЕГО столетия

В твореньях отразив своих...

...Мир, ИЗМЕНЁННЫЙ силой ваших дел...

Взошёл ВТОРИЧНО ваш посев,

ВТОРИЧНО мир воспрял, помолодев...

Именно что - «вторично». Ибо мысль и её выражающее слово должны повториться. А иначе, - пройти весь мучительный процесс высветления, как и любая человеческая душа (воплотиться, начать жить - значит начать страдать - только страданием постигается истина, достигается вершина). То есть фраза, оборванная у одного, или чей-то образ обязательно п о в т о р я ю т с я - появляются и живут у другого (в соответствиями с законами кармы) и так далее, падая и поднимаясь, как и любая человеческая душа. Вот и стихотворение Тютчева (которое я привел выше) - не буквальное повторение, а оно уже «высветленное» повторение того образа родины, который запечатлел в своем слове недоумок Веневитинов.

Слушая, отец Лев сел на стул - сел боком, закинул руку за спинку, а нога за ногу, а Кобецкий стоял напротив него и потрясал «Однодумом»:

-... Ты знаешь, когда мне всё это стало абсолютно ясно?.. Я читал Броча. Это тот же Кафка, тот же причудливый «сон», но Броч идёт дальше Кафки. Хотя сейчас не об этом... - и Кобецкий стал перелистывать «Однодум». – У него там описывается фантастический случай... (он говорил и опять искал)... Воплощаются странные фантазии героя: газеты пишут о придуманном им убийстве, хотя ничего на самом деле ещё не произошло. И вот всё сбывается наяву. (Ну, то же «Кракатау»!..) То есть, фантазии оказываются правдой (по сути - пророчествами)... А вот, нашёл... Представь себе - дело к развязке, и к герою (как и представлялось в фантазиях!) приближается убийца с револьвером - наступают последние мгновения жизни... «... Ветер, который налетел с новой силой, донёс слабый аромат акаций... И вот потому, что момент катастрофы настал, и потому, что повернувшее вспять время достигло Сегодня, Дня Сегодняшнего, Сегодняшнего Дня Смерти, когда оно перескочит из будущего в прошлое... Андреас (герой) позволил себе в первый и последний раз приоткрыть смысл сна, который в следующий же миг поглотит и его...».

И в «следующий же миг» я вспоминаю заключительную сцену у Маркеса в «Ста годах одиночества». Не читал?... («Читал, читал», - кивал головой отец Лев) ...Когда Аурелиано, обнаружив ключ к шифрам Мелькиадеса, узнает о собственной гибели в начинающемся урагане: «В этот миг начал дуть ветер, слабый, ещё только поднимающийся ветер, наполненный голосами прошлого - шёпотом старых гераней и вздохами разочарования»...

Обрати внимание, одному - открывается смысл пророческого сна, а другому - шифр пророчеств, и всё это, в обоих случаях, венчает катастрофа. И это, опять же - ритмичное упоминание о ветре, переходящем в ураган. Пораженный с о в п а д е н и е м, я читал дальше и дальше, но потом вдруг книга (Броча) у меня упала, и когда я её поднял и раскрыл вновь, то первой строчкой, которую я увидел, было: «Каждому произведению искусства должно быть свойственно репрезентативно-эксплицирующее содержание, при всей своей у н и к а л ь н о с т и, оно должно демонстрировать е д и н с т в о и у н и в е р с а л ь н о с т ь мировых процессов, однако же не следует забывать, что е д и н и ч н о е н е о б я з а т е л ь н о б ы в а е т о д н о з н а ч н о...». И это был з н а к.

Так и появилась моя теория «всеобщего повторения». Всё сотворено, воплощено, предсказано, ведомо и видимо, а потому всё, что нас не окружает в данную минуту (в каждое мгновение) - есть з н а к!.. Тогда-то я и поверил окончательно в единый текст мировой литературы, в Единый Текст Жизни, в Единый Мировой План. Искусство и реальная жизнь соотносятся, как Предсказание и Свершившееся, с поправкой на кармы художника и текущего момента. И цепочка образов - реальных лиц, - разматывается по указке Режиссёра (Кобецкий показал пальцем вверх). Творца. (Давно известная, ещё гофмановская мысль). И в этом смысле элемент «повторения» естественен, ибо в любом случае автор не в силах противиться причинно-следственной связи. Он блуждает в тумане подсказанного Свыше замысла, инстинктивно выискивая тропку предшественника - это может быть не только прогресс, но и регресс, но что-то новое, «своё», при этом он откроет наверняка.

...То рушится вдруг, то опять воздвигается зданье,

И прихотливой рукой правит незримый закон.

Но почему же, скажи, обновление картин непрестанно?..

Так - у Шиллера... Вот так причудливо в искусстве (а оно жизнь!) «дышит дух» - то тут, то там...

Отец Лев только пожал плечами (теперь голову заморочили ему). Он вдруг вспомнил о валаамовой ослице, остановившей безумие пророка.

- ...Ты подумай, - продолжал Кобецкий. - Я тебе скажу так: Тентетников из второго тома «Мертвых душ» Гоголя - это Обломов Гончарова, а Александр Петрович - Штольц. А тамошняя фраза: «визжал борзой кобель, присев задом к земле» (его окатил кипятком выглянувший из кухни повар) - продолжена и развита в целую повесть у Булгакова («Со-

бачье сердце»). Почему? Да всё потому!.. Предтеча «Монсеньора Кихота» Грэма Грина несомненно - «Возвращение Дон Кихота» Честертон, а предтеча его «Возвращения» - «Дон Кихот» Унамуно, который писал, что открыл в душе Дон Кихота такие глубины, каких не открыл Сервантес. И сюда же ещё можно вставить и Шолом-Алейхема, его «еврейского Дон Кихота» - «Путешествие Вениамина Третьего». Да, его «Отцы и дети» изданы на шесть лет позже тургеневских, но вот что особенно интересно. Шолом очень подробно описал, каких нищих калек и попрошаек поставляет «город Глупск» - «даже Англия не в силах сравниться», и через много лет Англия всё же пытается «сравниться» (эстафета передана!) – и появляется (роковым образом) «Трёхгрошовая опера» Брехта...

Много чего (не только многочисленных «дон кихотов») предвидел Сервантес, а потому, может, и писал об «академии подражателей». Вот и истоки булгаковского «Собачьего сердца» мы обнаруживаем в его новелле о беседе двух собак (как предполагается, - людей в прошлом). Несомненно, он предвидел, а потому и говорил: «воздержаться от сатиры - дело трудное», и указывал, как бы предвосхищая булгаковскую повесть, что бесед собачьих было две, но он записал только одну (жизнь одной только собаки), а о жизни – другой пообещал рассказать не раньше, чем убедится, что первой из них - поверили, или, во всяком случае, - «не побрезговали». Одни - язык, манера, юмор - всё одно к одному. Речь идет о том же, о чем и в «Собачьем сердце» - о превращении людей в животных и наоборот. Вторую собаку звали Сипион, и я склонен полагать, что она и есть этот самый булгаковский Шарик. Таким образом, у «Собачьего сердца» мы обнаруживаем, как минимум, две «причины» - гоголевскую фразу об обваренном кипятком кобеле и сервантесовскую новеллу. Но я бы упомянул ещё и третью – стихотворение Маяковского «Вот так я сделался собакой»... Иная мысль, самая коротенькая и невнятная, даже и фраза, и - только для того, чтобы потом, может, через много лет, её продолжил, «повторил» в том или ином контексте или использовал кто-то другой – расширил объективно. «Слово не умирает, оно выговаривается иначе». «Проза возвращает причину события» - слова литературоведа Виктора Шкловского. Устно или письменно предсказано всё. И далее - всё, как «описанному». Иногда и - буквально. Ты не слышал о таком писателе - Ричардсоне?.. Так вот, в своей повести он описал гибель океанского лайнера «Титан», и всё «повторилось» спустя некоторое время – с «Титаником»... Не помнишь, у Хемингуэя некто сочиняет про разбивающегося насмерть жокея, и ровно через неделю кто-то действительно разбивается на том самом месте, что и в рассказе.

Да что там жокей... У Эренбурга в романе, написанном в 1921 году, рассказывается о применении американцами против японцев некоего оружия массового уничтожения. А?.. Каково?..

Это ж у Гёте:

Нам говорят «безумец» и «фантаст».

Но, выйдя из зависимости грустной,

С годами мозг мыслителя искусный

Мыслителя искусственно создаст...

Вот видишь – и с ЭВМ напроорочили... А Жюль Верн?.. В романе «Из пушки на Луну» космический корабль стартует с мыса Канаверал. И именно здесь был снаряжен в наше время «Аполлон - 8», доставивший астронавтов к Луне в том самом районе, в котором завершили своё путешествие герои Жюль Верна! Как известно, англичанин Холл открыл оба спутника Марса. Но ведь почти за двести лет до него Свифт писал о двух лунах Марса, а чуть позже Микромегас у Вольтера прогуливается по Марсу при свете двух лун.

... Кажется Паустовский в «Золотой Розе» рассказал о случае с Бальзаком: тот написал рассказ о монахине одного из монастырей по имени Жанна. Там и в самом деле оказалась монахиня с таким именем. Получалось, что она, «Жанна» (так было сказано у Бальзака), покинет монастырь, уедет в Париж и станет проституткой. Настоятельница прочитала рассказ...

- Я читал - сказал отец Лев, но Кобецкий договорил:

- ... И послала Жанну к Бальзаку опровергнуть писателя... И далее получилось всё, как и написал (напророчил) Бальзак. И если это миф, то очень символический. О пророческой роли литературы. О том, что литература и реальная жизнь находятся в очень тесной, если не в буквальной связи. Удивительно, как об этом не догадался сам Паустовский...

Отец Лев хотел что-то сказать, но ему протестующим жестом не дал Кобецкий (его прорвало, и остановить его было нельзя).

- ...Да, писатель - пророк!.. - И он опять раскрыл «Однодум». - Вот – Шиллер:

Дан поэту счастливейший дар от богов:

ОТРАЖАЕТ ВЕСЬ МИР ЕГО ГЕНИЙ,  
ПРОНИКАЕТ ОН В ТАЙНЫ ГРЯДУЩИХ ВЕКОВ

И в глубины минувших явлений.

На предвечном совете с богами воссев,  
ОН ПОДСЛУШАЛ СОБЫТИЙ ТАИНСТВЕННЫЙ СЕВ.  
ПЕРЕД ВАМИ, КАК СВИТОК, ОН ЖИЗНЬ РАЗВЕРНЕТ,  
ВСЁ , ЧТО СБУДЕТСЯ В НЕЙ, и что было.

Из унылой лачуги он храм создает, -

Этим муза его наделила!

В наиболее значимых местах Кобецкий делал акценты, выделяя слова голосом, и, отрываясь от текста, бросал на отца Льва выразительные взгляды:

... С той поры, когда с землей

Разлучился звездный рой,

В мире самое святое -

ВСПЫШКА МЫСЛИ ОГНЕВОЙ.

В беге дней неотвратимом

Чуть пластов заметен сдвиг,

НО ТВОРЕНЬЕ ОЩУТИМЫМ

СТАТЬ СТРЕМИТСЯ КАЖДЫЙ МИГ.

А вот – Блок:

... Забавно жить! Забавно знать,

Что под Луной ничто не ново!

Что МЁРТВОМУ ДАНО РОЖДАТЬ

БУШУЮЩЕЕ ЖИЗНИ СЛОВО!

А вот Тютчев – вольный перевод Шиллера:

... Так связан, съединён от века

Союзом кровного родства

Разумный гений человека

С творящей силой естества.

Скажи заветное он СЛОВО,

И МИРОМ НОВЫМ ЕСТЕСТВО

Всегда откликнуться готово

На голос родственный его...

... Тут у меня много чего... Вот, скажем, чеховский дядя Ваня - это Лузгин Салтыкова-Щедрина. А его Горехвастов и Рогожкин из «Губернских очерков» - это Кречинский и Расплюев Сухово-Кобылина. Явные родственники - щедринский «Старец» и «Очарованный странник» Лескова. Почитай Жоржа Амаду, и ты сразу вспомнишь «Одесские рассказы» Бабеля с Беней Криком. Мотив Яшки-скрипача в купринском «Гамбринусе» мы обнаруживаем у того же Мелвилла - в его «Скрипаче». А его (купринский) полковник Шульгович вдруг оказывается полковником Бубенчиком у Стефана Цвейга. И это - жизнь, её непрерывное развитие. Это персонажи-родители и персонажи - их дети. Это родные братья и сёстры. «Слуга двух господ» («Труффальдино из Бергамо») и «Двенадцатая

ночь» - явное родство. Дедуктивный метод Шерлока Холмса мы впервые обнаруживаем задолго до рождения самого Холмса - в исполнении Задига у Вольтера, а затем - и у Эдгара По. И вот нам целая эпопея у Конан Дойля. Порою одна только фраза... «Слова, слова, слова», - сказал Шекспир, а повторил - Пушкин. Одно только слово у Мелвилла о «девочке-жене» в «Моби Дике» - выплеснувшееся в «Дэвиде Копперфильде» Диккенса - становится «нимфеткой» у Стриндберга и превращается затем в отрицающую, нисходящего ряда «Лолиту» Набокова. Родольф, подписавший у Флобера письмо Эмме - «Ваш друг», и - продолжение (развитие) Родольфо в «Милом друге» у Мопассана. А если подумать: чем отличается «Эмма Бовари» от «Анны Карениной»? Одна только фраза! Но у Флобера она - мало что значащая эпитафия «остановись, прохожий, ты попираешь стопой любезную супругу». А у Белова в «Привычном деле» - потрясающая сцена на кладбище: «как по огню по тебе хожу, прости»... Одна мелвилловская, она - о «существах, способных греться возле айсберга» (о рыбах в гиперборейских водах) - дословно повторяющаяся у Капицы в его «Ревущих сороковых», - становится холодной, нелюбимой женой того норвежского китобоя.

«Но Ахав стоит одиноко среди миллионов этой населённой планеты», - восклицает Мелвилл устами капитана. - «Холодно! Холодно!», и эта фраза повторяется полковником Буэндиа, замерзающим у Маркеса от беспощадного внутреннего холода. А у Булгакова - Пилатом. А авторские вздохи, «ахи» и «охи» у Булгакова, или - «боги, боги, яду мне, яду»? Да это же Олдингтон! Не помнишь у Шекспира?..

Горацио: В лице была скорее печаль, чем гнев.

Гамлет: И бледен или багров?

Горацио: Нет, очень бледен.

Речь о «призраке» - убитом отце Гамлета. Короче - «бледный и очень печальный». А кого тут можно припомнить? Ну, конечно же, - «призрака» у Маркеса в «Ста годах». А откуда сам Маркес? Достаточно почитать Карпентьера, чтобы распознать многие его истоки - чудеса Макандаля и Ти Ноэля в «Царстве земном»... А кто Виктор Юг у Карпентьера?.. Да, конечно же, - полковник Буэндиа в «Ста годах»... Несомненно, узнаётся у Маркеса и - «Сердце Тьмы» Джозефа Конрада. А - Камю?.. Если сравнить Маркеса и «Чуму» Камю?.. То же самое ожидание поезда (помнишь в «Ста годах?»), который никогда не придёт, заточение, чумной карантин, ожидание и расстрел, и открытые глаза у трупа, и летописец событий Гарри - предтеча Мелькиадеса. Для меня это не вопрос. Нет, это - не эпигонство. Это - новая жизнь, это - объективное п о в т о р е н и е. Рассказ Хемингуэя «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» - это фрагмент повести «Пан» Кнута Гамсуна. Или - сестра Мехтилд в «Искушении» у Хуго Клауса?.. Слепая, но всё видящая и знающая лучше зрячих... А?.. Так напоминает маркесовскую Урсуну (неправда ли?). Это и есть продолжение причинно-следственной связи - новое воплощение героини, но теперь уже заживо разлагающейся, почитаемой, как святая. Мендель-букинист Цвейга - это библиотекарь папаша Сарьетт в «Восстании ангелов» Франса. Разве шагренева кожа у Бальзака - не портрет Дориана Грея? Я имею в виду именно «кожу» и «портрет». И я слышал то, что прежде чем появился Дориан Грей, были, кажется, Вивиан Грей и его автор - Дизраэли, - впрочем, тут я не убежден. Меджнун пел о Лейле ещё до Петрарки со своей Лаурой. А лунные буйства у Иванушки в «Мастере и Маргарите»... Их я связываю со строчками Мопассана из повести «На воде» - о «лунном ударе», который «в тысячу раз опаснее солнечного». «Им можно заболеть нечаянно, и эта болезнь неизлечима; помешательство остается на всю жизнь, не буйное, при котором больных приходится держать под замком, а тихое и неизлечимое, тот, кто страдает им, обо всем думает по-своему, не так, как другие». Кстати, волшебную мазь и полёты Маргариты я обнаружил у Мережковского в дореволюционном издании, в романе о Леонардо да Винчи. А в свою очередь тамошняя уловка с получением драгоценных металлов удивительно напомнила мне рассказ слуги каноника у Чосера. Но я и не удивился, уже зная, что рассказ его юриста стал сказ-

кой о царе Салтане у Пушкина. Я понимаю, Пушкин сам заявлял, что «Тибуллом окрещён», Гёте использовал Проперция, а сюжеты басен заимствовали у Федра – Лафонтен и Крылов, а у Сенеки - Расин. Да, я знаю, что говорил по этому поводу Фолкнер: «художник в этом плане совершенно аморален», - но, с другой стороны, разве можно было появиться Максвеллу, если бы не появился прежде Эрстед. Или же - Эйнштейну, если бы не существовало прежде Ньютона? В науке это называется не «украл», а «обогастил мыслью». А почему подобного не может быть в литературе? Для меня попытка «свирели Марсия» сравниться с «Аполлоном» - не миф о подражании, а - рассказ об идеале. Попробуй кто-нибудь именно – повторить, и не получится объективно. Не выйдет - по з а к о н у. Потому, что это закон не только искусства, но и природы. Персонажи, как и люди, они не могут одну и ту же жизнь прожить дважды. И тут автор бессилён. Как замечал Паустовский, «герои часто вступают в борьбу с автором и почти всегда побеждают». А Толстой рассказывал о Пушкине, который однажды заметил приятелю: «представь, какую штуку удрала со мной Татьяна. Она замуж вышла. Этого я никак от нее не ожидал».

Все персонажи, как и люди, желают быть яркими индивидуальностями, но избежать «повторения» не могут (ведь все мы, несмотря на кажущееся различие, вечно кому-нибудь подражаем). ... Вот так и выясняется с течением времени, что всё это под тем или иным соусом уже было, потому что когда единый и гармоничный узор - и с т о р и я, написанная Творцом, подходит к концу, то постепенно все свободные клеточки этого узора (чтобы предстать единым и законченным целым) заполняются...

Я вот что сейчас вспоминаю... Я как-то был в библиотеке и, вероятно, бессознательно подражал маркесовскому Аурелиано Буэндиа (тот, который колдовал над шифрами Мелькиадеса). А тогда я (а я, как и любой и каждый, - чьё-то «повторение») искал... Как лучше сказать?... Я искал... свой след («себя») в литературе ... (Кобецкий уже приготовился встретить ироничный взгляд отца Льва, но и на этот раз тот всё преспокойно проглотил). ... И вот что я нашёл... Ещё до того я относился, как к своим «родственникам» или – скажем лучше – как к «предшественникам» - и к Аурелиано или, скажем, - к Фрадице Мендесу Эсы де Кейроша, перечитавшему все книги, ученику всех философов и последователю всех религий, но тут было нечто иное... И я понял, что кто-то «подсунул» мне эту книгу, в которой рассказывалось о том, о чем я много думал - о будущей (в конце истории) мировой войне. Я, помню, машинально взял эту книгу с полки (ещё не зная её автора) и раскрыл. И раскрылась она у меня на эпиграфе к роману... Да, я тут должен вкратце сказать... Чтобы была ясна моя реакция... Детство я провел на ядерном полигоне в Казахстане, неподалёку от города Семипалатинска - у меня там тогда служил отец. И вот, когда ещё были разрешены наземные ядерные испытания, мы «члены семей» - женщины и дети - перед взрывом обязательно покидали дома (могло и завалить, и всё что угодно, стёкла-то очень часто вышибало) и пережидали на низком, под обрывом, берегу реки (Иртыша). Я помню, что всегда было очень страшно. Многие (дети) плакали. Да... И вот я читаю эпиграф из «Полых людей» Элиота:

К месту последней встречи  
Влачимся вместе  
Страшимся речи  
На берегу полноводной реки.  
Вот так кончился мир...  
... Не взрыв, но всхлип.

Я прочитал, и мне сразу же припомнились и ожидание взрыва, и «берег полноводной реки». Я посмотрел фамилию автора и название книги. Автор - австралиец, некий Шют, название «На берегу». Полистал книгу. В предисловии говорилось, что все книги этого австралийца («романы-прогнозы» - sic!) «имеют настораживающую тенденцию к воплощению». О нём говорилось, как о провидце, а речь в этой книге шла о ядерной катастрофе, мировой войне, которую развязала маленькая Албания. ... Меня, как по голове

чем-то ударило. Вот в такие моменты ко мне и приходит... Я как бы слышу чей-то голос. И он такой этот голос, что сопротивляться ему я не могу. Это, как голос Бога... Помнишь, у Лермонтова:

Есть речи - значенье  
Темно иль ничтожно,  
Но им без волненья  
Внимать невозможно.  
...Из пламя и света  
Рожденное слово.  
Но в храме, средь боя,  
И где я не буду,  
Услышав, его я  
Узнаю повсюду.  
Не кончив молитвы,  
На звук тот отвечу  
И брошусь из битвы  
Ему я навстречу...

Вот и у меня нечто такое. И я всегда - «узнаю». Ловлю, как ты выразился, «провидение за руку». Я ведь не сам всё это выдумал. Я - услышал... Тут же я слышу и другое... Это не прямые слова, а какой-то мгновенный прилив энергии, какой-то толчок, который тут же «распадается» на звучащие и иногда даже видимые слова... Я не могу этого объяснить... «НЕ ЧЕЛОВЕК ПРИДУМЫВАЕТ СЛОВО («слышу» я). ДАЁТ ЕМУ БОГ». И далее я понимаю (сам): если существует слово, которое повторяется, то, очевидно, должен существовать и его материальный (воплощенный) эквивалент. есть такой рассказ у Джузеппе Маротты - «Словарь». В «Словаре», который дал учителю Дьявол, каждое слово обладало плотью и кровью и тем изначальным достоинством и отзывчивостью, которые были неотъемлемым его качеством в правремена. Стоило вычеркнуть в «Словаре» какое-либо слово, и предмет, обозначаемый им, исчезал. Ты слушаешь?..

Глаза у отца Льва были закрыты, но то, что он слышит и слушает - было видно по его лицу. Отец Лев кивнул. - Да, да. Я думаю...

«С нормальным ли он говорит? - сидело у Кобецкого в голове. – С одной стороны, его явная зависимость от алкоголя, с другой, - собственное признание опасности психоанализа. Да, больные шизофренией могут жить среди нормальных людей и даже говорить очень умные вещи и практически не обнаруживать своей ненормальности. Тот же умница Гамлет - человек с большой придурью, или - та же Офелия. Да и чем он сам отличается от отца Льва?.. Двое душевнобольных?»...

- ... Откровенность за откровенность, - напряженное лицо Кобецкого смягчилось. - Сейчас я говорю о самом главном. Что есть слово. Ведь это и причина, и рок, и истина, а их (слов) порядок и последовательность - это то, что и вершит события. Так что оно означает? Ведь мы никто не знаем, что же на самом деле означают «стол», «стул», «тарелка»?.. И почему именно «стул» - это стул, а не сковорода?.. Ни одного «понятного» слова в языке? Мы узнаём слово только по его звучанию и изображению на бумаге, к которым привыкаем с детства (когда учимся), - но не по с а м о м у слову... Понимаешь, что я хочу сказать? (Глаза у отца Льва открылись, они были слегка покрасневшими, но в них читались и интерес и мысль)... Кто, авторитетнейший, установил раз и навсегда, что «мамонт» - это то, что называется словом мамонт, а, скажем, не словом «крокодил». С чего это вдруг? В чем тут дело? Что это слово (мамонт) значит (а оно ведь что-то да значит!), кроме того, что оно - сочетание ничего не значащих для человека звуков: ма-монт, и того ярлыка, который с этими звуками связан - обросший шерстью, ископаемый слон?.. Почему ничего общего (по звучанию хотя бы) между «слоном» и «мамонтом»? Уж, казалось бы, здесь-то должно быть хоть какое-то сходство, что-нибудь родственное? Ничего!.. Здесь-то вся и

тайна. ... Так, вот, - плечи у Кобецкий непроизвольно распрямились, и он вдруг объявил. - Я овладел Кодом Слова, шифром (он, как конь, переступил на месте). ...Ещё не окончательно, конечно, но, так сказать, иду к тому (как известно, Эйнштейн разгадывал сон, которому обязан открытием «теории относительности», всю жизнь). И могу подтвердить: да, тот «всеобщий язык», «идиома универсал», «капричос», о котором толковал Фейхтвангер в своем «Го́йе», действительно, существует.

То, что он не на шутку взволновал отца Льва, Кобецкий видел по его сразу напрягшемуся лицу. - ...Помнишь Секеля у Сола Беллоу?..

- ... Сола Беллоу?.. - как бы очнулся отец Лев. - ... Я помню лишь его ортопедический ботинок, который он таскает из одной книги в другую...

- Повторяет, - уточнил Кобецкий.

... Ему было стыдно за это - «овладел». Смутная догадка - не более того. Кто его за язык тянул?

- ... Ты, как Корнелий Агриппа, - не дождался продолжения отец Лев. - Ты его «Сокровенную философию» часом не читал? О всеобщей связи вещей?

- Так и есть, связано всё, и слова, и мысли с событиями, и обратно...

- «Жизнь выстраивается согласно книгам»... - отец Лев понимающе кивнул. - Складно говоришь...

- Это Уайльд говорит, не я. А я только соглашаюсь.

- «Уайльд»?.. А ты знаешь, что ещё говорил Уайльд? - вскинулся вдруг отец Лев. - «Всякое искусство совершенно бесполезно» и «действительность - это хаос, и только в работе человеческого воображения есть неумолимая логика»... Тебе не кажется, что это такое свойство человеческой природы? Искать смысла в бессмыслице?

- Ну-у!.. - деланно изумился Кобецкий. - Опять двадцать пять!.. И у тебя ещё язык поворачивается после всего, что мне наговорил? О Добре и Зле... (он видел, что отец Лев только психует, а психует из-за его «Кода»).

- ...Ты, всё-таки, поосторожнее с «повторением», - смягчился отец Лев. - Не забывай: перевод - это перевод, и здесь очень многое зависит от таланта переводчика. У Шекспира Беатриче заявляет: он - «крейсует». А я - не верю! Не могла она так сказать. «Крейсует»!.. Голландское слово, XVI век... Я не Шекспиру не верю. Я - переводчику не верю!.. Я не так давно сравнил Пруста - отрывок из «Пленницы» и тот же отрывок у Андре Моруа - в статье о Прусте. Там речь идет о законах вечности, «не видимых всё ещё только дуракам». Так - у самого Пруста. А вот у Моруа вообще нет упоминания о «дураках». Согласись – колоритнейшее и очень значимое слово! Так кто, какой из двух переводчиков - «дурак»?.. А сто различных переводов «Ворона» Эдгара По?..

Кобецкий потрясённо молчал. Он отлично знал и отрывок, о котором говорил отец Лев (о том самом «Берготе, «весь ли умер Бергот») и читал о Прусте у Андре Моруа, и сам же сравнивал переводы, и тоже обратил внимание на «дурака». ... Нет, отец Лев - это академия. С ним же абсолютно невозможно спорить. Как Ромму с Эйзенштейном. Знает всё!

- Олимпий..., можно так, да?.. - Кобецкий ласково улыбался (улыбнулся и отец Лев - «мы же договорились»). - У меня такое чувство, что мы живёт с тобой параллельно... Тебя волнует то, что волнует меня, ты говоришь о том, о чем думаю я, ты обращаешь внимание на то, на что обращаю я...

- Теперь уже не «параллельно», - сказал отец Лев.

- Да...

- Хотя бы намекнул... Ты говорил о последней «войне». О доказательствах... - так же шутливо воскликнул отец Лев. Он по-своему и, в общем-то, верно понял это «да». - Как я понимаю, она еще не конец света...

- Доказательства - в словах, в их значениях - всё, о чем я говорил, - Кобецкий продолжал улыбаться. - Есть прямая взаимосвязь всевозможных бед и всевозможных наслаждений, в которые мы бы хотели превратить свою жизнь...

Он начал перелистывать «Однодум».  
- ...Эх, чёрт, ну никакого житья нет! - засмеялся отец Лев. - Ты прямо затерроризировал. Страшный человек!.. Стихи Александра Галича не читал?

Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы,

Не бойтесь мора и глада,

А бойтесь единственно только того,

Кто скажет: «я знаю, как надо».

Кобецкий оторвался от «Однодума».

- Так Галич пророчил, - очень серьезно сказал он.

- О тебе? - улыбнулся отец Лев.

Улыбнулся и Кобецкий:

- Откуда могу знать я то, чего не знаешь ты, так?..

- Не так. Я не всезнайка. И не завистлив. Пути Господни неисповедимы. Саул искал ослов, а обрёл царство... Мы сейчас не об этом, - напомнил он.

Кобецкий пролистнул ещё страницу и опять взглянул на отца Льва.

- ...А вот на всякий случай и литературное доказательство. Стихотворение поэта 19-го века Евгения Баратынского «Последняя смерть». Не в курсе?..

Отец Лев покачал головой: - Не припоминаю.

- Пророчество, разумеется. Написано в 1827 году. Вот, слушай:

Есть бытие; но именем каким

Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;

Меж них оно, и в человеке им

С безумием граничит разуменье.

Он в полноте понятия своего,

А между тем, как волны, на него,

Одни других мятежней, своенравней,

Видения бегут со всех сторон,

Как будто бы своей отчизны давней

Стихийному смятенью отдан он;

Но иногда, мечтой воспламенённой,

Он видит свет, другим не откровенный.

Созданье ли болезненной мечты

Иль дерзкого ума соображенье,

Во глубине полночной темноты

Представшее очам моим виденье?

Не ведаю; но предо мной тогда

Раскрылися грядущие года;

События вставали, развивались,

Волнуясь, подобно облакам,

И полными эпохами являлись

От времени до времени очам,

И, наконец, я видел без покрова

Последнюю судьбу всего живого...

... Кобецкий оторвался от текста.

- Вот то же, примерно, было и со мной («повторение»!): «с безумием граничит разуменье» и «во глубине полночной темноты». И я увидел то, что увидел... Но читаем дальше.

...Сначала мир явил мне дивный сад;

Везде искусств, обилия приметы;

Близ веси весь и подле града град,

Везде дворцы, театры, водометы,  
Везде народ, и хитрый свой закон  
Стихии все признать заставил он.  
Уж он морей мятежные пучины  
На островах искусственных селил,  
Уж рассекал небесные равнины  
По прихоти им вымышленных крыл;  
Всё на земле движением дышало,  
Всё на земле как будто ликовало.  
Исчезнули бесплодные года,  
Оратаи по воле призывали  
Ветра, дожди, жары и холода,  
И верною сторицей воздавали  
Посевы им, и хищный зверь исчез  
Во тьме лесов, и в высоте небес,  
И в бездне вод, сраженный человеком,  
И царствовал повсюду светлый мир.  
Вот, мыслил я, прельщённый дивным веком,  
Вот разума великолепный пир!  
Врагам его и в стыд, и в поученье,  
Вот до чего достигло просвещение!  
Прошли века. Яснеть очам моим  
Видение другое начинало:  
Что человек? Что вновь открыто им?  
Я гордо мнил, и что же мне предстало?  
Наставшую эпоху я с трудом  
Постигнуть мог смутившимся умом.  
Глаза мои людей не узнавали;  
Привыкшие к обилью дольних благ,  
На всё они спокойные взирали,  
Что суеты рождало в их отцах,  
Что мысли их, что страсти их, бывало,  
Влечением всесильным увлекало.  
Желания земные позабыв,  
Чуждаясь их грубого влеченья,  
Душевных снов,  
высоких снов призыв  
Им заменил другие побужденья,  
И в полное владение свое  
Фантазия взяла их бытие,  
И УМСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ УСТУПИЛА  
ТЕЛЕСНАЯ ПРИРОДА МЕЖДУ НИХ.  
ИХ В ЭМПИРЕЙ И В ХАОС УНОСИЛА  
Живая мысль на крыльях своих;  
Но по земле с трудом они ступали,  
И браки их бесплодны пребывали.

Кобецкий снова оторвался от «Однодума»: - Надеюсь, понятно, о чем речь. Да, об этом самом... Теперь все помыслы познавшего материальный достаток человека всецело обращены к поиску наслаждений, и его инстинкты, обуздываемые до поры, высвобождаются с последствиями энергии ядерного взрыва...

Прошли века, и тут очам моим  
Открылася ужасная картина:  
Ходила смерть по суше, по водам,  
Свершилася живущего судьбина.  
Где люди? Где? Скрывалися в гробах!  
Как древние столпы на рубежах,  
Последние семейства истлевали;  
В развалинах стояли города...  
... И тишина глубокая вослед  
Торжественно повсюду воцарилась,  
И в дивную порфиру древних лет  
Державная природа облачилась.  
Величествен и грустен был позор  
Пустынных вод, лесов, долин и гор.  
По-прежнему животворя природу,  
На небосклон светило дня взошло,  
Но на земле ничто его восходу  
Произнести привета не могло.  
Один туман над ней, синяя, вился  
И жертвой очистительной дымился.

Кобецкий окончил читать, и воцарилась торжественная тишина. Нарушил её отец

Лев.

- ... Да, эту вещь я как-то упустил. Даже не понимаю, как. Читал ведь, читал Баратынского! Да, интересно...

- Великолепный поэт! - подхватил Кобецкий. - Пророк. «О, я знаком с сим языком любви тайной!» - выхватил он из «Одnodума». - ... Вот и о «повторенье» - то, о чем всё время говорю...

Мир и жизнь - есть ПОВТОРЕНЬЕ...  
На что вы, дни! Юдольный мир явленья  
Свои не изменит!  
Все ведомы, и только ПОВТОРЕНЬЕ  
Грядущее сулит...  
Или вот, ещё хорошее:  
Предрассудок! Он обломок  
Древней правды. Храм упал;  
А руин его потомок  
Языка не разгадал.

- ...Что-то я не пойму у Баратынского, - вдруг неожиданно въехал отец Лев. - Плохо у него состыкуется. С одной стороны - видения, негативно - о «телесной природе». А с другой. Это ведь у него... «Наслаждайтесь, всё проходит» и... «на лету ловите счастья ненадёжные часы». Получается, что и сам призывает к тому, отчего «ужасная картина». Может, и «виденья»-то никакого не было? Так, фантазия...

И опять Кобецкий был изумлен. Он читает по «Одnodуму», и без «Одnodума» он ничто. А у этого голова, как «Одnodум»! Как у бредберриевского Монтэга, или - тамошнего Симмонса, открывшего способ воскрешать в памяти прочитанное. (Он смерил взглядом высокий лоб отца Льва). И ведь бьёт же в самое слабое место! Но возразить кое-чем у него было. Ему уже пришло в голову. Стихотворение, которое в своё время его так поразило и которое он мог прочитать по памяти.

-... Фантазия, в известной мере, - всё. Сегодня - фантазия, а завтра - реальность. Мы ж только об этом и говорим. У Лермонтова есть стихотворение. Называется «Пред-

сказание» и снабжено его личной припиской - «это мечта». «Фантазия» - по-другому. Так вот, «фантазия» эта уже осуществилась...

Настанет год, России черный год,  
 Когда царей корона упадет;  
 Забудет чернь к ним прежнюю любовь,  
 И пища многих будет смерть и кровь;  
 Когда детей, когда невинных жён  
 Низвергнутый не защитит закон;  
 Когда чума от смрадных, мертвых тел  
 Начнёт бродить среди печальных сел,  
 Чтобы платком из хижин вызывать,  
 И станет глад сей бедный край терзать;  
 И зарево окрасит волны рек:  
 В тот день явится мощный человек,  
 И ты его узнаешь - и поймешь,  
 Зачем в его руке булатный нож:  
 И горе для тебя!- твой плач, твой стон  
 Ему тогда покажется смешон;  
 И будет всё ужасно, мрачно в нем,..

Булатный (стальной) нож - орудие убийства и, одновременно, - элемент костюма (черкесский) кавказца... Как видишь, - яснее ясного. Революция семнадцатого года. Гражданская война. «Смерть и кровь». «Голод». И - «мощный человек» Сталин, взявший в ежовые рукавицы огромную страну. Кобецкий оглянулся на стенку: и у стен могут быть уши... Он стоял спиной к двери, закрывая её отцу Льву, а потому ни тот, ни другой не увидели, как она распахнулась, и на пороге появилась Светка.

- Фигня какая-то! - раздалось сзади Кобецкого, и от неожиданности тот вздрогнул так, что заныло сердце. - ...Вас на улице слышно. Входная дверь настежь: заходи и выноси что хочешь...

Светка радостно улыбалась отцу Льву.

- Как наа-стежь? - Кобецкий заикался. - Мы... я закрывали («закрывали», - подтвердил отец Лев).

- А как я, по-вашему, сюда попала?.. Подхожу, смотрю - наполовину открыта. Ваши голоса. Заглянула в комнату - Юрка с Димкой в кроватях сидят, смеются...

- Они что, не спят?

- Заснёшь, пожалуй, когда вы тут орёте!

Кобецкий выскочил в коридор. Димка и Юрка лежали каждый на своем месте и старательно изображали спящих.

- Дима, Юра, немедленно спать! (Он подоткнул одеяло младшему). Встанете не раньше, чем через полтора часа! - предупредил он.

- Неужели так слышно? - спросил, вернувшись.

- Очень слышно, - сказала Светка.

- Чёрт!.. С моря привычка орать. Ничего не могу поделать. Завожусь с пол-оборота. Сам не замечаю. Всё. Говорим тише. И идем на кухню. У нас же ещё...

- У нас же ещё есть! - подхватил отец Лев.

- Пьяницы! - счастливым голосом сказала Светка.

- ...Посуду давай, - сказал на кухне отец Лев и стал открывать бутылку.

Кобецкий взял рюмки и вернулся в коридор - беспокойство его росло. Он на цыпочках подошел к двери Ивана Робертовича (так звали его нового соседа) и прислушался. Тишина. Опять осторожно потянул за ручку - та не поддавалась. Дёрнул посильнее - дверь была закрыта. Успокоившись, он вернулся на кухню. Впрочем, посидеть им на этот раз не удалось. Очень скоро отец Лев (как и предвидел Кобецкий) оказался в «пункте С», и его

так и не удалось привести в чувство «медитации» автора теории «погружения» оказались слишком «глубоки». Что же касается соседа, то беспокоился Кобецкий не напрасно. Хотя дверь не закрыл он сам. Точнее - закрыл, но не плотно - за разговорами только притворил, и её потом распахнуло сквозняком. И никуда Иван Робертович не уходил и не приходил, а был дома. Он вернулся домой перед самым приходом Кобецкого и отца Льва. Пообедал и прилёг, собираясь часок вздремнуть, но насторожил его толкнувшийся в дверь Кобецкий. После этого он уже напряженно прислушивался и увлёкся беседой, происходившей в коридоре и за стенкой: кое-что он понял, кое-что не разобрал, но и услышанного было достаточно, чтобы от сонливости Ивана Робертовича не осталось и следа. Прежде всего, его огорошил тот «чёрт», о котором толковал в коридоре чей-то незнакомый баритон, уверявший о реальности «чертовщины», и диагноз ему напрашивался сам собой. После этого раздавался преимущественно знакомый голос соседа, и Иван Робертович только ахал: содержание странных, фантастических речей не оставляло у него ни малейших сомнений - сосед страдал паранойяльным бредом, интеллектуальной мономанией, а уверения его о чужих мыслях, генерируемых извне, стопроцентно свидетельствовали о ментизме. Ум заходил за разум и у Ивана Робертовича. Он оказался свидетелем классического случая: один психически больной воздействовал на другого психически больного, заставляя поверить в свои «идеи» - такие состояния называются «индуцированными», но, разумеется, была во всём этом и жажда признания - истеричная форма психопатии.

«Дурдом!» - ахал Иван Робертович, припадая ухом то к двери, то к стенке. За стеной говорили о некоей теории, и Ивану Робертовичу вспомнилось о своей: «гениальность и её обязательный спутник – отклонение от нормы (ненормальность)». Он хорошо слышал стихотворение Лермонтова «Предсказание» и фразу о «Сталине», и всё это не менее поразило его, и ему даже подумалось о Кобецком, как о некоем «гении», в гиперманиакальном состоянии, создающем настоящие шедевры. И время от времени он даже начинал испытывать какую-то симпатию к говорившим (какое-то необъяснимое, загадочное «родство»), но в то же время в голове его уже составлялись и те пространные заявления, которыми он собирался забросать соответствующие службы.

Затем вдруг раздался женский голос, кто-то опять дёрнул дверь, отчего мурашки ужаса рассыпались у Ивана Робертовича по спине, после чего голоса стихли, перенеслись на кухню, и только невнятным шумом долетали оттуда. Ивану Робертовичу уже давно хотелось в туалет, но он страшился обнаружить себя. Он осторожно, ступая по полу голыми пятками, прохаживался из угла в угол, и от мыслей у него шла кругом голова. «Желтый дом! - шептал он. - Шизики! Дурдом!...».

К «шизикам» себя Иван Робертович не относил (дромомания - непреодолимое желание к перемене места жительства - осталась в прошлом). У себя же он находил только признаки обнубиляции - небольшую оглушенность в силу слишком большого понимания происходящего, а также – повышение порога к раздражителям внешней среды и её верного спутника - сопор (вынужденную сонливость).

-... Ну что съездила к тётке? - спрашивал между тем на кухне Кобецкий Светку (по существу он заговаривал ей зубы, оттягивая момент, когда она спросит про Ольгу, и всё, конечно, откроется).

- К какой тётке? Я не к тётке ездила, - Светка приоткрыла форточку. Закурила.

- Дядя Слава сказал...

- Совсем старый спятил. Зальёт глаза и целый день с телевизором разговаривает. Я к знакомой ездила. Ромке ботинки покупать. У неё сестра в ГУМе работает. Приехала - мать говорит: «Ольга заходила»... Да, а она-то где?..

## ГЛАВА 4

Возможно, подобные желания дремали во мне давно, и знаки Зодиака просто были их последним проявлением.  
*Л.Хартли. «Посредник»*

Пишите пять лет, и если не получится, то застрелиться всегда успеете.  
*Совет Э.Хемингуэя*

А если кто идет на огонь из-за своего учения – что же это доказывает! Поистине, совсем другое дело, когда из своего горения исходит собственное учение!  
*Ф.Ницше. «Так говорил Заратустра»*

Уж не рехнулся ли он?  
*И.Тургенев. «Рассказ отца Алексея»*

Ах, до чего странный субъект. Звонить, звонить!  
Сейчас же звонить! Его быстро разъясят!  
*М.Булгаков. «Мастер и Маргарита»*

«Желать» - всего лишь один глагол, но содержит в себе бесчисленные вещи».  
*Ф.Петрарка. «Тайна, или призрение к миру»*

Он размышлял всю дорогу... «Свободно?» - долетело до него. (Нежный голос). Кобецкий очнулся, поднял голову... Кивнул. Сказать он не смог. Его парализовало. Она села напротив. Он смотрел во все глаза. Это была ОНА! Та, которую он вообразил, которая ему снилась, и которую он видел потом в храме! Он украдкой взглянул ещё раз. Она глядела в окно. На её волосы падали лепестки роз и садились бабочки. Красота, которую оскверняло его собственное соседство, устремленные на неё взгляды, голоса разговаривающих через лавку пассажиров... Теперь он мог её лучше рассмотреть. ТАК ВОТ КАКАЯ ТЫ ЕСТЬ!..

... В окно он уже видел деревянные буквы: ГОРЕЛОВО - выплывала его платформа. Уже надо было подниматься. Ему понадобилось настоящее усилие. «Созерцание идеальной красоты рождает боль». И сейчас он по-настоящему понимал, что имел в виду Моэм. Он оказался на платформе. Подала гудок и двинулась, набирая ход, электричка. «Электричка - до Шахова, - прикидывал Кобецкий, - следующая - конечная. Значит, она живет либо в Шахове, либо там, где и вошла - в Федюнино. И, разумеется, неслучайно он её видел в шаховском храме. Они - соседи!».

Кобецкий шагал по платформе и чувствовал, как уходит куда-то боль. Он не думал о том, кто мог быть с нею - замужем ли она? Или есть ли у неё воздыхатель (разумеется, есть) - точнее, эта мысль не задевала его. Он не хотел этого знать. Для него она идеал, и во все времена одна. А значит - она с ним. И в душе его зажигался свет, и душа наполнялась счастьем. Ему было радостно думать, что такой человек рядом. И одна только мысль об этом (о сопричастности одному) опьяняла, кружила голову, и он наслаждался ею. И она - эта мысль - была важнее всего. Он спал, а кто-то ходил, потом опустился к нему на кровать. А он хотел проснуться, но не мог. Он не понимал: сон это или явь? Он чувствовал, как к нему наклонились близко-близко. Конечно, это была она! Она - Илайяли! Его идеал - верная, трепетная, нежная, ранимая и прекрасная в невинности своей!.. А за окном шёл дождь. Стучал по подоконнику. Так сладко грустить в такие минуты; в душе всегда что-то

происходит - душа омывается, и на душе чище - то ли от дождя, то ли от слёз. Она - была рядом. Какое счастье наблюдать: движение руки, движение ресниц. Попытаться разгадать её мысли - самые чистые и невинные. И ему от неё ничего не нужно. Знать бы только, что она существует, что она есть.

... Поднявшись в институтскую библиотеку, Кобецкий предъявил студенческий билет, но, оказалось, что взять нужную ему книгу для домашних занятий нельзя - выпущенная кафедрой математики брошюра, ввиду ограниченности тиража, выдавалась только для занятий в читальном зале. Чтобы сделать конспект, ему пришлось задержаться. После вчерашнего мучила жажда, и, прежде чем засесть за пособие, он решил сходить в буфет. Тот, насколько он помнил, располагался на этом же этаже, в самом конце коридора, рядом с актовым залом. Шли лекции, и буфет был почти пуст. Опорожнив одним махом бутылку «Нарзана», Кобецкий уже собирался возвратиться в библиотеку, но тут его внимание привлекло объявление. Написанное черной тушью, оно помещалось на куске ватмана, прикрепленного кнопками к двери актового зала. Кобецкий подошел ближе. Содержание его было интригующим.

**УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ СТУДЕНТЫ!**  
**СЕГОДНЯ В АКТОВОМ ЗАЛЕ ИНСТИТУТА СОСТОИТСЯ ЛЕКЦИЯ НА ТЕМУ:**  
**«НОВОЕ ВО ВЗГЛЯДЕ НА СУДЬБУ.**  
**КОСМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ТАЛАНТОВ И ГЕНИАЛЬНОСТИ».**  
Лектор: доктор философских наук А.Ф. Ветров.  
НАЧАЛО В 16 ЧАСОВ.

До трех Кобецкий просидел в библиотеке. Голова у него плохо работала, а мысли разбегались. Постепенно он исписал всю имеющуюся у него в распоряжении бумагу: обязательную свою четвертушку, без которой не выходил из дома, и даже оба конверта, и, наконец, попросил у какого-то студента по соседству листок из тетрадки и исписал и его. Он успел переписать себе всё, что посчитал нужным и в половине четвёртого уже сидел в актовом зале. Постепенно число равнодушных к своей судьбе прибывало, и к четырём зал был набит битком. Ровно без пяти минут четыре в сопровождении молодого человека с дипломатом появился лектор. Это был уже пожилой, «профессорского» вида мужчина с густыми седыми волосами. Молодой человек уселся за стоящим перед сценой столом, а лектор остался стоять. Поздоровавшись с аудиторией, он начал сразу, без предисловий. Говорил он быстро, импульсивно, но, как опытный лектор, делая паузы. Сославшись на общепризнанную связь влагообмена, приливов и отливов мирового океана с действиями Луны, а также на взаимосвязь солнечных протуберанцев с магнитными бурями на Земле, «профессор» (так мысленно окрестил его про себя Кобецкий) указал на то, что логичным было бы предположить, что взаимосвязь Космоса и Земли этим далеко не исчерпывается, что она намного шире и лишь пока не известна академической науке. В качестве иллюстрации такого порядка вещей он привел пример ребёнка, которому известно о Солнце лишь, как об источнике света и тепла, и неизвестно ничего другого.

- ...Итак, резонно предположить, что имеющаяся взаимосвязь куда шире, - повторил профессор, - и она может касаться не одних только Луны и Солнца, но и всех планет Солнечной системы. А также не только светил и планет, но и человека.

Здесь доктор философии Ветров сделал паузу. Казалось, что он собирается с мыслями, переводит дух. Однако, никому не ведомые, в душе у лектора таились неуверенность и даже страх. Сейчас он мог ожидать гневного оклика, отповеди, срыва лекции, да чего угодно, и никто из присутствующих не знал, как ему трудно произнести следующую фразу. Он хорошо понимал, что лучше показаться в эти первые минуты странным одиночкой, человеком, которого можно разбить в диспуте или в споре, чем сразу же ссылаться и выступать от имени многовекового опыта человечества, ибо в таком случае он момен-

тально превращается во врага, идеологического провокатора, засланного лазутчика, проводника реакционной и чуждой советскому человеку идеологии. К такому выводу он пришел ещё раньше, когда только задумывал цикл лекций.

-...И я берусь это утверждать, - произнёс после паузы профессор. - Человек, представляющий собой биоэнергетическую систему - самым непосредственным образом связан со Вселенной, а макрокосм Мироздания аналогичен микрокосму человека. Скажем, женский биологический цикл в 28 дней в точности соответствует циклу Луны.

Аудитория немо внимала; со стороны она могла показаться даже безучастной, однако, это было не так. То, что странный этот человек скользит у опасной черты идеализма, понимали уже все, и первое впечатление от лекции впечатляло.

- ...Фенотип человека, - раздавался профессорский голос, - а, в определенной мере - и человеческая жизнь во времени и пространстве (а, иначе говоря - судьба), - и есть результат того совместного действия, которое оказывают на него светила и планеты. И это можно доказать. Исходя из понимания того факта, что влияние Космоса на каждого человека общее, а судьба есть понятие строго индивидуальное, то резонным было бы предположить, что экзистенциальным для каждой личности может быть момент появления её на свет – как единственного момента бытия, когда действие Космоса или, иначе говоря, взаиморасположение и взаимодействие светил и планет для каждого из нас - строго определён. И я, опять утверждаю, что это именно так.

Теперь в аудитории произошло заметное движение, возник и тут же погас шум. Кобецкий слушал внимательно и напряженно. А профессор продолжал:

- Итак, я могу сказать совершенно определенно: человек научился распознавать действия, оказываемые на него той или иной планетой, и, вычисляя её положение в момент рождения, получил возможность определять эту самую индивидуальность. Как-то - особенности строения тела, внешность, характер, способности, таланты, склонности и так далее. А также получил возможность и прозревать эту индивидуальность во времени, то есть, иначе говоря - прозревать судьбу. И это логично. Ибо если задана индивидуальность, то резонно предположить, что задана, в той или иной мере, и судьба. Ведь не может, скажем, ограниченный от природы человек стать гением науки, а инвалид, прикованный к кровати - чемпионом по спорту...

Аудитория была сражена. Здесь прозвучало слово «зодиак», и речь пошла о вещах, совершенно необычных. Все понимали, что профессор говорит об астрологии, но почему-то избегает произносить это слово. А тот, постепенно разойдясь, говорил самозабвенно и страстно, и его нервное лицо светилось светом вдохновения.

- ... Если о правильности прозрения в судьбу можно говорить только спустя определенное и конкретное время, - вещал профессор, - то об отдельных чертах индивидуальности можно говорить уже сейчас. Я уже предвижу вполне уместный вопрос: планеты планетами, а куда девать наследственность? Ведь человеку передается внешность, тип сложения, которые обусловлены индивидуальностью его родителей? И каково и в чем заключается тогда влияние планет?.. Да, это, несомненно, так. Но я категорически утверждаю, что планеты, оказывается, не только «учитывают» эту наследственность, но и «вносят» коррективы в конечный результат (я имею в виду «плод любви») и берусь вам сейчас это показать.

Объяснив это, профессор опять сделал небольшую паузу и обратился к залу:

- Есть ли среди присутствующих те, кто знает время своего рождения? Я имею в виду: не утро, вечер, ночь, а конкретное время в часах, а ещё лучше в минутах, скажем: половина двенадцатого? около часа ночи?.. Вообще, чем точнее, тем лучше... Есть?.. Товарищи! Я прошу отнестись к этому очень серьезно, это в ваших же интересах. От этого зависит результат эксперимента, который я хочу вам предложить. Но если таковых не окажется, он всё равно будет проведен, правда, в несколько изменённом виде... Так что?.. Есть? Поднимите руки...

В зале одна за другой поднимались руки. Поднял руку и Кобецкий. Всего поднялось десятка два рук.

- ... Отлично! Опустите, - профессор жестом попросил опустить. - А теперь я на недолго вас покину, и остальное вам объяснит мой помощник Виктор Сергеевич.

Профессор вышел, а поднявшийся из-за стола ассистент извлёк из дипломата стопку нарезанной небольшими квадратиками бумаги и передал её по рядам, предложив всем, кто поднимал руки, написать дату, место и время своего рождения, а также указать пол и национальность, не указывая имени и фамилии.

Кобецкий помнил время своего рождения со слов матери, и эта цифра была написана её рукой в фотоальбоме с надписью «Ваш ребёнок», в соответствующей графе.

На квадратике бумаги он крупными печатными буквами написал: РОСТОВ-НА-ДОНУ. 7 АПРЕЛЯ 1952 ГОДА. 3 ЧАСА НОЧИ. ПОЛ: МУЖСКОЙ. РУССКИЙ. И передал его по рядам.

Пока заполнялись бумажки, ассистент профессора достал из дипломата несколько книг, бумагу, логарифмическую линейку и положил всё это перед собой. Когда заполненные квадратики возвратились к нему, он их перемешал и разложил на столе обратной своей стороной, вроде экзаменационных билетов, а потом попросил одного из присутствующих, которому аудитория доверяет, вытащить их несколько наугад, объяснив, что из-за недостатка времени лектор не сможет воспользоваться всем предложенным и ограничится только частью. Затем ассистент пригласил дожидавшегося за дверьми зала профессора. Войдя, тот объявил:

- Сейчас Виктор Сергеевич по имеющимся данным сделает необходимые расчёты, а мы пока поговорим.

Ассистент тут же начал шелестеть страницами книг, что-то считать и писать, а профессор продолжил лекцию.

- Итак, я сказал о том, что фактор планет учитывает и фактор наследственности... Более того, скажу вам следующее: сравнивая подсказанные планетами индивидуальности родителей и их детей, вдруг обнаруживаешь, что индивидуальности тех и других взаимосвязаны самым непостижимым образом. Например, время смерти родителя может быть отражено и в индивидуальности его ребёнка. И - наоборот: факт рождения детей, оказывается, может быть отражен в индивидуальности их родителей ещё задолго до рождения этих самых детей, или - ещё при рождении этих самых родителей, то есть тогда, когда тех, в последующем родившихся чад, не существовало и в проекте.

По залу пробежал смехок, но профессор был совсем не расположен шутить, наоборот, весь его вид говорил о чрезвычайной важности момента.

- ...И вот тут-то понимаешь... - профессор поднял палец, - что над всем властвует Закон, который есть Вечное, и прозревающий из вечности в вечность.

Наверное, у половины зала в продолжение этой фантастической тирады возникла мысль: «А не съехал ли с катушек старикан?». Профессор уже не скользил в непосредственной близости, а беспомощно бился в сетях самого вульгарного идеализма, и каждый из присутствующих, кто с негодованием, а кто с восхищением понимал это. К числу последних всецело принадлежал и Кобецкий.

А на лице у профессора блуждала улыбка. Но это была грустная улыбка. Он хотел и не мог назвать вещи своими именами. Он даже не мог произнести слова «астрология», ибо во всех советских словарях раз и навсегда было заявлено, что астрология - это лженаука. Позади у него уже было восемь лет заключения, и его «индивидуальность» ясно подсказывала ему о большой вероятности того, что срок этот не последний. Борясь с обуревавшими его чувствами, он продолжал:

- ...Хочу сразу подчеркнуть, что, говоря о человеческой судьбе, мы должны говорить всё же о в е р о я т н о с т и тех или иных её моментов. Почему? Можно ли понимать, что в данной оговорке кроется намёк на несовершенство прогноза?.. Ни в коем случае. Из физики мы знаем, что если с одинаковой силой сталкивать два шара одинаковой массы, то, основываясь на физических законах, можно однозначно утверждать: всякий раз шары будут отлетать друг от друга на строго определенное расстояние со строго определенным ускорением. Но это в мире бездушных физических тел. В мире же людей одни и те же исходные данные (рождение в одно и то же время, в одном и том же месте) не означают автоматически одну и ту же судьбу. На вопрос, почему? - я отвечу так: в силу индивидуальности каждой человеческой души. Разговор об этом, однако, выходит за рамки данной нашей лекции, и я скажу только о том, что в этом факте «вероятности» - огромный смысл. Примеры её мы можем обнаружить даже в точных науках. То же самое - число «пи», или, например, - уравнение Шредингера. Говоря о «вероятности» или о «неопределенности», мы и демонстрируем принцип отношения между природой и человеком.

Здесь профессор умолк, кашлянул, налил в стакан из стоящего на столе графина воды и, немного отпив, пояснил:

- Друзья мои!.. (и в этом его обращении, одновременно и интимном, и объединяющем, было столько доверительности и даже доверчивости, что у Кобецкого побежали по спине мурашки). Вероятность проистекает от «свободы» и, наоборот, «свобода» проистекает от вероятности. И это хорошо. И в этом большой смысл. Ибо если судьба задана, то очевидная определенность может не только сильно навредить, но и помешать промыслительному ходу событий. Свобода - это палка о двух концах, и тут всё не так просто. Да, человек стремится к ясности и свободе. Но вспомните ту притчу Достоевского, его Великого Инквизитора, слова о невыносимости свободы. Ибо человек одновременно жаждет и страшится её...

Профессор вдруг стремительно шагнул к сидящим в первом ряду и, ткнув в первого попавшегося пальцем, быстро спросил: - Хотите узнать дату своей смерти?..

Молодой человек, в которого угодил профессорский палец, пару секунд раздумывал.

- ...Хочу...

- Как? - даже опешил профессор. - Вы хотите знать, когда умрёте?..

Вокруг оживились. Кто-то посмеивался.

- ...Да.

- Вы это серьёзно?.. Я в последний раз спрашиваю. Я вам скажу...

- Нет!.. - перепугалась потенциальная жертва.

- Вот видите! - профессорский палец взлетел вверх. - Этот человек хотел, но, в конце концов, испугался «свободы» и совершенно справедливо. По-человечески справедливо! Тем самым он недвусмысленно предпочел - в е р о я т н о с т ь, а иначе - возможность выбора!.. Вот каким образом она в нашей индивидуальности учтена... Я хочу вам сказать, несколько, правда, отклоняясь от предмета нашей беседы, что ладонь человека, она тоже многое может сказать о судьбе, ибо это есть отпечаток того, что начертано звездами. Попробуйте стать лучше, чем вы есть, и через некоторое время вы увидите отражение этих перемен на вашей руке: линии станут чётче, рельефнее, обрывки или исчезнут или соединятся в целое. И это ясно говорит о том, что у человека в отношении судьбы есть возможность творческого выбора. «Стань тем, кто ты есть, когда ты этому научишься» - это слова древнегреческого поэта Пиндара. Иначе говоря, в судьбе человека соединяются как свобода, так и несвобода или то, что иначе мы называем роком. Рок или несвобода чаще всего имеют место в таких сферах человеческой жизни, как вопросы его карьеры, здоровья, вопросы брака и семьи. Да, друзья мои, сакраментальное «браки заключаются на небесах» имеет под собой почву. Вы все здесь преимущественно молодые и ещё, очевидно, не имеющие своих семей люди. И я скажу вам, что с большой долей веро-

ятности мы можем установить: будет ли человек одинок или он вступит в брак, сохранится ли этот брак или распадётся. И будьте уверены - события сложатся таким образом, что так и будет. Человек или будет биться, как рыба об лёд в тисках своего одиночества, или счастливая встреча произойдет в нужном месте и в нужный час. Так что ситуация, о которой поётся в песне, помните: «представить страшно мне теперь, что я не ту открыл бы дверь, не той бы улицей прошел, тебя б не встретил, не нашёл», честно говоря, - невозможно. Сам того не ведая, человек прошел бы именно той улицей, вошел бы именно в ту единственную дверь. Как говорит пословица, «суженого конём не объедешь». Или - «кому на ком жениться, тот в того и родится».

Произнося всё это, доктор философии Ветров не переставал удивляться собственному безрассудству. Он говорил то, о чем говорить совершенно не собирался. Он даже бы не решился. План лекции давно нарушился. То, о чем он собирался сказать в конце, почему-то вышло в начале... Его будто кто за язык тянул...

- ... События происходят так, - вещал профессор, - словно мир задуман для тебя одного, и что больше всего ошеломляет, что подобным же образом происходит осуществление миллионов и миллионов судеб – каждый день и каждый час одна помогает другой в осуществлении и никак не противоречит.

Покончив, наконец, с судьбами, профессор, ссылаясь на опыт предков, рассказал о взаимосвязи полнолуния и новолуния («убывающей» и «возрастающей» Луны) с будущим урожаем садоводческих и сельскохозяйственных культур. А затем поведал об открытиях доктора Евгения Йонаса из исследовательского центра по планированию рождаемости в Чехословакии, космобиологический метод которого помогает избежать аборт и получить здоровое потомство. Сославшись на доктора, профессор, в частности, сообщил, что даже бесплодные женщины (если их бесплодие не результат необратимых изменений в организме) способны к зачатию, когда Луна и Солнце оказываются на том же расстоянии, что и в момент рождения женщины. А пол ребенка может быть определен по тому, в каком зодиакальном знаке («мужском» или «женском») находится Луна в момент зачатия.

Тут профессор обратил внимание на знак своего ассистента и сказал:

- А теперь оставим пока бесплодные разговоры и займемся практической стороной вопроса.

Итак, сейчас я, основываясь на вычислениях моего помощника Виктора Сергеевича, по имеющимся данным попытаюсь, не зная и не видя самого человека, основываясь, так сказать, на показаниях звезд, дать какие-то характерные черты его индивидуальности, и прошу в случае ошибки во всеуслышание об этом сказать. Подчеркну, что буду достаточно краток и буду говорить лишь о том, о чем можно будет судить сразу. Я хочу сказать, что, как правило, время своего рождения человек знает все же приблизительно, хотя это и самый важный момент, ибо соотношение факторов в Космосе очень быстро меняется (каждые четыре минуты), а потому, увлекаясь, я рискую впасть в ошибку. А с другой стороны, для более полного анализа требуется просто больше времени, которое у нас ограничено. Поэтому еще раз прошу простить за краткость. Заранее также прошу извинить, если мои слова кого-то и обидят. Прошу понять и простить. Итак, приступим...

Профессор быстро зачитал на бумаге первые данные и несколько мгновений напряженно в неё смотрел, а потом медленно, как бы выверяя каждое слово, начал говорить:

- Владелец сего имеет глаза темные... бледный цвет кожи... короткую шею... густые темно-каштановые волосы... он плотного сложения... на лице имеет несколько родинок... Имеет, по крайней мере, одного брата или сестру. То есть, я хочу сказать, что он не один ребенок в семье. ...Если кому из присутствующих известен его характер, то могу сказать, что он очень эмоционален, имеет легкоранимую натуру... учится, по всей видимости, очень хорошо, если, конечно, он студент... В чем я, собственно, не сомневаюсь. Вероятно, даже отличник учёбы... Ну, я думаю, пока достаточно. ...А теперь я хочу, чтобы тот чело-

век, чья эта карточка, поднялся, чтобы все его видели, и подтвердил или опроверг мои слова...

Все рядом с Кобецким так и завертели головами. В то же мгновение в середине зала, смущенно улыбаясь, поднялся человек, и по залу прокатился гул восхищения. Поднявшийся, по крайней мере, чисто внешне, полностью соответствовал представленному лектором портрету. Он был плотен, полноват, темноволос и темноглаз. Судя по реакции и отдельным жестам сидящих рядом с ним, он был тут не один, с друзьями, его тут знали.

- Всё так, - подтвердил он.

- Отличник?..

- В общем-то, да...

- Так кто у вас, брат или сестра? - покрывая шум, крикнул профессор. По его лицу было видно, что он чрезвычайно доволен произведенным эффектом.

- У меня младший брат.

- Ага... - как бы запоминая, произнёс профессор.

- ...Нуте-с, - обернулся он к ассистенту. - Дальше у нас кто?.. И, получив следующую бумажку, опять на мгновение задумался. Кобецкий так и впился в него глазами. Он был почему-то уверен, что сейчас речь пойдет о нём. Но нет, профессор зачитал данные другого человека и всё так же, с паузами, принялся говорить:

- ... Сего обладатель... напротив - светловолосый блондин... Нет, скорее даже цвет волос у него рыжий... Заметны веснушки... Речь глухая... Сложения нормального... Скорее всего, он художав. ...Равнодушен к физкультуре и спорту... Успехи в учебе гораздо скромнее, чем у предыдущего товарища... Очень общителен, суждения его зачастую легковесны... Хочу предупредить - опасность переломов ног... Так, - сказал профессор и, оторвавшись от бумаги, вопросительно глянул в зал.

Смех прокатился по залу, а кто-то даже зааплодировал, когда из второго ряда, недалеко от Кобецкого, поднялся красный, как рак, рыжеволосый парень. Явно смущенный, что-то пробурчав, он поспешно сел.

- Не любите физкультуру? - кричал профессор, покрывая шум. - А?.. Что так?.. Надо любить, я настоятельно рекомендую. - Выражение профессорского лица было счастливым, а глаза горели каким-то истерическим блеском. - Переломов не было, нет?.. Я говорю - ног не ломали?.. Было?!.. Я ведь и говорю - будьте осторожны!..

И профессор, машинально потирая руки, хохотнул. «Да, он точно со странностями!» - пронеслось у Кобецкого в голове. И только тут до него дошло, что происходящее - одно к одному - повторяет ту самую сцену у Фейхтвангера в «Братьях Лаутензак», в которой Оскар демонстрирует своё ясновидение, и ему опять вспомнился парадокс Оскара Уайльда: «Не книги следуют за жизнью, а, наоборот, жизнь выстраивается согласно книгам!»

... После рыжеволосого поднималось ещё два человека, но тут прежнего эффекта не получилось: во внешности обоих не нашлось ничего характерного, она была слишком обыкновенной. А после них наступил черёд и Кобецкого.

«Чай-йен-йен!» - приказал он себе, потому что, как только прозвучало: «Ростов-на-Дону, 7 апреля...» - его сразу прошиб пот и задрожали руки. В невыносимом напряжении он смотрел на седого волшебника, безмолвно застывшего с листком бумаги.

-... Данный человек темноволос... Плотного сложения. Я бы даже сказал так - атлетичен. Спортсмен. Хотя и имеются проблемы со здоровьем... Склонен к облысению... На лице должны быть шрамы... Вспыльчив, раним... Интроверт...

Профессор умолк и вдруг, оторвавшись от листка, сказал: «Я не думаю, что лучшим местом для его способностей был бы технический ВУЗ».

Ноги у Кобецкого были ватные, когда он поднимался с места. Вокруг смеялись, сыпались остроты, шутки, но он ничего не слышал, он был словно оглушен.

- Всё правильно, - поспешил заверить он профессора и, даже толком не поднявшись, сразу же сел.

Он был потрясён точностью прогноза. Профессор вытер платком лоб и взял очередной листок. Зачитав исходные данные, он немного подумал, а потом вдруг положил его обратно на стол и сказал:

- А теперь я некоторым образом рискну. Внешность девушки представляется мне настолько примечательной, что я просто попробую отыскать её по одним только этим данным. Тут, правда, есть один нюанс, который может мне помешать, но тогда я всё объясню...

И в наступившей тишине профессор принялся скользить по рядам блуждающим напряженным взглядом. Несколько раз он на ком-то останавливался; один раз даже показалось, что профессор нашёл ту, которую искал, но, поколебавшись, он продолжал свой смертельный номер.

Так продолжалось довольно долго, минуты три. Наконец, он выбросил руку, указывая куда-то за Кобецкого, в задние ряды и, бледный от волнения, попросил:

- Девушка!.. Вот Вы... Да, да, Вы, Вы... Я Вас попрошу, поднимитесь... Мне кажется, эти данные - Ваши...

Неизвестно, что особенное он предвидел в облике той, которая поднялась, но когда Кобецкий оглянулся, то, помимо очков, ничего характерного там не нашёл. Он почему-то ожидал увидеть безоговорочную красавицу, но та таковой не была, хотя и с претензией на этот счёт: модная одежда, макияж. И тем не менее, это была она. Растерянно улыбаясь, она подтвердила это. Эффект был полный и безоговорочный. Зал буквально взорвался аплодисментами. У Кобецкого шла кругом голова. Нечто подобное он однажды уже видел, когда известный маг и артист эстрады демонстрировал свои телепатические способности. Но здесь было нечто принципиально иное, и это иное в его понимании если не переворачивало вверх тормашками картину мироздания, то основательно её меняло.

Дав выплеснуться эмоциям, профессор, о чем-то перекинувшись с ассистентом и обращаясь к аудитории, сказал:

- Разумеется, основываясь на имеющихся в моём распоряжении данных, я бы мог сказать гораздо больше, чем сказал, ещё больше я бы мог сказать после детального анализа. Я упомянул в характеристике той или иной личности лишь то, что позволяло бы каждому из здесь присутствующих сразу сделать тот или иной вывод. К сожалению, у нас ограничено время. Последнее, что я только что сейчас продемонстрировал, - не планировалось вообще; оно явилось результатом... некоторого стечения обстоятельств и достаточно много времени отняло. А поэтому я бы просил вашего согласия прекратить эксперимент и продолжить лекцию. Я надеюсь, что оставшиеся у нас... - он обернулся он к ассистенту. - Два человека?... Я надеюсь, что эти два товарища меня великодушно извинят...

По единодушному желанию всего зала решено было продолжить лекцию. После проведенного эксперимента, который, несомненно, добавил словам профессора вескости и убедительности, атмосфера в аудитории заметно изменилась.

Профессор продолжил историческим экскурсом. Он привёл несколько примеров блестящих предвидений, имевших место в прошлом, коснувшись истоков древнего искусства прорицания - мантики и опять же, ни словом не обмолвившись об астрологии, поведал о том, что самые знаменитые астрономы прошлого являлись не менее блестящими прорицателями. К полной неожиданности Кобецкого, наряду с Коперником, Тихо Браге, Кеплером, Улугбеком и Галилеем, в ряду поклонников науки прорицания оказалось немало римских пап, отец истории Геродот, Платон, Сократ, Аристотель, Спиноза, Бэкон, Лейбниц и даже писатели Стендаль и Вальтер Скотт. Затем профессор охарактеризовал действия, оказываемые той или иной планетой, и рассказал о знаках зодиака, из чего Кобецкий узнал, что по зодиакальному знаку он - «Овен», и опять многое из того, что рассказал профессор об этом знаке, к нему удивительным образом подошло. Например, как оказа-

лось, Овен - изначально склонен к преувеличению и прибегает к этому порой бессознательно.

Затем профессор перешел к показателям ума. Говоря о таланте и гениальности, он делал ссылки на известных всему миру деятелей науки и искусства и указывал на те или иные свидетельства планет, предвещавшие мировую славу. Закругляясь, Ветров сказал:

- Я не ставил своей задачей обратить вас в иную веру. Однако если я внёс нечто в вашу копилку знаний и подвинул вас на пути их поиска, я бы счёл её выполненной. Неизвестно, сколько знаний он внёс в чью-то копилку, но вот в отношении, по крайней мере, одного человека профессор мог считать свою задачу выполненной. И этим человеком был, разумеется, Кобецкий, которого если он чем и разочаровал, то лишь единственно тем, что тот так и не дождался от него той формулы, которую можно было бы немедленно применить к себе и сделать вывод о бездарности или гениальности. По окончании лекции профессор сразу же оказался в плотном кольце любопытных, но вечера вопросов и ответов не получилось. Круг поднятых проблем был настолько велик, что предполагал не одну лекцию, а те несколько индивидуальных просьб «прозреть» чью-то судьбу профессор, сославшись на недостаток времени, отклонил. Каждое слово из его уст предполагало больше вопросов, нежели вносило ясности. И все это понимали. Понимал, конечно, и он сам.

То ли Кобецкий в невообразимом гаме что-то пропустил, но он так и не услышал самого главного, по его мнению, вопроса: что есть такого рода искусство - секрет знахаря, передаваемый от отца сыну, некая врожденная способность или определённая и доступная, в принципе, сумма знаний, которой мог бы овладеть каждый?

Кто он вообще - этот новоявленный жрец? Учёный-просветитель? Маэстро-индивидуалист? Или уникам типа чапековских героев: Гадалки, Ясновидца, Графолога и профессора Роусса, к которому просто неприлично с этим обращаться?

Но одно Кобецкий знал абсолютно твёрдо: он не вправе упустить такого шанса и во что бы то ни было обязан с этим человеком поговорить.

... Из института тот вышел по-прежнему окруженный студентами, и Кобецкий, не упуская его из вида с момента окончания лекции, скромно пристроившись сзади, шел и ловил каждое оброненное им слово. Профессор, в частности, говорил, что эта лекция у него не последняя, что они ещё будут, только вот где, он затрудняется пока сказать. Словом, раз появившись, он уходил в небытие, и Кобецкий торопился сформулировать свой вопрос. Честно говоря, он надеялся, что кто-то, смелый, сформулирует прежде него. Но куда там! О чем только не говорили, только не о том, о чем надо, да и вопросы по большей части задавались совершенно дурацкие. Например, - живо интересовались: можно ли доверять пророчествам цыганок? Сам же он никак не решался открыть рот - его стесняло присутствие других людей, он боялся показаться нескромным, самонадеянным, смешным и наивным, и терпеливо дожидался, когда профессор останется один.

Произошло это на очень оживленном перекрёстке, в районе скопления остановок городского транспорта, когда всех разом захлестнула толча. Момент у Кобецкого был, но опять никак не подходящий. Эта невозможная московская сутолока и пробки! До разговоров ли было теперь!.. Торопливо кому-то кивнув, Ветров оказался увлеченным людским потоком, спускавшимся по подземному переходу в метро. Кляня себя за трусость, Кобецкий немедленно последовал следом, стараясь не упустить из вида серые профессорские берет и плащ. Как это было непросто! Был час пик. Скованному сплошным потоком людей, ему пришлось непрерывно работать локтями и даже толкаться. Впереди у него оказался какой-то тихоход-пенсионер, а по бокам нагруженные сумками тётки, и он, не имея возможности прибавить шагу, некоторое время отставал. Однако ему всё-таки удалось втиснуться в тот самый вагон, в который вошел профессор, и не потерять его из виду до той самой станции, на которой тот вышел. А далее - втиснуться в троллейбус и сойти вместе с ним на остановке.

Оказавшись на улице, профессор, несмотря на свой почтенный возраст, опять двинул очень скорым шагом (судя по тому, как он шёл, здоровье у него было еще хоть куда), и Кобецкому пришлось взять максимальный темп, чтобы его догнать. Но теперь он опять не решался с профессором заговорить. Положение его было довольно глупым. Заговорить с ним - означало признать, что за ним шли по пятам, то есть, следили, - и это было крайне неприятно. Неизвестно, решился бы он на это вообще, если бы профессор, вероятно просто почувствовав на себе чей-то взгляд, не обернулся. Они встретились глазами, и тогда, понимая, что это и есть последний его шанс, Кобецкий, обмирая сердцем, шагнул навстречу.

- Я с трудом Вас догнал... - заговорил он. - Видит Бог, уважаемый товарищ профессор... - он запинаясь и заикаясь. - Я дерзаю... я только хотел узнать... если это только возможно... я хотел попросить вас... об уроках... за любую плату... Остановившись, доктор Ветров с интересом вглядывался в Кобецкого.

- А с чего Вы взяли, что я - профессор? Я не преподаю...

При этих словах лицо незнакомца так сильно изменилось, что он поспешил по возможности мягко добавить:

- Если уж Вы обращаетесь ко мне, то я Анатолий Федорович.

- Великодушно прошу меня простить... Я не осмелился с самого начала... Анатолий Федорович, на меня огромное впечатление произвела ваша лекция... В отличие от «литературной» памяти Кобецкого, у кудесника в сером была абсолютная память на гороскопы. Подобно голове шахматного гроссмейстера, голова его являла собой хранилище сотен комбинаций. Только в отличие от клеток и фигур, он оперировал планетами, аспектами, домами и знаками. Вот и сейчас он, узнав этого человека, сразу воспроизвёл нужную. Уж очень занимательной она показалась ему ещё там, в лекционном зале. Судя по всему, характерами они были очень схожи.

- Гуманитарий!

- Не понял?..

- Я хотел сказать, что технический ВУЗ - это не про Вас. Это ведь Вы один из участников эксперимента?

- Да, и Вы совершенно верно...

- Вы на каком курсе?

- На первом. Заочное отделение.

- И это Ваша не первая попытка получить высшее образование?

В очередной раз поражаясь проницательности этого волшебника во плоти, Кобецкий стыдливо опустил глаза.

- Нет.

- Боюсь, что и на этот раз вас ожидают трудности.

- У меня, собственно, экономический факультет...

- Прошу...

Они, не торопясь, пошли по вечерней аллее.

Анатолий Федорович соображал. «Оппозиция Хирона с Ураном, очень сильный восьмой Дом с Нептуном. Прирожденный астролог...».

- Так кто же Вы?

- Я?.. Филомат.

- Это что, человек, стремящийся к знаниям?

Кобецкий кивнул. Несомненно обладавший шестым чувством доктор Ветров уже и без этого догадывался, кто перед ним. Перед его мысленным взором был гороскоп, и он читал его, как книгу. «Вот и этот готов полезть к чёрту на рога», - догадывался он.

Они шли. Начинало смеркаться, и кое-где зажигался свет. Профессор о чем-то грустил и совсем не напоминал того, взрывного темперамента человека, каким ещё недавно был.

- Вы что-нибудь слышали об астрологии до сего дня? - спросил он.

Маскируя своё замешательство, Кобецкий кашлянул. Аббата Бланеса он решил опустить, опустил и сказки Гофмана, о язвительном памфлете Свифта «Бумаги Бикерстаффа» или лермонтовском «Фаталисте» говорить не хватало духу, а об астрологе Сэни из шиллеровской «Смерти Валленштайна» и не вспомнил.

- ... Ничего.

А доктор Ветров прикидывал. «Квадраты Козерога с Овном и с Весами, Рака с Овном и Рака с Весами. Две оппозиции и четыре квадрата - да, он с ними хватит лиха! Да ещё этот треугольник в придачу: Солнце, Плутон и Марс в трине, квадрате и квиконсе - не позавидуешь! Планеты образуют большой космический крест – символ свершения, воплощения идеи... Квадрат Овна с Козерогом - рок событий, влекущий неизвестно куда – в народе говорят: «пустые хлопоты». Хирон в Козероге - двусмысленности, фарс и трагикомедия, «и смех, и грех». Хирон-то, этот задаст перцу, с ним не соскучишься! Пораженный Рак с Ураном, Шестой Дом - прозаический труд, элементы неожиданного, эмоциональные срывы, с виду крепыш, а здоровье - не очень... Кто знает, может, и этому человеку суждено будет тащить бремя непонимания, которое всю жизнь тащил он? О, зачем, зачем Бог дал ему разум в это пустое, черное и безнадежное время!».

- Вы никуда не спешите? - спохватился он. Нет, разумеется, Кобецкий не спешил. Профессор вдруг улыбнулся и сразу напомнил того, прежнего человека, которого Кобецкий видел там, в институте.

- Тогда вперёд!.. - И вдруг, взмахнув рукой, с чувством продекламировал: «Вперёд, мечта, мой верный вол! Неволей, если не охотой!..»

- ...«Я близ тебя, - подхватил Кобецкий, - мой кнут тяжел, я сам тружусь, и ты работай!..». Валерий Брюсов...

- Ого! Да мы, оказывается, питаемся с Вами из одной посуды!..

- Юлиан Семёнов?

- Это Вы о чем? О «посуде»?.. А я почему-то думал, что это - я. Ну, да я Вам верю, верю!.. Я и хотел сказать, что - «мы с Вами из одной конюшни».

- ...Вольтер. Разговор четвертый «О естественном законе и любопытстве»!.. - Кобецкий хорошо помнил эту вольтерову вещь, так как в «разговорах А, В, С», он всегда оставался  
«Д».

- Господи!.. Я ведь и говорю - чистой воды гуманитарий! - изумился Ветров.

Теперь он говорил в своей обычной, экспансивной манере. А ещё он, не переставая, думал:

«Интеллект - выше среднего. Сильнейший Овен: соединение Небе-Меркурия с Мардуком-Юпитером через Самас-Солнце во Втором Доме... Пророк?..

Нет, кем бы он ни был, но он - не кэгэбэшник, это факт!

...Овен в оппозиции к пораженному Адару-Сатурну в Доме оккультизма... С таким поражением - в пору носить горб... Эдипов комплекс?..».

- У вас нелады с отцом?.. Вы простите, я вас не щажу, как не щадят мою науку... Он ничего не хотел этим сказать, а только то, что к астрологии нужна склонность, и что этот человек ему подходит.

- Папа уже умер.

- О, простите, мне б это следовало предположить!..

Профессор сделал ещё несколько шагов и взглянул на Кобецкого.  
- Хотя... астрология не является средством установления даты смерти. - Он сделал паузу. - ...Это свидетельство бессмертия...

При этих словах Анатолий Федорович опять внимательно взглянул на Кобецкого: в состоянии ли этот человек вынести всю невыносимость тайны, которую он должен был на него обрушить?

Надо сказать, что «профессор», как его называл Кобецкий, хорошо понимая, в каком государстве живет, был отнюдь не болтлив и не скор на такие вот пассажи - восемь лет лагерей пошли ему впрок, - но его назначением (так он понимал) было «сеять разумное, доброе, вечное», и уклониться от этой своей миссии он не мог. И ещё Анатолий Федорович устал носить в себе эту тайну, которая его жгла и неумолимо толкала к беде. И в этом смысле она стала его проклятьем. В его судьбе она была, как скрываема до поры беременность, которая обязательно даст окружающим о себе знать. Со времен Германии он носился с астрологией, он стал ею одержим. Он отсидел восемь лет и догадывался, что грядет новый срок. И вот эта лекция - вторая его проба - к нему его приближала: там, в лекционном зале, он читал это не в одной паре враждебных глаз. И эта вероятность угодить туда во второй раз (учитывая его возраст, срок этот наверняка станет последним, ибо выйти ему оттуда уже вряд ли будет суждено) и заставляла Анатолия Федоровича действовать. Догадываясь, что второе его заключение предрешено, он и спешил поколебать умы и посеять, если не семена знания, то, во всяком случае, сомнения, там, где мог. Так рассуждал Анатолий Федорович, и на память ему приходили строчки его любимого Лермонтова «Из Андрея Шенье»:

За дело общее, быть может, я паду,  
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу...  
Я не злодей, о нет, судьба - губитель мой,  
Я грудью шел вперёд, я жертвовал собой...

Из его прикидок следовало, что его вполне могут взять уже через пару недель, когда его натальный Сатурн в Двенадцатом Доме образует квадрат с транзитирующим Марсом, и Анатолий Федорович, в который уже раз прикидывая вероятность такого неутешительного прогноза, склонялся к тому, что если выбирать между лагерем и психушкой, он предпочел бы зону.

А Кобецкий опять находился под впечатлением очередного профессорского прозрения. Он не понимал, как тот сумел разгадать тайну его души, в которой он страшился признаться даже самому себе. Да, он не любил папу. По большому счёту - он его не любил. Горько признаться, но это так. Он не мог простить ему тех своих детских слёз. Как сказал бы Ивлин Во, «он старался отдать ему должное, но не мог». Это совершенная глупость, что человек может забыть обиды детства.

Профессор тронул Кобецкого за локоть, и они посторонились, пропуская выезжавшую со двора машину. Только сейчас Кобецкий узнал место, где они находились. Сюда он уже приходил, когда прочитал «Мастера и Маргариту». Патриархии пруды - место действия булгаковского романа. «Как странно, - подумал Кобецкий. - И он ведь тоже, как и «Иван», догонял «профессора», но только затем, чтобы узнать свою судьбу. И Ветров - «профессор», и этот его «серый берет», и их разговор, с этой, не от мира сего темой. Всё почти, как и там». Слово отгадав его мысли (похоже, для него вообще не существовало тайн), профессор сказал:

- Самое главное, что у астрологии есть миссия куда более важная... чем угадывание. Дело в том, что в астрологии всё условно. Нет, планеты действуют... Скажем лучше так. - они к а к б у д т о действуют. Словом, всё это есть, но чёрт его знает, как они действуют, потому что здесь всё - у-сло-вно. Другими словами - это не на самом деле. ... Фу ты, чёрт, я и сам запутался!.. Как вам это объяснить?.. Понимаете, планеты не двигаются вспять, наблюдателю это кажется, но астрология рассматривает «попятное» движение. Планеты никогда на самом деле не попадают в знаки Зодиака, условны между ними «углы», условны так называемые «стихии», и так далее, и тому подобное. Это всего лишь схема, символ, если хотите - традиция, дань заблуждениям древних, принимавших кажущееся за действительное. Но всё это работает, и это удивительнее всего. И работает до

сих пор, и будет работать до скончания века... Чтобы что-то произошло, согласитесь, нужны определённые предпосылки, повод, причина. А чтобы Вы сказали, если это «что-то» происходит, хотя «предпосылки» этого (оставим пока метафизику в стороне) л и ш ь н а в а ш е й б у м а г е или в в а ш е й г о л о в е, то есть чисто умозрительные предпосылки?.. Это вопреки всем законам, это непостижимо уму, но... это происходит! Это существует! Работают «знаки», работают – «углы» и «стихии», работают - движущиеся «попятно» планеты... Это примерно то же, как если бы вдруг ясным днем пошел дождь. Это невероятно, это против здравого смысла, но дождь-то идёт: мы вымокли, и мы чихаем!.. Словно кто-то Высший, которому подвластно всё и вся, взглянув на Космос глазами древних, единственно из снисходительности к человеку, привязал объективные законы к человеческим ошибкам и суеверию. Астрология - это обетование, Код, условная договоренность с этим Высшим, с тем, кто превыше самой Природы, да нет - Кто сама Природа и есть. Ведь что такое Природа? Что это?.. Лесной пенёк? Роща? Горы? Океан? Мы с Вами? Енот-полоскун? Амёба?.. Природа - это незримый Разум, который везде, всегда и повсюду...

- Я Вас научу! - профессор говорил с жаром, жестикуюлируя и тыча ему пальцем в грудь. - Если хотите - пожалуйста - я научу... Если... если только не произойдёт ничего непредвиденного... Позвоните мне недели через две... Нет, лучше - через месяц. Будет желание, не пропадёт - позвоните, я сейчас вам дам телефон. И вы обязательно поймёте. Проживая год за годом свой гороскоп - свою схему, свой с и м в о л (!) - и сверяя его с вашей действительной жизнью, со всеми событиями в ней, вы неизбежно поймете, Вы на с о б с т в е н н о й ш к у р е убедитесь в том, о чем я Вам сейчас сказал. И это самое главное. Не знаю, может быть, Вас и шокирует то, что я сейчас скажу... Но сами того не ведая, Вы будете доказывать самому себе некую теорему, ибо в этой нелепице, несообразности, о которой я только что говорил, сокрыто математическое доказательство Бытия Божия, мате-ма-ти-чес-кое - помните Митю Карамазова?... Не эмпирическое допущение, ещё раз..., а строгое доказательство - если в Вас есть хоть крупца разума!..

И Ветров вновь продекламировал:

... Чертеж небесной сферы

Для мертвых дан светил,

Для нас же - сила веры...

Это Адам Мицкевич. А следствие этой теоремы - человеческое бессмертие! А это, согласитесь, сильно меняет дело...

Профессор вдруг совершенно неуместно хмыкнул, рот его искривился, но сверкавшие его глаза смотрели серьезно и напряжённо.

«А не спятил ли в самом деле старикан? - опять невольно подумалось Кобецкому, точнее молнией пронеслось у него в мозгу. - Но если он не сумасшедший, то уж точно самый что ни на есть гений!».

Всё опять походило на ту фантастическую книгу. Всё опять шло, как по-писаному. И этот весенний вечер. И опять некто уверял, что «Иисус существовал», но в отличие от Воланда, был готов предъявить «математическое доказательство». И опять Кобецкий - уже во второй раз за день - вспомнил Оскара Уайльда: «Не книги следуют за жизнью, а, наоборот, жизнь выстраивается согласно книгам!»! Так что это?.. Не выходит с романом - у него в запасе нечто вроде «Закона Паркинсона». Собственный «Закон Кобецкого». Вкупе с его «Кодом слов»...

- ... Это тяжело переварить, согласен... - слова профессора доходили до него и уходили - ... это ставит всё с ног на голову, то есть, я хотел сказать, наоборот, с головы на ноги... Ведь речь уже будет идти не просто о вере, а о твердом знании... Но тут я должен предупредить. Для многих астрология - это только исчерпывающее «послесловие», тогда как для «предисловия» нужны определенные способности, каковые от Неба. Расположение планет в определенный момент времени (гороскоп) - это схематичное изображение

кармы и дхармы. Гороскоп - это «папки доктора Паскаля» у Эмиля Золя. Это схема, прочитать которую - искусство. Лишь для посвященного астрология - открытая книга. Да, владеть информацией могут многие, но немногие могут у в и д е т ь. Астрология - щелка, приоткрытая в тайну, и рассмотреть, что там, сможет только тот, у кого сильное духовное зрение. Астрология как вера в Бога. Не все веруют, и не всем дается вера. Астрологии до конца научиться невозможно. У неё масса законов - не открытых до сих пор. И это благая сфера приложения изысканий. Например, как известно, древнее датирование - весьма запутанная вещь, что страшно навредило истории. Даты тех или иных исторических событий разнятся. Одни привязаны к одному календарю, другие к другому. Одни летописцы ведут счет от Рождества Христова, другие от сотворения мира, третьи - от того или иного события, или от той или иной эпохи, связанной с тем или иным правителем, династией и так далее. Но оказалось, что безошибочно расшифровать дату события можно именно с помощью гороскопа (зафиксированного положения планет в тех или иных знаках Зодиака), которые традиционно изображались на стенах древних храмов, усыпальниц, надгробий древних правителей (кто бы знал, для чего?). Таким образом, только с помощью астрологии (проклятой у нас ныне) и могут быть установлены истинные даты построения тех же древнеегипетских пирамид (усыпальниц фараонов), и, соответственно, даты тех или иных, связанных с их правлением, событий. Что, например, подтвердил в своих исторических исследованиях ныне забытый ученый Морозов, автор многотомного труда «Христос». Так что астрология может оказать исторической науке неоценимую услугу. И не только науке, но и религии. Например, по гороскопу, зашифрованному в «Откровении» Иоанна Богослова (а то, что речь там идет именно о символически записанном гороскопе, высказал предположение тот же Морозов), можно установить точную дату нахождения его на острове Патмос. Как ты думаешь, чем это может грозить истинной истории? А?.. Случайно ли это - в «Откровении» гороскоп. Почему? Зачем?.. Словом, тут любой может стать первопроходцем. Вообще путей познания в астрологии два. «Юпитерианский» - от общего к частному (так учатся по учебникам астрологии) и «меркурианский» - от частного к общему, когда, изучая на себе свой гороскоп, человек сам формирует для себя концепции науки («познай самого себя, и ты познаешь весь мир»). Наука становится личной, и убеждаешься, что твоя жизнь, оказывается, учтена и подчинена. И происшедшие с тобой в ней «случайности» складываются в одну цепь с очевидной закономерностью. И это совершенно оглушительное впечатление. Когда ты можешь повторить: мне известны многие замыслы Бога. Расположение планет в данное время на небе и задает в каждую секунду ритм, в который всякое начинающееся - будь то событие, история или человек - попадают тем или иным образом. Любое событие – на Земле. Она, астрология, всегда изменялась. Если в древнейшие времена пораженный Меркурий означал идиотизм, то в настоящее время, когда только и требуется, что работать головой, поражение может означать и то, что человек кармически обречен мыслить...

... «Непостижимо!.. Нет, неужели всё это - святая правда?!..» - Кобецкому было жалко того самого героя мориаковской «Матери», собиравшего афоризмы мудрецов, дабы «с математической точностью открыть для себя тайну жизни и смерти». Не про него ли это самого, согласно Оскару Уайльду?.. Как там, у Маршака?.. «Как призрачно моё существование! А дальше что? А дальше - ничего!..». Или вот - у Горация: «Всех ожидает одна ночь...». Эх, поэты!.. Вот он мечтал о наставнике - и вот он, его старший товарищ и учитель, - и он, Кобецкий, его любимый ученик! Неразлучные, как старик Хоттабыч и Волька!..

... Они распрощались. Кобецкий бежал с Патриарших, унося с собой клочок бумаги с телефоном профессора. Его распирало от мыслей, и он очень спешил туда, где его дожидался «Однодум». Он вдруг вспомнил, что совсем забыл спросить «учителя» о том, как ему следовало понимать его слова о высшем образовании и техническом ВУЗе? Не следует ли это понимать в том смысле, что он погнался сразу за двумя зайцами? Высшее

образование и литература. Профессор же ясно сказал, что он - «гуманитарий», и, может быть, в его же интересах, сосредоточить все свои силы на чём-то одном?.. Но нет, ему не хотелось сейчас обо всем этом думать, потому что всё это было сейчас мелким и несущественным. Всё вокруг было суета!..

...Поздним вечером, стоя на балконе с Иваном Робертовичем, он наводил подзорную трубу на Большую Медведицу. В ручке её ковша под руководством соседа Кобецкий искал двойную звезду. «Коня» - Мицар - он, похоже, видел, а вот «Всадника» - Алькор - рассмотреть не мог.

- ...Помимо частных гравитационных взаимодействий, - объяснял Иван Робертович, - все космические объекты участвует и в глобальных движениях, в которых принимает участие и наша Земля. Она тоже движется, помимо своего вращения вокруг оси и движения вокруг Солнца.

- Куда? - поинтересовался Кобецкий.

- Навстречу своей гибели, - ответил Иван Робертович. - Планеты, как и люди, должны рождаться и умирать.

По его словам выходило, что наша Галактика Млечного Пути и Галактика Андромеды с огромной скоростью несутся друг к другу. И в момент их встречи должен произойти сверхвзрыв. Правда, случится это еще очень не скоро - через миллионы лет.

Кобецкий смотрел в ночное небо, воображал этот вселенский катаклизм и, как никогда ясно, понимал что есть п у с т о т а. Пустота его открытий, планов и надежд. В свете вечности, льющейся на него светом звезд, ничего не имело смысла. Н и - ч е - г о!

Прошел месяц. Наступила пора экзаменационной сессии. Кобецкий успел сдать на «отлично» математику и получить зачет по английскому языку. В институте дела шли неплохо. Но вот с «законом Кобецкого» приходилось повременить, если не отложить навсегда. Несколько раз он попытался дозвониться до профессора, но безрезультатно. Никто трубку не брал. Но надежда еще оставалась, а потому, приехав на очередной экзамен, он опять первым делом бросился звонить.

Чувство обреченности уже не покидало его, когда он снял в институтском вестибюле трубку автомата, вложил в прорезь монету и набрал номер. Потекли знакомые протяжно-утомительные гудки. Кобецкому представлялась просторная, пустая квартира, по которой разносится неумолчная трель. Может, профессор все-таки передумал и специально не подходит к телефону? А может, заболел и находится в больнице? Но ведь должен же быть кто-то из близких?.. Внезапно в трубке раздался шорох, монета провалилась, и он услышал молодой, мужской голос: «Да!..»

- Алло! - сказал Кобецкий. - Извините, пожалуйста, но мне очень нужен Анатолий Федорович.

- А кто его спрашивает? - в трубке зашуршало, пошли помехи, голос говорящего стал стремительно удаляться.

- Это его знакомый! - крикнул Кобецкий (он как будто кого-то догонял).

Ему что-то сказали, но что, он не расслышал. - А?.. Я не понял! Говорите громче: плохо слышно!

- Я говорю, знакомых много! - кричали на другом конце. - Кто конкретно? «Тыфу ты, черт!» - мысленно выругался Кобецкий. Его начинала раздражать дотошность незнакомца («Кто он Ветрову? Сын?»).

- Анатолий Федорович сам просил меня позвонить! - отдельно прокричал он, загораживая трубку ладонью. - А фамилия моя, если вас интересует, Кобецкий!

- Как?.. Не понял?..

- Ко-бе-цкий! - Наступила пауза. Ему не нравился тон говорившего. Самоуверенный и развязный.

- ...Нету Анатолия Федоровича! - раздалось в трубке.

- А где он?

- Уехал.

- А когда будет?

Наступила опять пауза. Неожиданно на другом конце провода засмеялись. - Ду-маю, лет через пять-семь!.. - Кобецкий вздрогнул, осторожно опустил трубку на рычажки. Он хорошо слышал: смеялся не один. Двое!..

...Заочники толклись у двери с бумажным трафаретом «ТИШЕ, ИДЕТ ЭКЗА-МЕН!», поочередно скрывались в аудитории, встречаемые градом вопросов и шутками товарищей, появлялись вновь, а Кобецкий как сидел в сторонке на стуле, так и сидел. Он сидел с учебником на коленях и не выказывал ни малейшей заинтересованности в происходящем. До «философии» ли было ему сейчас! Произошедшее повергло его в шок. Он пытался обдумать всё происшедшее и вытекающие из него собственные перспективы. А они были безрадостными. Он вспоминал злополучную лекцию и думал о том, как его угро-зило так вляпаться. Он предчувствовал беду, но никак не думал, что она заявит о себе так. Теперь он понимал, почему ему никак не удавалось дозвониться. Если Ветров аресто-ван (а в этом не оставалось сомнений), и телефон на прослушке (это, само собою, разуме-ется), то этим своим звонком он себя погубил. Назвал и имя, и фамилию. Теперь вычис-лить его не составит труда. Лекция в институте. Разумеется, он побывал на той лекции. И, разумеется, воспринял чуждую советскому человеку идеологию. А иначе чем объяснить его звонок? Да и откуда у него номер телефона? Что, как не идеология, может связывать его с этим человеком?.. А дальше всплывет и его литература... И его вдруг пронзила мысль, что в его доме (пока он здесь, на экзамене) могут провести обыск. Найдут и «Од-нодум», и черновики. А это уже верная статья. Антисоветизм. И осознание непоправимой беды накрыло его, как пеплом.

...В который уже раз Кобецкий пытался разгадать: чего от него добивается ОН? Пока он абсолютно понял только одно: создавая ситуации, КТО-то посылает ему соответ-ствующую мысль, а потом на его собственной шкуре (чтобы лучше запомнил!), ему де-монстрируют, каким образом эта мысль (или слово) может воплотиться. То, что слово (самая мысль), роковым образом, стремятся к в о п л о щ е н и ю, в это он уже верил бес-предельно, а потому и ввязался сегодня утром в электричке в чужой разговор. Рядом с ним присели мамаша с дочкой - девочкой лет восьми (с утра хлестал дождь; в вагон захо-дили - с сумок капало, с зонтов текло). «Сними носки, я отожду, - сказала мама дочке. - Как хлюща!». Она повторила это «хлюща» несколько раз, и Кобецкий не выдержал: «Не говорите так». - «То есть как?» - «Ну, не говорите, это плохое слово». Он не знал, как объяснить. Ну, как объяснишь, что из «хлюща», посредством анаграммы, получается «шлюха»? На него посмотрели, как на ненормального. Мамаша подтолкнула дочку, и они перешли в другой вагон. Утренний этот случай и вспоминал сейчас Кобецкий и опять воз-вращался в прошлое, к самому началу. Он думал: с чего всё началось? И почему именно с ним это началось?.. Ему казалось, что миновало уже не пять лет. В литературе он прожил куда больше. И он ощущал себя ветхим, как Иезекииль. И в его ощущении времени уже могла состояться война Алых и Белых Роз, а Бальзак - начать и окончить «Человеческую комедию». Да и в реальной жизни уже успели подрасти дети, а он был всё там же. У свое-го моря, где незаметно состарился его капитан и одряхлел старый «Кашалот». И фантазия его уже не парила. И он уже не выдумывал эзопов язык - он ничего не мог ни исправить, ни изменить - слова превратились в камень.

- ...Товарищи, немедленно прекратите галдеж! - из-за двери в коридор выглядывал строгий мужчина в очках. - Вы же мешаете, неужели непонятно? Отойдите все от двери! - Мужчина грозно огляделся. Небольшого роста, шапка густых седых волос и моложавое лицо - ... инженер Лось из «Аэлиты»?..».

Дверь закрылась. Люди скрывались в аудитории и выходили. Очередь постепенно таяла. Но Кобецкий не спешил. Ему некуда было спешить. Он не сомневался, что это - по-следний его экзамен. В аудиторию он и зашел последним. За большим столом с экзамена-

ционными билетами сидел тот самый очкарик - «инженер Лось». Кобецкий положил на край стола учебник, протянул зачетку.

- Ко-бец-кий? - на него вопросительно глядели. Кобецкий кивнул.

- Берите билет, - предложил очкарик. Кобецкий взял первый попавшийся.

- ... Билет двадцать шесть, - назвал он и скользнул глазами ниже: «Ленинский этап в развитии философии»... «Бытие и сознание»... Он бы мог отвечать сходу. Если бы это имело какой-нибудь смысл.

- Билет двадцать ше-есть, - как эхо повторили очки, помечая в экзаменационной ведомости. - Берите бумагу и идите готовьтесь.

Аудитория, судя по всему, принадлежала кафедре «История КПСС». Простенки и глухую стену занимали стенды с революционной тематикой. Портреты Маркса, Энгельса, Ленина, фотографии революционеров. Помимо него и очкарика в аудитории находилось четверо. В противоположных углах два преподавателя (одна из них преподавательница) заговорщицки перешептывались со своими визави - девицей и молодым человеком.

Кобецкий не стал забираться в задние ряды, а уселся в первом, прямо под носом у «Лося» - так он мысленно окрестил очкарика. По существу, он уже готов был отвечать, но очкарик, покопавшись в бумагах на столе, сразу ушел. Сзади всё ещё перешептывались, и Кобецкий принялся рассматривать стенды. На ближайшем к нему, в простенке - фотографии и репродукции картин. «Карл Маркс в молодые годы», «Первое издание «Капитала»», «Вождь и учитель мирового пролетариата В.И. Ленин», «В.И. Ленин в ссылке»...

«Так, где он теперь, его «учитель»? - думал Кобецкий. - Ради чего он пошёл на лекцию, понимая, что его ждёт?.. А его «ученик» через несколько минут будет профанировать истину - вопрос о «бытии и сознании» открывал для этого бездонные перспективы. Кобецкий вдруг представил, как будет отвечать на билет - повторять заученную, заведомую чушь (обреченный - вымаливающий у своих мучителей пощады) - и от отвращения к самому себе его даже передернуло. И это после того, что он видел, что теперь знал. Ведь для чего-то он видел и для чего-то ему было дано знать то, что он теперь знал?» Словно прогоняя наваждение, Кобецкий провёл рукой по лицу. Что-то росло в его душе, ширилось и готово было вырваться наружу. Система вечна и несокрушима, и что толку носить в себе знания, о которых узнать не сможет никто и никогда. И может, судьба (или - ОН) подталкивают его сделать решительный, судьбоносный шаг. Несколько секунд, затаив дыхание, он ещё соображал, а потом задышал так, что грудь заходила ходуном. И от принятого решения стало легче. Словно прорвало, наконец, изводивший его нарыв. Словно он только что проснулся, и мучительный, изводивший сердце кошмар, разом рассеялся. И как всегда, когда он принимал решения, Кобецкому уже трудно было оставаться на одном месте. Но нет, Анатолий Федорович, он - не отречётся, не предаст. А он сделает также, как и Вы - то, во что верит. Он погибает, но погибает во имя идеи. Только теперь Кобецкий понял, что означало там, в пророчестве Сельмы Лагерлёф: «Думал не о том, чтобы сдать экзамен, а совсем о другом» и «приводил своим невежеством профессора в ужас». Ибо - «не книги следуют за жизнью, а, наоборот, жизнь выстраивается согласно книгам»!..

После «устной математики» он и думать забыл о её пророчествах. Ведь одно уже не сбылось. «Студент» - не «проваливал экзамен», а наоборот, - получал даже «пять». А ведь «математика устно» и была как раз тем предметом, где он чувствовал себя наиболее уязвимо - там могло произойти всё. Но - не сбылось. И он сделал для этого всё. Начхать ему было на институт, но он не подыграл Сельме Лагерлёф - он поступил честно. Он и теперь не «подыгрывает», а это сама жизнь (судьба или КТО-то) заставляет его делать так, чтобы - сбылось!.. Так, значит - «сбылось»... - верил и не верил Кобецкий. - Воистину - это для него звучали эти самые вещие слова Лагерлёф:

«ОНА ВЛАДЕЛА ДАРОМ ЯСНОВИДЕНИЯ, УМЕЛА ЗАГЛЯДЫВАТЬ В БУДУЩЕЕ И ПРЕДСКАЗЫВАТЬ ЛЮДЯМ, ЧТО С НИМИ СЛУЧИТСЯ, ДО ТОГО ТОЧНО, СЛОВНО УЖЕ ВИДЕЛА ЭТО СОБСТВЕННЫМИ ГЛАЗАМИ».

И Кобецкому опять припоминались (как и тогда, с заколкой во рту перед электрической розеткой) все его идеи, планы, литература. Как в калейдоскопе, перед ним промелькнули победы и поражения (в основном - поражения), взлёты и падения (в основном - падения) - вся его жизнь. Но забрезжил смысл. Невидимый до конца ему, но, разумеется, понятный ЕМУ. Ибо где он не в силах - за него думает ОН. Жизнь не окончена, - внушал он себе, - ничего не напрасно, а всё только откладывается на время. И он верит. И он ещё восстанет, как птица Феникс. Да, жизнь ужасна, но ведь из этого не следует, что отсутствует смысл? Ради чего горел протопоп Аввакум? Ради чего шёл на свою лекцию Ветров. И что было бы с верой, если бы люди, попадая в тупик, приходили бы к выводу, что нет смысла? Скорее - наоборот. Страдания, их неизбежность и постоянство и доказывают, что смысл есть. А если - нет, то тогда он и не желает жить в мире, где отсутствует смысл. Плевать он хотел на жизнь, которая есть «величайший дар» случая. Он за осмысленную, за одухотворенную, он за м н о г о з н а ч и т е л ь н у ю жизнь!

То, что его, как минимум, выпрут из института, и то, что оправдается пророчество Лагерлёф (и слова Ветрова), Кобецкий уже знал, но теперь ему уже было нужно нечто большее. Не тихое отчисление за неуспеваемость, а нужны были шум, последствия, резонанс. А потому он предпочел бы сейчас полную аудиторию. Знать бы, как всё обернется, и про этот билет - он бы вошел первым. Кобецкий еще раз подумал об Ольге («любимую-то» «студент» всё-таки «терял») и решительно, с отчаянием обреченного, смял ненужный листок. «Я готов!» - мысленно объявил он «Лосю». А тот не заставил себя ждать (повидимому, тем «профессором» из пророчества Лагерлёф был он). Открылась дверь, и «Лось» появился на пороге. Одновременно закончили и женщина с девицей. Кобецкий поднял руку.

- Будете отвечать? - сразу устремила к нему женщина («профессор» был занят: закончила и вторая пара, и он - вероятно, как старший, - ставил в зачетках и ведомости свою визу).

- ... Буду.

Женщина подставила стул и уселась напротив. Большие, темные, добрые, широко расставленные глаза. Напоминала она Кобецкому буренку-кормилицу. Корову. Интересная была пара: импульсивный и нервный «Лось» и невозмутимая, лучащаяся терпением «Корова».

Нет, страха у Кобецкого не было. Был даже интерес. Что будет? Была даже злость. Как и тогда в армии. На ринге. Только в этот раз должен был победить он.

- Я бы хотел начать со второго вопроса, - сказал Кобецкий (он говорил достаточно громко - так, чтобы могли слышать все). - Ибо вопрос этот фундаментальный, основной и, по-видимому... отменяющий первый.

Он сделал паузу.

- Не возражаю, - неуверенно произнесла «Корова», и в коровьем её взгляде промелькнули удивление и интерес. «Лось», что-то писавший за столом, наострил уши, а стоявшие рядом студент и преподаватель повернули головы. Кобецкий облизнул пересохшие губы. Сейчас он должен был произнести самое главное. Он почувствовал, как к лицу приливает кровь. Он вспомнил Ветрова.

- ...Дело в том, что я не могу согласиться с основным положением марксистско-ленинской философии: «бытие - первично, а сознание - вторично». Я утверждаю, что всё наоборот, так как считаю делом нечестным и безнравственным говорить то, чего от меня ждут, ради получения хорошей отметки.

- Ой! - сказала «Корова». «Лось» так и вскинулся на него, а студент и преподаватель открыли рты.

- ... Вы соображаете, что говорите? - Первым пришел в себя «Лось», и глаза его за стеклами очков стали круглыми, как пятаки.

- Вполне, - голос у Кобецкого дрогнул, но не от страха. Страх у него не было. Было страшное возбуждение, и трясло его от возбуждения, от того, что Рубикон перейден, потому что новый рекордный вес был взят.

- Ну и ну! - изумился «Лось». Он поднялся из-за стола, ткнул зачетку студенту: «Вы - свободны» и обратился к преподавателю: - Дмитрий Евгеньевич, я Вас попрошу - пригласите, пожалуйста, Викентия Сергеевича... Да, да, он на кафедре, я только оттуда.

Начиналось удачно. Главное, его не выставили сразу за дверь. А «викентии сергеевичи» ему очень нужны. Нужны свидетели и очевидцы. Гарантия, что дело не удастся замать. Первый раунд – как полагал Кобецкий - за ним.

«Лось» тем временем обогнул стол и присел на его краешек позади «Коровы».

- Двойка!.. Вам - два! - объявил он, ещё более вытаращивая глаза. - Очень плохо, что Вы не понимаете очевидных вещей! А скорее, я думаю, Вы поете с чужого голоса. ... Вы - марионетка?

- Петь с чужого голоса? С чьего?

- Это и следует выяснить.

- У меня есть свой, собственный голос. Как и мнение.

- Вы, вероятно, себя кем-то вообразили? - было видно, что «Лось» начинает заводиться, и то, что «завестись» ему - в удовольствие.

- Зачем было приходить на экзамен? - ни к селу, ни к городу вставила «Корова».

- А за этим и пришел, - рубанул Кобецкий. Вероятно, он хорошо это сказал, потому что физиономия у «Лося» еще более вытянулась, а «Корова» опять ойкнула и в испуге прикрыла рот.

Вероятно, это был даже нокдаун. Оба заворожено смотрели на него, как если бы перед ними была гадюка. И глаза у обоих были такие, что Кобецкий не выдержал, улыбнулся, и это привело их в чувство.

- Какой кошмар! Ещё улыбается! Как Вы себя ведете? - коровьи глаза выражали весь ужас.

- Всё понятно!.. - даже с каким-то удовлетворением изрёк «Лось», словно он всего этого ожидал. Он даже непроизвольно потёр руки. - А язычок-то ядовитый! Поганый, прямо скажем, язык! (похоже, что мысль о гадюке каким-то образом передалась и ему). - Но это ничего! - заверил он. - Не таким его укорачивали!

- Чего добивается человек? - качала головой «Корова».

- Истины!.. Потому и говорю: вы учите неправде! Сознательно или нет, но учите глупости. Точнее, глупости повторяете. И я хочу внести ясность: не мне «двойка», а - вам...

И это был второй нокдаун. «Корова» ахнула и бросила на «Лося» беспомощный взгляд.

- ...Да Вы!.. Ты!.. Ах, мерзавец!.. - подскочив со стула, тот стоял, сжимая в ярости кулаки. Ему не хватало слов. - Ничего, сейчас... Викентий Сергеевич... Кое-куда!.. Ах, ты!..

- Да он сумасшедший! - выдохнула «Корова» (она поднялась тоже).

- Я в здравом уме! - махнул рукой Кобецкий. - Хочу напомнить: опровергать оппонента следует аргументами, а не оскорблениями и угрозами. А Вы, - он обратился к «Лося», - вообще не похожи на философа. Слышали такое выражение: «философское спокойствие»?

И это был третий нокдаун. «Лось» издал неопределенный звук, метнулся к двери, но на полпути осадил, вернулся к столу и что-то схватил.

- Твоя зачетка! - показал он. - Не советую скрываться - будет хуже! Достанем из-под земли! - И выскочил из аудитории.

Несмотря на «явное преимущество», нелегко давался ему этот бой. В глазах у Кобецкого плыл туман, а под партой коленки задевали одна другую. В аудитории повисла гнетущая тишина.

- ... Не бойтесь, я никуда не убегу и Вас не скушаю, - сказал он «Корове», когда они неожиданно остались одни (волоокая явно трусила и не знала, куда себя деть). «...Кое-куда!», «Достанут из-под земли!» - мелькало у него в голове. И те же самые мысли переполняли и ту, которую Кобецкий окрестил «Коровой». «Не советую скрываться!», «Будет - хуже!».. - думала Альбина Георгиевна (так звали «Корову»), и ей делалось страшно.

- Что же Вы творите, молодой человек? - вырвалось у неё.

- Говорю то, что думаю, то, в чем убежден.

Она смотрела на странного этого субъекта и понемногу жалость стала проникать в её доброе, женское сердце.

-... Женаты, наверное, дети есть?..

- Двое.

- А-я-яй! - начала было сокрушаться Альбина Георгиевна, но тут дверь в аудиторию распахнулась, и в неё влетел «Лось».

- Вот он, этот деятель!..

Тот, кого называли «Викентий Сергеевич» был настроен куда более миролюбиво и даже полемически, и это сразу определил Кобецкий. На фоне реактивного «Лося» манеры его были вежливы и неторопливы (он удивительно кого-то напоминал). Устремив на Кобецкого щучий взгляд доки, он, не спеша, приблизился и, усаживаясь на стул, назвал:

- Профессор Викентий Сергеевич Любомудров. Завкафедры. - И сразу же Кобецкий вспомнил - «Мастер и Маргарита!»; профессор моментально представился ему – «доктором Стравинским», «Лось» и «Корова» - его свитой, а весь антураж - той самой сценой из булгаковской главы: «Поединок между профессором и поэтом».

- Говорите, - просто сказал профессор, и потому, что взгляд Кобецкого выразил непонимание, добавил. - Отвечайте на билет.

- Меня тут не хотели слушать, записали в сумасшедшие, - начал Кобецкий и тут же осознал, что повторяет слова «Бездомного» и уже не удивился, услышав от профессора буквальные слова «Стравинского»:

- Нет, нет, я Вас слушаю, и сумасшедшим Вас никто не считает.

- ... Я уже говорил, что хотел бы начать со второго вопроса: «бытие и сознание»...

И профессор, как и «Стравинский» - «предупредительно вежливо наклонил голову».

- Я понимаю, что похож сейчас на идиота, - волнуясь, Кобецкий взял и снова положил ручку. – Ибо даже «мудрость, которую пытаются передать другому, всегда смахивает на глупость». Это сказал Герман Гессе, - но, как говорится, положение обязывает...

Брови Любомудрова чуть поднялись, но в то же мгновение он снисходительно улыбнулся. Кобецкий продолжал.

- ...Ну, во-первых, я целиком и полностью согласен с Декартом, с тем, что в философии нет ни одного положения, которое нельзя было бы оспорить - и всякий, мало-мальски мыслящий человек должен это признать, - а потому уже одно то, что положения марксистско-ленинской философии возводятся в ранг религиозной догмы, вызывает чувство протеста. «Я мыслю, следовательно, я существую». Так?

Любомудров «и на это поклонился».

- ...Можно, разумеется, оспорить то, что говорю я. Можно - что угодно. Точно также как и любую строчку наших философских учебников. Так вот и у меня отдельные содержащиеся в них выводы вызывают только недоумение. Сама же материалистическая или марксистско-ленинская философия учит (и сама же себе противоречит!), что «идея,

овладевая массами, становится материальной силой». Так что это такое, как не чистой воды идеализм?.. Или, например, я читаю: «сознание – продукт природы, свойство материи, но не всей, а только в с о к о р г а н и з о в а н н о й – человеческого мозга». Почему? - задаюсь вопросом я. Понаблюдайте за поведением собак, и вы поймете, что и им присуще «сознание», хотя, может, и не такое «высокоорганизованное».

Наверное, каждому приходилось слышать в отношении собак или кошек - «как люди, только что не говорят». И это человеческий опыт. Я приведу такой пример. Произошло это в студенческом стройотряде. На юге. Мы прогуливались большой группой и натолкнулись на гнездо шершней; кто-то из нас швырнул в него палку, и один из шершней набросился на нас. Все побежали. Так вот, этот шершень из всех из нас, - а нас было человек десять - выбрал именно того, кто бросал палку и ужалил именно его. Не кого-то другого, обратите внимание, а именно обидчика!.. Я это к той же фразе нашего учебника: «человек, тем и отличается от животного, что способен мыслить». Так что это, как не проявление самого настоящего и достаточно высокого сознания? - Кобецкий поскрёб затылок. - Я, кажется, уклонился...

- Нет, ничего, продолжайте, - успокоил его профессор, как и «Иванушку» - «Стравинский».

-...Так вот... Учебники говорят: «сознание неотделимо от высокоорганизованной материи, являясь её продуктом»... А природа?.. А природе приписывается лишь пассивная и бездумная роль «отражения». Но позвольте, а эта фраза, ставшая уже штампом (опять же - человеческий опыт): «природа - мудра»? И я же вижу, как природа реагирует на хозяйственную деятельность человека катаклизмами или повсеместным высыханием рек. Но учебники говорят: это всего лишь «отражение» - закон природы. Но - закон или адекватная реакция - что это такое, как не акты сознания? И я очень сомневаюсь, что человек - «высокоорганизованная материя», - нарушая эти законы, планирует, что природа даст ему по лбу. Скорее, так планирует сама природа. И дает по лбу! И человек открывает это, как закон. Заметьте! Не природа разгадывает человека, а человек природу. И восхищается её мудростью, тайнами, величием. Так кто же, позвольте спросить, «сознательнее»? Кто «сознательнее», если последнее слово всегда за природой? Человек или природа? Я думаю, ответ ясен. Но, оказывается, не всем, потому что учебники мне говорят: «отождествлять материю и сознание нельзя». Так как же я могу с этим согласиться? Как можно отрывать сознание от природы, если она же и создала человека? Продукт её – он! - со всеми потрохами, «разумом» и непомерным самомнением. И я могу только повторить вслед за Спинозой: «Сознание является атрибутом всей природы».

Кобецкий перевел дух. Профессор молча внимал. Молчали «Лось» и «Корова». Как и в романе – «свита безмолвно и, не шевелясь, слушала поэта».

- ... Итак, что же получается? А получается, что сознание и материя, как минимум равны. Но идем дальше. Допустим, материя породила разум. Но это и говорит о том, что у материи был разум!.. Ведь, согласитесь, невозможно, чтобы дурак создал гениальное произведение!.. Нет, разум во всем. Точнее, разум над всем. Высокоорганизованное создает высокоорганизованное. Гипотетически, устремимся в «начало всех начал», которое, как говорится, «прежде всех времён». И что там? Как человеческий мозг может представить себе н а ч а л о?.. Возникает первая крупинка материи. Но она ведь не могла возникнуть без воли на то? А воля она и есть элемент разума... То есть, в каком бы направлении наших рассуждений мы бы не двинулись - повсюду: с о з н а н и е - п е р в и ч н о!

Кобецкий замолчал. Молчали и трое экзаменаторов. Напор и убежденность экзаменуемого сбили всех с толку. В голове Кима Владимировича Педелина (так звали «Лосю») была пустота, точно там погулял доисторический ветер. Альбина Георгиевна бесильно барахталась в водах словоблудия и пыталась ухватить ускользающую мысль. А отчетливо понимаемая у Викентия Сергеевича, неожиданно уступила место странному

образу - соседской собачке Жульке, остервенело вертящейся в волчке и пытающейся ухватить самоё себя за хвост.

А Кобецкий лихорадочно собирал мысли. Промедление смерти подобно. И он это понимал. Огорошить аудиторию, опустить ей на голову кирпич - вот что ему было нужно!

- ...Разве идеология, лежащая в основе государства, не означает примата сознания? Тот же скачок Монголии из феодального строя в социалистический, что это такое, как не акт сознания? В бытие же ничего не поменялось?.. Кони и степи. Степи и кони...

- Бытие человека! - внезапно, когда казалось, что все философы так и будут молчать, перебил профессор. - Бытие наученного горьким жизненным опытом человека изменило его сознание, и он решает изменить свое бытие. С братской, конечно, помощью...

- Ну вот, - опять Вы мне по учебнику! - всплеснул руками Кобецкий. - Как мальчишку! Как сказано в одной книжке - «такие доводы могут удовлетворить только рабов»... Мы с вами говорим о разных «сознаниях»! Как и в наших учебниках. Рассуждают о бесконечности, а примеры приводят про кухню тёти Моти... Я вам другой пример приведу. Про – «братскую помощь». Возьмите, например, Индию и Китай. Соседи, сколько времени вместе, уж, казалось бы, должно быть хоть в чем-то сходство, а какое различие языков, характеров, традиций, культур - всё неповторимо и своеобразно. Вас никогда не наталкивало на мысль, что всё куда выше наших жалких умозрительных построений? Вроде аксиомы - «человек хозяин своей судьбы»?..

- А Вы что, не согласны? - ехидно поинтересовался «Лось».

- Разумеется, нет! Как можно распоряжаться судьбой, если она уже - судьба? ...Не читали Булгакова «Мастера и Маргариту»? Там очень хорошо об этом... Вспомните-ка те моменты в жизни, когда вы серьёзно вспоминали это слово - «судьба». Наверное, тогда, когда вам становилось худо. Почему-то когда человеку везет, он говорит: «я». А когда ничего не выходит - «судьба». Так не логичнее ли все моменты бытия объединить одним словом «судьба»?..

Всё двигалось к «кирпичу», и вопрос «Воланда»: «кто на земле всем управляет?» не мог не возникнуть. И вопрос этот возник. И задал его тот же «Лось»:

- Так кто же, по-вашему, распоряжается судьбой?

- ... Бог? - улыбнулся профессор.

- Бог!..

«Корова» качала головой. «Лось» хихикал и поглядывал на профессора. Похоже, само слово «Бог» мало подействовало на них. Так понимал Кобецкий. Они его проглотили. Но в запасе у него ещё был запрещенный, как Бог, Ницше. И ещё кое-что у него было.- Ну, а где же он, этот Ваш бог? - ласково осведомился профессор.

- Где, так сказать, среда его обитания?

- Я понимаю Вашу иронию, но не понимаю, как можно профессору философии не понимать таких вещей. Да - в той же человеческой душе...

- Нет никакой души, ни бога вашего! - въехал «Лось».

- Искренне Вам сочувствую, - мгновенно отозвался Кобецкий. - Если души нет, то и Богу откуда взяться! ...Невидимое, ведь это ж не значит несуществующее, - продолжил он, обращаясь к профессору. – Это же ещё Дидро понимал. Электромагнитное поле, воздух, который невидим, но проявляет себя в ветре. Так и о Боге мы можем судить по его проявлениям. Мудрость природы, гениальные образцы искусства, чудеса техники... Да и та же судьба... У Ницше в «Заратустре» есть интересный момент...

- У кого, у кого?.. - побледнел профессор, «Корова» - вздрогнула, а у «Лося» - отвалилась челюсть.

- У Ницше. У Фридриха Ницше... - подтвердил Кобецкий (судя по всему, это и был тот самый «кирпич»!). Он воспользовался замешательством: - ...Так вот, там Заратустра говорит юноше, указывая на могучее дерево. Если бы я хотел наклонить его руками, я бы

не смог этого сделать. Но ветер, невидимый ветер терзает и гнет его куда хочет. Невидимые руки еще больше гнут и терзают нас. И это иносказание о Боге и о судьбе...

- Так Вы ко всему ещё и поклонник Ницше?.. - первым пришел в себя «Лось».

- Не поклонник - как философа. Но его афористичный стиль мне нравится.

- Так значит, всё-таки, «нравится». И это о фашисте?.. - глаза «Лося» обратились к потолку, скользнули по Кобецкому и остановились на профессорском затылке. - Викентий Сергеевич, не пора ли кончать?

- Подождите, Ким Владимирович! - раздраженно шевельнулся профессор. - Надо разобраться до конца. Вот Вы говорите: «судьба», - профессор решил несколько сменить тему. - Но Вы что, совсем не оставляете места свободному выбору?

- ... Не знаю, как Вам это объяснить?.. Понимаете, то, что мы называем «свободным выбором» - это всегда предвосхищено и иной раз так и хочется воскликнуть в смятении и изумлении (Вы читали «Мастера и Маргариту»?) - «и ведь это Он знал!». Я говорю - о Боге. Но ведь не это важно! Выбор, судьба. Куда важнее другое. Совокупная судьба людей - это история. А история - это не история «борьбы классов», как полагал Маркс (никаких «классов!») - а история борьбы Зла и Добра. И в контексте этого закона и возникает самый главный вопрос философии. Ибо сколько существует человек, он его и задает. Не про «бытие» и «сознание» - обратите внимание - он не знает, что это такое. А от Адама и Евы он задается только одним и тем же: откуда? отчего? и зачем? - с т р а д а н и е! И именно от наличия и неизбывности «страдания» и возникла философия. Ибо, что такое она? А она, это - реакция на «страдание». «Мотор истории» не классовая борьба, а «мотор истории» это - «страдание». И это понимал, вероятно, ещё Кант. Но ничего не изменилось с тех пор. Ну, разве только то, что «страданий» стало ещё больше. Да, да, читали: «животное никогда не делает успехов, как вид; как вид развивается только человек». Но куда он развивается? Если цель одна - счастье? Человек стал более технически вооружен, но ничуть не счастливее. Не счастливее какого-нибудь дикаря в джунглях Амазонки. Я хочу счастья, - думает он. Я хочу счастья - говорю я. Все хотят счастья. Но где оно, это счастье? Похоже, что оно - не в планах природы. А в её планах - «страдание». ...Вот вы учите про «бытие» и «сознание», но что это такое, вы и сами не можете объяснить. Почему, например, в нашей социалистической стране, при наличии одного и того же «сознания», разное «бытие»? Или почему до сих пор имеются племена, уровень интеллекта которых едва отличается от обезьяньего? Почему тысячи спиваются, и никуда не девается преступность? Почему не исчезают войны и почему от сытости глупеют? Сколько вопросов, но ответить нужно только на один. «О т ч е г о с т р а д а н и е?». И ответ на него - наиглавнейший вопрос философии и бытия - «отменяет» ответы на остальные.

- И ответ, который Вы знаете, - в тон ему сказал «Лось».

- Знаю.

- Просветите горемычных.

- Я в общем-то уже говорил. Оттого, что человек нарушает фундаментальный закон.

- А конкретнее нельзя?

- Я намекну. Словами Гессе.

- Гесса?!..

- Гессе! Не фашиста. Германа Гессе. Австрийского писателя. ...«Никогда ещё Сидхарта не сознавал с такой ясностью, до какой степени сладострастье родственно смерти».

- ...Ахинея! Бред какой-то! - в сердцах бросил «Лось».

Профессор несколько секунд изучающим взглядом смотрел на Кобецкого и, наконец, спросил:

- Вы нормальны? - спросил, как «Иванушку» - «Стравинский».

- Абсолютно.

- Но если Вы нормальны, то должны отдавать себе отчет в том, что...

- ...что не безопасно то, что я говорю?

Но профессор не обратил на его слова внимания.

- ...Сначала Вы недвусмысленно, в грубой форме, заявляете о том, что учебники писали дураки...

- Виноват! Не - дураки! Я этого не говорил!

- Ну, неумные люди, какая разница...

- Наглец! Хам!.. - вставил «Лось».

- Меня неправильно поняли. Я объяснюсь. Наоборот, всё сделано с умом. Истина сознательно искажена. Весь многовековой опыт человечества отринут, и на все мешающее навешен ярлык: «реакционное». Но плохо даже не это, плохо то, что всех заставляют думать одинаково. Нет, даже не думать. Думай, что хочешь (думать-то не запретишь?). Говорить. А ведь как справедливо писал столь одиозный для всех Вас Ницше: «Молчание ещё хуже; все истины, о которых молчат, становятся ядовитыми»...

- А кто Вам дал право судить, что истина, а что нет? Почему Вы решили, что не можете ошибаться? - выкрикнул «Лось».

- Истина заключена в слове (в слове, как таковом), а потому - познаваема, - вдруг неожиданно брякнул Кобецкий (слова вылетели помимо его воли и продолжали вылетать). - Так вот, истина (слова) однозначно говорит о том, что не только страдания, но и смерть (я говорю о преждевременной смерти) угрожает всем Вам, - и Кобецкий обвел философов решительным взглядом.

Сказанное произвело впечатление. Три пары глаз пожирала его. Как по мановению волшебной палочки, романное действие изменилось: аудитория раздалась, как для «бала Сатаны», и Кобецкий вдруг ощутил себя вершителем судеб - «Воландом», а перед ним оказались и вежливый «Берлиоз» (профессор), и задира «Бездомный» («Лось»), и он должен был поведать им тайну.

- ...Да, но ведь это нужно обосновать, - совсем как «Берлиоз» молвил явно опешивший профессор.

- Всё пока я сказать не готов, да Вы и не поймете - это слишком долгий разговор, начинать надо с азов, но если желаете, кое-что, наводящее на размышление, я могу... («для чего? зачем?») - думал он, но остановить себя не мог). - Возражений не последовало.

- ... Слово, как известно, философская категория, - начал Кобецкий, - но если общепринятой («марксистско-ленинской») точкой зрения является то, что его выдумали сами люди (каждый народ для себя), и «оно закрепляется за определенными предметами и явлениями в ходе практической деятельности» - так трактуют учебники, - то и тут я никак не могу согласиться. Возьмем обычное слово «стул»? Что это? Да, я понимаю, что это предмет, на котором сидят - просто меня этому научили. Но что в этом слове говорит о «сидении» или вообще о чем-либо? «Стул» - совершенно безликий и, ничего не выражающий, набор букв. То есть, я хочу сказать, что если абстрагироваться от общепринятого соответствия: «стул» - «сидение», то ответить, что такое «стул» - невозможно. Так какая же тут «практическая деятельность»? Ерунда! И так ведь - с любым, с абсолютно любым словом. «Дерево»? «Корова»? «Лес»? «Река»? Ни одно из них, по сути, ничего не выражает. Но ведь должно же выражать! И, размышляя над этим, я прихожу к единственному устраивающему меня выводу. Слово, как и все существующее, - акт творения Творца, вложенный в человеческое сознание... Можно попросить листочек бумаги? - обратился он к стоящему у стола «Лосю». Тот передал листок, и Кобецкий взял ручку, приготовившись изобразить то, что говорил, на бумаге.

- ... Сразу отметим принцип анаграммы, заложенный в законе словообразования. Что такое анаграмма, я думаю, все тут знают. Однако здесь нужно сказать вот что. Во всеобщем языковом КОДЕ, о котором я сейчас говорю, речь идет не о простом механизме образования одних слов из других путем перестановки букв: «куб» - «бук» (в системе КОДА - это не анаграмма), а о механизме образования родственных слов, то есть слов,

связанных между собою по сути. Например: к а р б а с - б а р к а с, в х о д - в д о х, в ы д о х - в ы х о д. Понимаете, о чем я?.. Сейчас мы «расшифровываем» или устанавливаем истинное значение слова п о в т о р е н и е: если слово - сотворено (а мы убеждаемся, что это так), то оно и должно, роковым образом, быть повторено. Или - воплощено. Например, в судьбах. Неслучайно, мы так и говорим - «на роду написано». Вот ваша фамилия, как я слышал, Л ю б о м у д р о в (Кобецкий обращался непосредственно к профессору), а «любомудрие» на греческом языке, как Вы, конечно, знаете - ф и л о с о ф и я. Таким образом немудрено, что философию Вы и избрали делом своей жизни. Но это, так сказать, то, что лежит на поверхности. В большинстве же случаев, всё не так явно. В большинстве случаев всё скрыто. Или - «з а ш и ф р о в а н о». Той же анаграммой. Да-да, я имею в виду именно КОД, которому следуют не только любая человеческая душа, но и сам Бог-Творец, Который и есть единственный автор слов. И если мы двинемся от словарного многообразия по пути универсализации (от сложного - к простому), то неизбежно придем и к самому КОДУ и к его основополагающему и изначальному понятию. К архетипу. Таков принцип единого языкового КОДА.

... Кобецкий закончил вступление (которое позволяло, на его взгляд, сделать однозначный вывод о четкой, существующий в словообразовании, системе, или - о «заданности» слова) и далее вкратце изложил всё известное ему о «служебных словах» РОД и РОДА - формами или аналогами которых и являются слова указующие и это самое ПО (П),

- ...А позвольте спросить, что есть такое РОД (РОТ), РОДА (РОТА), - продолжил он. - Помимо того, что всё это - слова служебные в таких, например, сложных словах, как ротатор, тореадор, голеадор, статор, куратор, новатор, механизатор, авиатор, пикадор?.. А РОД, РОТ или РОДА, РОТА (в системе КОДА это - одно и то же) в различных языках народов мира означает колесо или круг. К р у г! Ну, а теперь вы спросите: какая связь между тем, о чем мы говорим (о страдании) и словом круг?..

- Слушайте, - не выдержал, наконец, профессор. - Вы, кажется, говорили про угрозу жизни. Давайте, ближе к делу... - То, что многие древнеиндийские слова удивительно схожи со словами русскими, про это Викентий Сергеевич, конечно же, знал. Читал у того же Карамзина. Да и то, что он, Любомудров, фактически – «Философов», профессор, конечно же, знал тоже - это было темой старых, еще со времен университета, шуток. Но в словах студента была логика и был смысл, и поэтому Викентий Сергеевич был готов слушать.

«Лось» же, всем видом выражая презрение к происходящему, отошел к столу и принялся складывать билеты. А Альбине Георгиевне отчего-то хотелось расплакаться. Она чувствовала, что происходит что-то страшное, и сама была не прочь оказаться за дверьми, но боялась, что начальник, которого, судя по всему, заинтересовали фантастические речи студента, неправильно истолкует её уход. И продолжала стоять.

Один профессор, казалось, был готов выслушать все до конца.

- ... Я слушаю, слушаю, - напомнил он Кобецкому, который вдруг потупился и умолк. - ... Ну, что же Вы замолчали? - добавил он уже в нетерпении, потому что тот, к кому он обращался, продолжал сидеть, опустив голову. - ... Ну что, так и будем молчать?..

Кобецкий поднял глаза, и в глазах этих были и страдание, и удивление, и свет, ибо только что он отчетливо слышал (и ему показалось, что даже видел!) ясно и отчетливо излагаемую ИМ мысль. И она, эта мысль, давила, давила, и он изнемогал под её тяжестью. «НИКОМУ НЕ ДАНО ВЫРВАТЬСЯ ЗА РАМКИ ЗАДАННОГО СЮЖЕТА!»

- ... Почему все так боятся слова? - улыбнулся он. - Вам не приходило в голову? (Кобецкий обращался к одному Любомудрову). Чего же бояться, ведь это всего лишь слова? Вот и мне, - Кобецкий взглянул в сторону «Лося», - с удовольствием заткнули бы рот. Казалось бы «слова, слова, слова», но - бояться!.. Все!.. «Тяпун тебе на язык»... «Не каркай, беду накличешь»... Чем?.. Словом!.. Ибо - верят. Подсознательно понимают, что в слове - рок, слово - воплощается. Верят и трепещут. И стучат по дереву. «Чур меня, чур!...». Уди-

вительно! А говорят: мы - материалисты! мы - не веруем!.. Много чего говорят. А следовало б подумать. Что говорят...

«Лось» в ярости кидал в портфель всё, что находилось на столе.

А теперь вернемся к «страданию», которое я соотнес с понятиями колесо и круг. ... У Ивана Сергеевича Тургенева (может, помните) есть крошечное стихотворение в прозе (всего несколько предложений), написанное им незадолго до смерти. Характерно его название - «Попался под колесо». Идет диалог неизвестно кого с кем. Вопросы и ответы. Начинается с фразы: «Что значат эти стоны?». И ответ: «Я страдаю, страдаю сильно»... Но самое удивительное - это название стихотворения. «Попался под колесо»! Казалось бы, причем здесь - «колесо» и - «попался»? Ведь ни о каком «колесе» в новелле речи не идет? Но вам уже, надеюсь, понятно, о каком «колесе» здесь идет речь. Однако вряд ли (сознательно) понимал это сам Иван Сергеевич, придумывая название, какой глубокий смысл оно таит? Понимала глубинная память его души, подсказывало НЕЧТО. Ибо следом у него идет новелла под названием «Нет большей скорби, чем вспоминать о счастливых временах в несчастьи». А слова эти - начало одной из песен «Божественной комедии» Данте о кругах ада: «Nessun maggior dolore» («нет большей скорби»).

... Но что приводит в движение «колесо», которое в итоге оборачивается для нас давящим «валом»? За неимением времени, я скажу коротко: единственная движущая сила, приводящая «колесо жизни» в движение - это естественное стремление человека к «счастью», под которым ошибочно понимается вся исчерпывающая полнота доступных и недоступных (запретных) жизненных благ («желать, как сказано у Петрарки, только глагол, но содержит в себе бесчисленные вещи»). И если у человека отсутствуют нравственные табу, то социальный успех и материальные блага, позволяющие ему гарантировано и в преизбытке (от души) получать наслаждения разного рода, становятся единственной целью его жизни. И в погоне за ними он, вооруженный материалистической философией «живем один раз» (а потому «от жизни надо брать всё»), неизбежно преступает нравственный закон. Преследуя указанную цель, убивает, ворует, грабит, изменяет, лжет, предает... И, разумеется, согласно нравственному закону, - получает адекватный ответ. Получает - следствие. Или - страдания, которые прямо противоположны удовольствия, рабом которых и является. Получает - замкнутый, порочный круг, в каковом, раз за разом, от воплощения к воплощению, и оказывается, будучи намертво привязанным к этому самому «колесу», таща с собою долги, каковые есть, подлежащие искуплению, грехи («и не выйдет, пока не отдаст до последнего кондранта!»). И, опять же, я не говорю ничего нового, ибо гибельность такого пути хорошо известна (освещена в религиях). А потому во все времена люди (и в первую очередь, разумеется, - верующие), понимающие, откуда исходит опасность, исповедовали меру и воздержание; то есть - старались соблюдать если не божественные заповеди, то, диктуемые совестью, правила морали - тот же самый закон. ... Но если исходить из того, что всё вершится по закону, и страдания наши и гибель - следствие вердикта, вынесенного этим судом, а единственный и полномочный судья - Творец - РОД (РОТ, РОДА, РОТА), то нам становится понятно и происхождение названия высшего папского суда в Ватикане (прообраза «Небесного Суда») - Рота. Выше я приводил слова писателя Гессе о «родственности сладострастия и смерти». Исходя же из «закона единства и борьбы противоположностей», очевидно...

- Ну, достаточно! - профессор решительно опустил обе руки на стол. - ... Ким Владимирович! - окликнул он «Лося», который уже успел убрать всё, что было на столе, успел послушать и теперь направлялся к двери. - Вы мне нужны...- И, поднимаясь, кивнул Кобецкому на дверь - Подождите пока в коридоре...

... «Всё было кончено и говорить было нечего»... - доходило до него. - Этим истинам он должен был зажать рот, как Заратустра, - сокрушался Кобецкий, - а он начал выбалтывать сокровенное!» То, что происходит сейчас в аудитории, он преотлично знал - просто сменились персонажи: профессор отныне - «Понтий Пилат», «Лось» - «Каифа», и

профессору придется «умыть руки» - так подсказывал знакомый сюжет. Что же касалось «Коровы», то она (так подсказывал невидимый Суфлёр) - немой и безгласный «секретарь прокуратора».

- ...Что же будем делать, товарищи? - спросил Любомудров, когда за Кобецким закрылась дверь.

- Как что делать? - даже удивился «Лось». - Звонить!..

- Это куда?

«Лось», не мигая, смотрел на профессора:

- ... Я схожу за ключами, в парткоме есть номер телефона...

Профессор молчал.

- ... А стоит ли поднимать шум? - рука профессора легла на затылок: от всего начала болеть голова.

- А Вы что предлагаете? Оценить его знания?.. И на какой балл? - на «пять», или, может, на «три»?..

- Я всё понимаю, Ким Владимирович, ситуация, действительно, дурацкая! - лицо профессора выражало крайнее огорчение. - Но неужели... - подыскивая слова, он развел руками.

- Я удивлен, Викентий Сергеевич! Это ж политическое дело! Какая-то сволочь, недоучка, щенок... прошу извинить, Альбина Георгиевна, в стенах высшего учебного заведения ведет антисоветскую пропаганду, а товарищи коммунисты раздумывают, что им делать?.. Мы с вами не одни, - предупредил вдруг «Лось». - Слышал Дмитрий Евгеньевич, студенты...

- Да, да... - обречено кивал профессор. - Как хотите. Я только хотел услышать... общее мнение...

- Мнение одно! Вы что, забыли тот случай с лектором?

- Не забыл, потому и думаю: позвонишь и неприятности наживешь.

- Наживешь - если не позвонишь! ... Черт его знает! - развел «Лось» руками (он обращался теперь к Альбине Георгиевне). - Прямо напасть какая-то на институт! Сначала какой-то «астролог», а теперь - вот этот... Откуда они взялись?

Рот Альбины Георгиевны приоткрылся, но она не посмела ничего сказать. Она только часто-часто моргала. Любомудров решил сделать ещё одну попытку.

- Но тогда, наверное, нужно сначала поставить в известность партком, деканат да и ректора тоже...

- Ректор в отпуске, в парткоме пусто. Все же в отпусках, Викентий Сергеевич!.. А что Вам в деканате скажут? Да то же самое и скажут. Им-то что за дело? Он - заочник. Учил себя сам. Мало ли что кому взбредет в голову! Они за него не отвечают! А позвонить - наша обязанность. Долг! Мы не знаем: кто он? И что он? Может, и сумасшедший. Всё решают - там! - палец «Лося» указывал в потолок. - Там решают и сообщают решение. А деканаты или такие, как мы - принимают к сведению.

Викентий Сергеевич махнул рукой.

... Кобецкому было объявлено, что вопрос с ним пока что не решен, что ему надлежит приехать в институт через четыре дня, то есть, к следующему экзамену, а до этого срока зачетная книжка у него изымается.

... На столе в аудитории он не нашел своего учебника; было ясно: впопыхах «Лось» закинул книгу в портфель. «Бешеный идиот!» - в сердцах выругался он, но удачей-то следовало признать, что попался ему именно такой «идиот», от идиотизма которого всё сейчас и зависело. А с другой стороны, книга была библиотечной, и предстояло неприятное объяснение с Марьей Кирилловной.

Кобецкий стоял и не знал, что ему делать. Он всегда был аккуратным и пунктуальным читателем. Потеря библиотечной книги - это был первый случай в его жизни. Да и придется ли вообще объясняться, - вдруг пришло ему в голову. Он догадывался, чем сей-

час был занят «Лось, а потому и любая теперь неприятность меркла в сравнении с той, которую он сам себе организовал.

... В пустовавшем парткоме Ким Владимирович Педелин, набрав номер районного уполномоченного КГБ, протянул трубку Любомудрову.

- Я?.. - удивился Викентий Сергеевич.

- Завкафедрой-то Вы... Или Вы хотите, чтобы это сделал я?

- Да нет... Отчего же, - сказал профессор, принимая трубку...

... Был уже вечер, когда Викентий Сергеевич Любомудров возвратился домой. Он был очень утомлен, рассеян, в дурном расположении духа. Наскоро поужинав, профессор сразу затворился у себя в кабинете. В руках у него было неоконченное письмо брату в Омск, которое он начал накануне, собирался закончить в институте, но так и не закончил. Сейчас он намеревался его дописать. Он устроился за столом и заново перечитал текст. Разговор шел о предстоящем Викентию Сергеевичу отпуске, который он собирался провести у брата: о рыбалке и о дефицитных запчастях к «Жигулям», которые просил привести брат. Профессор просидел над письмом несколько минут, но не написал ни строчки. Ещё вчера столь радостная перспектива посидеть у костра, похлебать ухи, сегодня мало трогала Викентия Сергеевича. Вместо тайги и рыбалки его мысли витали в иных сферах, крутились вокруг перипетий сегодняшнего дня. На душе у профессора было гадко. «За каким лешим он поехал в институт? - не понимал теперь Викентий Сергеевич. - Он ведь в отпуске уже третий день? Ну не забрал бы эти книги. И ничего бы с ними за отпуск не произошло!» Досада на самого себя переполняла его. И хотя не он был инициатором доноса, но он, фактически, умыл руки. Он, заведующий кафедрой, начальник - пошёл на поводу у подчиненного! Сексот! Стукач! - всё никак не мог успокоиться Любомудров, поминая недобрым словом коллегу. В студенческом кругу почти у каждого из преподавателей было своё прозвище, и Викентий Сергеевич был в курсе. И если его звали «Веник» - по имени, то Педелина - «Педель» - по сути. Педель – в дореволюционных учебных заведениях должностное лицо, следившее за поведением учащихся и доносившее ректору. Вот Бог и наградил фамильницей. Воистину - бог шельму метит! И ещё из головы Викентия Сергеевича не выходил этот странный, одержимый, как Савонарола, студент. «Делать» - «деталь», - как заведенный повторял он, - «пост» - «стоп», «Рим» - «Мир»... Вечный город. Потому, наверное, и - «вечный», что вечен мир...

Разумеется, Викентию Сергеевичу было известно слово анаграмма, и он помнил сказку «Королевство кривых зеркал», в которой фигурировали: «крыса» - «асырк», «друг» - «гурд», «Оля» - «Яло». Но ему не могло прийти в голову, что слова, точнее буквы, образующие это слово, могут складываться в нечто разумное - что-то могут обозначать и «расшифровывать». Но особенно сильное впечатление произвел на профессора пример студента со словами крепость и крестьянин. Пример этот убеждал. «Круг... круг..., - думал он, - вечный на языке храмов «круг», и его символ - змий-искуситель, свернувшийся в кольцо и кусающий самое себя за хвост». В какой-то книжке Викентий Павлович читал, что жизнь на земле - падение в «подлунный круг», и у него не выходили из головы слова студента об источнике страданий и о «родственности сладострастья смерти». Он вспоминал, что когда-то уже думал над тем, что слово «страсть» - вожделение, а устаревшее «страсти» - муки и страдания («Страсти по Матфею!»). И теперь ему приходило в голову, что слова эти, действительно, родственны в том смысле, что «страсть» может нести и расплату за неё - страдания и муки. А не существует ли и в самом деле этого вечного «движения по кругу»? А что если и в самом деле за безликими словами Кто-то стоит? Стоит Сознание, Разум, нечто Бесконечное и Вечное, стоит Бог?... «Ах, как нехорошо получилось! - в который уже раз подумал он, когда перед его глазами опять возникло лицо студента. - Но ведь сам же полез на рожон. А Педелин прав: где знают двое - там знают все. Этот бы первый и донес. И тогда бы уже ему светили неприятности. И весьма крупные. «Чуждая советскому человеку идеология» на кафедре философии и истории КПСС - это

серьёзно. Но ведь, если разобраться, из-за чего сыр-бор? - продолжал он беречь рану. - Верит человек, ну и пусть себе верит. «Что первичнее? бытие или сознание?» Вот и он - позвонил «куда надо», а там ни черта не поняли, потому что не знали! Опросите полстраны, и кто верно ответит? И ничего! Живут! Какой вообще в этом прок? Это ему - кусок хлеба. Оттого - и преподаёт. ... ПРЕПОДАВАТЬ - мысленно повторил он, потому что что-то блеснуло в слове. Викентий Сергеевич поступил, как и студент со словом крепость: отбросил ПО и получил то, что и предчувствовал - ПРЕДАВАТЬ. Точно так же из слова ПРЕПОДАТЬ вышло - ПРЕДАТЬ, а из слова ПРЕПОДАВАЛ - ПРЕДАВАЛ. «Черте что! - подумал Викентий Сергеевич. - Игра слов, но ведь прямо в тему!» И неожиданно - включился в «игру».

Он взялся за слово ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ухватившись за упомянутый студентом ВАЛ, и у него после перестановки букв сложилось не менее впечатляюще: А ТЕПЕРЬ - ПОД ВАЛ. «Любой вопрос - в тот же миг есть и ответ», - вспомнилось тут же Любомудрову, и данный ответ вполне мог бы отвечать на вопрос «и что же теперь?». Следом из слова ПРЕПОДАВАТЕЛИ получалось, что и ТЕ ДВОЕ ПРАПАЛИ (ПРОПАЛИ). И это в аккурат подходило двум другим «предателям» - Педелю и Альбине Георгиевне Жвачко. Но, вернувшись к слову ПРЕПОДАВАТЕЛЬ и получив А ПЕДЕЛЬ-ТО ПРАВ, он бросил это дурацкое занятие и решил, наконец-то, дописать письмо... Спать он устроился тут же, в кабинете (сослался на недомогание), но за целую ночь не сомкнул глаз. Недоброе предчувствие не проходило, а, наоборот, росло. И профессор «страдал». «Попался под колесо!» - вспоминал он, и ему припоминалась на днях прочитанная книга. Автор - Кавобато, японец, нобелевский лауреат. Назывался роман «Стон горы». Речь шла о том, что, услышав «стон горы», старик усомнился в своем разуме. «У меня в последнее время что-то с головой не в порядке», - сообщил он своей невестке, ну, а потом решил, что столь необыкновенное явление – знак приближающейся смерти. И о ней, о смерти, Любомудров долго думал в эту ночь. Забылся он только под утро.

На другой день он был должен взять жену на дачу. Машина его была в ремонте, и добираться пришлось на электричке. В вагоне не было свободных мест, и одно время им пришлось постоять. Разбитый бессонницей, профессор был хмур и молчалив. Отвыкшего от поездок в общественном транспорте, его раздражали снующие и толкающиеся пассажиры, теснота и духота. Но потом им с женой удалось занять освободившуюся лавочку, и раздражение его постепенно улеглось, от духоты он размяк, и ему удалось даже задремать. Он увидел сон. Перс Мани, удивительно похожий на студента, только с большой, окрашенной охрой бородой, рассуждал о Добре и Зле, а он внимал, захлебываясь в неясном шуме, голосах, постукивании и поскрипывании. И всё было ему понятно в его пламенных, зажигательных речах. «Да, да», - соглашался, стонал и всхлипывал профессор, он был просто счастлив - не было злополучного телефонного звонка, не было КГБ и никакого экзамена не было! Не было никакого предательства! А был только сон! Обычный кошмар! Ему всё приснилось!.. Его разбудила жена:

- ... Вика, Вика!.. Ты что, Вика?..

- Ничего, - дурным голосом сказал очнувшийся профессор. - Я, кажется, уснул...

Жена Викентия Сергеевича, Нина Аркадьевна, недоуменно смотрела на мужа: второй день тот был сам не свой. Но разговаривать было некогда - электричка подходила к их платформе. «Автобус!» - заволновались выходящие. В окно было видно, как тот разворачивается на станционной площади. И профессор заторопился, хватаясь за сумки. Те, кто попроворнее - перебежали перед головным вагоном стоящей электрички, и тут обычно весьма осторожный Викентий Сергеевич допустил непростительное легкомыслие. Электричка уже трогалась и давала предупредительный сигнал, когда тот запрыгал перед нею через рельсы. Следом устремилась было и Нина Аркадьевна, но в последний момент испугалась сигнала и шарахнулась назад. Оказавшись на междупутье, профессор обернулся, ища глазами жену и только сейчас увидел, как с противоположной стороны к переезду

стремительно приближается подающий гудки встречный поезд. «Вика!..» - испуганно крикнула Нина Аркадьевна, а толпа, дожидаящаяся у переезда, ахнула. На другую сторону ему не успеть, а уже тронувшаяся электричка отрезала дорогу назад. И это ясно видел профессор. Повернувшись к ней спиной, он опустил на землю сумки и застыл, пошире расставив ноги. «...Надо бы лечь!» - промелькнуло у него в голове, но он не лег, а только зажмурился, оглушенный несущимся лязгом и грохотом. Это был скорый поезд «Пекин - Москва». Встречная тугая волна воздуха ударила Викентия Сергеевича, и он с ужасом почувствовал, что теряет равновесие. Покачнувшись, он распростёр руки, инстинктивно ища опоры, и коснулся стремительно уходящей электрички. Сначала его крутануло, тело профессора сделало в воздухе оборот, и тут же страшной силы удар швырнул его под летящие навстречу колёса.

«ТРАМВАЙ НАКРЫЛ БЕРЛИОЗА, И ПОД РЕШЕТКУ ПАТРИАРШЕЙ АЛЛЕИ ВЫБРОСИЛО НА БУЛЫЖНЫЙ ОТКОС КРУГЛЫЙ ТЕМНЫЙ ПРЕДМЕТ. СКАТИВШИСЬ С ОТКОСА, ОН ЗАПРЫГАЛ ПО БУЛЫЖНИКАМ БРОННОЙ. ЭТО БЫЛА ОТРЕЗАННАЯ ГОЛОВА БЕРЛИОЗА».

А ещё через день далеко от этой подмосковной платформы происходило вот что.

- ... Духотища какая! - сказал генерал Палимпсестов, вытирая платком влажный лоб. - Парит!..

- К дождю, - отозвался сидящий напротив него полковник Шпек.

- Хорошо бы - прибило б пыль.

- Да, не мешало бы.

В генеральском кабинете крутилось два вентилятора, окна, выходящие на теневую сторону, были настежь распахнуты, но жара была такова, что ничто не спасало.

- Тридцать градусов наверняка, - высказал предположение генерал.

- Тридцать в тени, - доложил Шпек.

Генерал оторвался от бумаг, налил в стакан «Боржоми» (то же самое сделал и полковник). Выпили. Морщась от ударивших в нос пузырьков газа, генерал спросил:

- От твоего «юродивого» ничего?

- Так, ничего серьёзного, - сказал полковник. - ... Но я же докладывал - анекдот.

Генерал улыбнулся, отложил папку с оперативной сводкой.

- Политический, говоришь?

- Политический.

- Анекдот, анекдот... - задумчиво произнес Палимпсестов и вдруг смачно рыгнул. -

Это хорошо. Поп попу и при нём... Похоже, мы были правы. «Мы правы»!.. От негодования у полковника дернуло щеку. «Это он, а не «мы», был прав! Это его идея, и его успех!»

- Ну, а что ты про это думаешь? - спросил генерал.

- По поводу чего?

- Ну, вот этот... Кобецкий. Что он такое? С чего вдруг такой демарш. Чего хотел добиться?

Полковник пожал плечами:

- Трудно пока сказать.

- ... Герострат? Игра в диссиденты? Псих?..

- ... У меня второй подобный случай, - сказал полковник, - до деталей... В семьдесят шестом, тоже самое - студент...

Он замолчал, подавил в кулак отрыжку.

- Ну-ну...

- ... Так же на экзамене - «сознание - первично, бытие - вторично»! Мы с ним лично беседовали.

- Ну и?..

- Признал ошибку.

- Бытие определило сознание! - рассмеялся генерал.

Генерал всё ещё посмеивался, но постепенно лицо его приняло скорбное выражение.

- Эх, Степан Петрович, скажу, что обо всем этом думаю я. Всё это, конечно, антисоветчина чистой воды и, если хочешь - призыв к свержению существующего строя!.. Да, да! - не смотри на меня так. Другой вопрос, что по нынешним временам ему это не пришёшь (эх, в былое бы время ему б показали бы «бытие»!). Ты учитывай текущую обстановку, и то, что у человека может быть на уме. Когда тот красавец в кино заявляет бабе: «ты хорошая, ты необыкновенная, но я люблю другую», - каждый понимает, что на самом деле у него на языке. Понимаешь, о чем я?.. (полковник не понимал). Вот так и этот герой. Когда он осмеливается заявить подобное - на сердце у него иное: «я так ненавижу, что не боюсь говорить открыто!» (Ничего не боятся! во времена!.. - с наигранным изумленным развел руками генерал). Это враг, и враг убежденный, Степан Петрович, вот в чем дело! Это не идиот: учится, работает, семья, дети - всё понимает, всё сознаёт!.. Крыша, говоришь, может поехать? («разве он это говорил?» - не понимал Шпек). Может и такое. Проверим, понаблюдаем. Он же шофером сейчас на автобусе? «Наружку» к нему на маршрут...

- Сейчас он в учебном отпуске, - напомнил полковник.

- Это - первое!.. Но, а главное, конечно, вот... Сначала этот астроном... астролог, как его бишь?.. И тут же - этот тип. И, главное, - в одном и том же институте, в одном месте... Знают друг друга, перезваниваются. Приятели!.. И, обрати внимание: с другой стороны - этот проповедник, отец Борис («Карась»!).

А полковник опять недоуменно глядел на генерала. Теперь тот повторял ему его же соображения, изложенные им в служебной записке...

- ... Кобецкий - в Горелово, «Карась» - рядом, в Шахове. И у него же крестился, - продолжал генерал. - Видишь, какая возникает цепочка?... Астролог - Кобецкий - «Карась»... И это уже не проповедь в храме. Не воскресный кружок. Преступная антисоветская группа! Подрывная работа против государства! - глаза Палимпсестова плотно сверкнули. - Остаётся только фактически подтвердить связь: Кобецкий - «Карась»...

И опять ничего не понимал полковник - генерал буквально цитировал его.

- ... Я, кстати, и сам там неподалёку, - генерал опять улыбался. - У меня ведь дача, не доезжая остановку до Горелово. В Федюнино. Так что и я вроде, как сосед...

Генерал приглашал улыбнуться, и Шпек выдавил из себя улыбку.

- ... Да, а что там за анекдот?

- Про нашего брата?

- Хм?..

- Так точно.

- Ну, давай.

Полковник проглотил слюну. Машинально вытер губы.

- ... Дело, значит, еще при Иосифе Виссарионовиче. Мужик по Красной площади идет и ругается: «Козёл усатый!..». Ну и - прочее. Наши его - хватя, и к Сталину. В чем дело, спрашивает, товарищи? Да вот так-то и так-то, товарищ Сталин. «Вы кого имели в виду?» - к мужику. Тот смекнул. «Гитлера, говорит». «Так», - говорит Сталин и - к гэбистам: «А вы?..»

- Ха-ха-ха-ха! - загоготал Палимпсестов. - ... Хорошшо! «А вы кого... в виду?..». Ха-ха-ха!..

Полковник кисло улыбался.

- Есть юмор! Соль есть! Ха-ха-ха!.. Вот попы!.. Ты кури, кури, Степан Петрович, не стесняйся, - генерал пододвинул ему пепельницу. Палимпсестов не курил, редко позволяя

курить в кабинете, и это предложение Шпек мог рассматривать как знак особого расположения. Он закурил, но безо всякого удовольствия.

- ...«Беломор» садишь! Есть же хорошие импортные сигареты...

- Предпочитаю отечественное, - отрезал Шпек.

- Я ведь сам курил, - мечтательно произнес Палимпсестов. - Лет пятнадцать, как бросил, а курил один «Казбек». Хорошие были папиросы. До сих пор иногда тянет.

- А я уже двадцать лет - один «Беломор», - Шпек приблизил к глазам надпись на мундштуке. - ... «Явский» этот - не очень. А вот раньше фабрики «Урицкого», ленинградский, - вот то был «Беломор»...

- «Раньше!» - ухватился за слово генерал. - То было раньше! Всё было раньше! Раньше за такой анекдот что? Вышка!..

- Вышка, - подтвердил Шпек.

- То-то и оно! Пёрнуть дома боялись! А сейчас?..

Полковник закашлялся, переменял позу, достал из кармана платок. Не нравился ему этот разговор.

А генерал развивал мысль:

- Им-то раньше легче было, - он кивнул себе за спину, на портрет Дзержинского. - Если враг - разговор короткий. А сейчас?.. А сейчас получается, что слова - это слова. Как у классика - «слова, слова, слова». А ты не задумывался, что всё изобретенное сначала было словами. Радио, телевидение, спутник, ракета... Революция когда-то тоже была словами. Лишь в голове и на бумаге. Вот такая интересная тенденция: слова - дела. Факты!.. Так что слова - это всё. Со слов всё начинается. А потому, я считаю, что мы, наше управление - на «переднем крае». Вот для нас-то «сознание» - «первично»! И раньше это правильней понимали. Помнишь, у Маяковского? «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо!». А потому и относились так к слову. Старое дело «Лазарьянца»... В Ярославле на демонстрации перед обкомовской трибуной развернул лозунг. Пацан, школьник, несовершеннолетний, а упекли. По 58-ой! Вот тебе и слова!.. Или вот, - генерал хмыкнул, - на анекдот похоже. Одного расстреляли за то, что он по пьянке ляпнул такое, что потом никто не решился ни повторить, ни буквами написать. А тот и сам, проспавшись, не мог вспомнить. Словом, получается, что и расстреляли вроде бы ни за что. Ха-ха-ха!.. Представляешь, допрос... «Говорили ли вы о товарище Сталине...?» (повторить-то никто не решался!). И вот тот вспоминает, говорил ли он о товарище Сталине ...? В общем - «возьми то - не знаю что!»! Что он такое сказал? - одному богу известно. Но что-то из ряда вон, потому что того, кто настучал (того, кто слова эти передал), расстреляли тоже!.. Ха-ха-ха-ха!.. - Палимпсестов так и закатился. Он смеялся и поглядывал на полковника.

«Чёрт, а не человек! - смятенно думал Шпек. - Про Лазарьянца-то кто не слышал, а вот последнюю байку он сочинил. Это что, он намекает на меня, на мой анекдот?.. Для чего он вообще вызывал? Для чего этот ликбез?..». Так думал полковник, и теперь был готов поклясться, что у Палимпсестова он «под колпаком». ... Шпек угрюмо молчал, а генерал, развалившись в кресле, разглагольствовал. Тема была все та же. Порядок прошлого и анархия сегодняшнего дня. Со стороны всё походило на вечер воспоминаний, с той только разницей, что вспоминал один. Полковник отмалчивался и терпеливо дожидался, когда генералу надоест. Он пришел в органы на пятнадцать лет раньше Палимпсестова, и теперь его раздражал этот выскочка. Генерал под стол пешком ходил, а на его памяти все эти случаи, суды и приговоры, которые теперь воспринимаются как анекдот. Для него это анекдот, а для него (полковника) - это факты биографии. Офицер-особист, прозевавший бумагу с печаткой в «Сталинград» (машинистка пропустила «р» и получилось «Сталингад»), пустил себе пулю в лоб, а другая, пропустившая «л» - в «главнокомандующий» (отчего получилось - «гавнокомандующий») - схлопотала десять лет. А вот с чем он был абсолютно согласен, так это с тем, что стране грозит хаос, и что строгость, жесткая дисциплина и порядок - это три кита, на которых только и устоит государство. И чего, увы, дав-

но уже нет. Покойный, впавший в детство, генсек упустил вожжи, и теперь только сверхусилия могут обуздать народ. И для этого годятся любые меры. И вот в это полковник верил свято. Больше того, в этом он видел смысл жизни. Отец порол его по субботам, перед баней, драл, как сидорову козу, говорил «для пользы», и он, Стёпка, верил, что так и надо, что это полезно и необходимо, как грамота и физзарядка. Пришло время - появились свои дети, точно также он драл и своих. Так он был приучен: полезно - это то, что больно, трудно, нудно и неинтересно.

Наконец, запал генерала иссяк, и, получив инструкции, полковник оказался на свободе. У него было чувство, что он вышел из парной. «Что б тебе пусто было! - скрипел зубами Шпек, вышагивая по длинному коридору. - Мягко стелет - жестко спать! Никогда не знаешь, что на уме, какой фортель выкинет! Абсолютно не знаешь, откуда ждать подвоха! Ну и шкура! Опасный человек!.. Как ему прекрасно работалось с прежним начальником! - вспоминал полковник. - Павел Тимофеевич - святая душа! И вот - на тебе! Скончался во цвете лет!..». Только теперь он понимал, насколько был несправедлив к прежнему генералу. «Тоже со своими заскоками, - вспоминал Шпек. - Но ведь против Палимпсестова - агнец!..».

Полковник пытался нырнуть в теплые волны воспоминаний, но тревожная действительность возвращала в настоящее. Он шагал по бесконечно длинному коридору и мысленно воспроизводил весь разговор. Он опять искал подтверждения своим подозрениям и находил их обоснованными. В свете истины генеральская байка «про расстрел» была уже никакая ни байка, но притча. Неслучайно же, конечно, Палимпсестов делал упор на слове «слова», и полковник никак не мог понять: где и когда он допустил промашку? Он припоминал все свои прежние встречи с генералом - аудиенции, так похожие на моральные экзекуции, и ничего не понимал. Только на днях он внушал молодым сотрудникам: «если не знаете, за что погорели, знайте - погорели за язык»; «помните, что у нас тут, как у сапёров, ошибаются только раз». Он никогда не уставал это повторять. И вот получается, что погорел сам. Так когда? где? как?.. А тот, кого так яростно клял полковник, в это время был занят тем, что проделывал практически всегда. Это была не сложная, но ответственная работа. Едва только за полковником закрылась дверь, генерал выдвинул ящик письменного стола, перемотал плёнку в диктофоне и внимательно прослушал получившуюся запись. Вполне удовлетворенный тем, что услышал, он достал из другого ящика бумагу, ножницы и канцелярский клей. Вырезав ножницами небольшой квадратик бумаги, он мелким аккуратным почерком написал на нем: «Я-20, Б-48, 15-16, Е-СЛ.У.Д.». После чего наклеил этот квадратик на кассету с плёнкой. Следом за этим он извлек из кармана блокнот и сделал идентичную запись. Проведя всё это, генерал убрал кассету в огромный несгораемый сейф. Как нетрудно догадаться, запись эта была зашифрованной и содержала минимум информации: время беседы и фамилии её участников. Следует сразу же пояснить, что генерал ничего не замышлял против полковника Шпека. Все, кто ни попадал в этот кабинет, оставляли здесь подобный же, неопровержимый, как отпечатки пальцев, след. А потому после двух-трех посещений начальника все одинаковым образом начинали себя считать у Палимпсестова «под колпаком». Магнитофонные плёнки были его звуковым досье, личным его архивом, и их содержание не было интригой, компроматом или свидетельством личных заслуг генерала в борьбе с врагами государства. Но при определенных условиях легко могли ими стать.

*(Продолжение в следующем номере)*

## **Поздравляем с 70-летним юбилеем**

**Юрия Демидовича Кулагина**

Родился на Урале в 1943 году. Член Союза писателей России. Автор книг: «Иван Крестьянский сын и птица Финист», «Светоч славянства», «Маленькая мама, или Сказки северной орхидеи».

## **Поздравляем с 65-летним юбилеем**

**Светлану Григорьевну Николайчук**

Родилась в городе Риге Латвийской ССР в семье военнослужащего. В 1972 году окончила филологический факультет Калининградского государственного университета. Член Союза писателей России. С 2003-го по 2006 год — председатель правления Калининградского отделения Союза писателей России. Автор книг: «Звездные встречи на Янтарном берегу», «России — сердцем и умом».

## **Поздравляем с 65-летним юбилеем**

**Александра Константиновича Малышева**

Родился в городе Калининграде. Работал на судах океанического лова. Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников: «Обрученные с морем», «Приоткрывая занавес души».

# Поэзия

## Диана Кан

*Родилась в 1964 году в городе Термезе Узбекской ССР. Окончила факультет журналистики МГУ и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького. Член Союза писателей России, автор нескольких книг стихов, а также многих публикаций в центральных и региональных изданиях, член редакционного совета ряда журналов и альманахов России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция», Всероссийской премии «Имперская культура», премии имени Александра Невского. Живёт в городе Новокуйбышевске Самарской области.*

\*\*\*

Ты говорил мне пустые слова,  
Не отражавшие суть:  
«Вот и Нева!..» – Это Нева?  
Это неважно ничуть!

И отражались, как вещи сны,  
В сумрачной невосковой волне  
Белые ночи, чёрные дни,  
Медный кумир на коне.

И провожал поезда на Москву  
Город, пленявший умы,  
И неотрывно смотрели в Неву  
Неотразимые мы.

Только и надо – объятья разжать  
Перед свиданьем с Москвой...  
Город, привыкший врагов отражать,  
Не отразил нас с тобой.

\*\*\*

Блинный дух и дух былинный  
Поизветрились Постом...  
Раскалённая калина  
Кровянеет под окном.

Раскалилась, словно печка,  
Всласть отведавшая дров.  
Бабка Настя теплит свечку,  
Взгляд серьёзен и суров.

Свежей сдобой тянет сладко.  
Скоро Пасха. По ночам  
Непоклонистая бабка  
Бьёт поклоны куличам.

На муку слегка подует,  
Бухнет масла дюжий ком.  
И колдует, и волхвует,  
И орудует пестом.

На пасхальной на неделе  
Не из нашей ли печи  
Куличи в трубу летели,  
Золотые куличи?

С бабой Настею не спорьте,  
Хоть она добра на вид.  
«Масло печива не портит!» –  
Баба Настя говорит.

Из печи кулич достанет,  
Цыкнет: «Рученьки уйми!» –  
И, возрадуясь устами,  
Опечалится очми.

Ах, как пахнут сладко-сладко  
Золотые куличи!..  
Что ж печалуется бабка,  
Пригорюнясь у печи?

Почему она печальна,  
Если с самого утра  
Благолепно-величально  
Льют елей колокола?

Не с того ли, что былинный  
Дом вот-вот пойдём на слом?  
...Сгустки ягоды калины  
Кровянеют под окном.

\*\*\*

Караван-Сарайская – не райская!  
Улочка горбата и крива.  
Но цветут на ней сирени майские –  
Так цветут, что кругом голова!

А неподалёку Растаковская  
(Баба Настя так её звала) –  
Улица с названием Казаковская  
Муравой-травой поросла.

Так живут – без лести, без испуга! –  
Приговорены, обречены,  
Улочки, что в центре Оренбурга  
Детские досматривают сны.

Им не привыкать! Иль это снится мне:  
Жили-выживали, кто как мог,  
Хлопавшие ставнями-ресницами  
На ветрах неласковых эпох?

Дерзости училась я у робких  
Улочек, знакомых наизусть...  
Железобетонные коробки  
Вытесняют из России Русь.

Сторона моя обетованная –  
Оренбуржье! Всё ты тут, как есть:  
Дремлющая Азия саманная  
И казачья яростная спесь.



## Проза

### Елена Морозова

*По образованию инженер-математик, журналист. Автор трёх поэтических сборников и пяти книг повестей и рассказов. Лауреат ряда международных литературных конкурсов, награждена международной литературной премией им. Владимира Даля. Член Межрегионального Союза писателей Украины, живёт в Донецке.*

#### ЧЕМОДАН

Снег меняет город на глазах, фрагментирует его на белое и черное.

Бреду по бульвару. Сама себе незнакомка, и мимо такие же, опыленные снегом, плывут горожане. На часах 16.02, но декабрьский день короток. Остов фонтана на глазах обрастает снежным мхом.

И вдруг ясно слышу, как кто-то вздыхает рядом: «Эх-хе-хе!»

«Показалось», — думаю, но все же озираюсь по сторонам, наверх даже, на небо за чем-то смотрю. Нет никого, кто бы мог так штучно вздыхать.

Но тут из-за дерева выкатывается человек. Так себе человек. В тулупчике меховом. На рыжих усах снег. Уши красные.

— Глупый червяк, тупая гусеница, гусь безмозглый!

— Что-то случилось? Вам помочь? — теряюсь я от этого уничижительного спича.

Он зыркнул на меня.

— Общипанный индюк я, опаздывал, на поезд опаздывал. Мне бы дома с Варюшкой чай гонять, а я по россиям ношусь. Воров, Воров моя фамилия. И отец Воров был. Но ни за что. Не унес даже карандаша за всю свою жизнь. А тут. Ехать же надо. К Варюшке! Подскочил в кассы, а там очередь. Прошу потихоньку девицу впереди, у окошечка самого, взять билет. Она по доброте душевной и себе, и мне купила. А я думаю, чем бы отблагодарить ее. Хоть вещи поднесу, что ли. А у нее чемодан огромный, да авоська еще, и сумка на плече болтается. Беру чемодан. Как мужчина, потяжелее, значит. Она — сумку и авоську. Идем молча к поезду. В вагон сели. Молча. Места у нас в одном купе. Так молча и проехали. Я и на выходе помог ей, когда утром прибыли на вокзал. Она такси ловит. Вижу — торопится. Я чемодан грузю в багажник. И тут она так странно на меня смотрит и говорит: «Нам по дороге?» — «Почему?» — удивился я. «Так вы чемодан свой в багажник кладете», — говорит она. И выясняется: чужой это чемодан, не ее. И не мой, соответственно. И остался я с ним. И стыд меня пробрал, что вещи чужие унес. Решил посмотреть, что в нем. Может, бумага с адресом, телефон где записан. Открыл.

— Ну и... что в чемодане? — увлеклась я рассказом.

— А вы сами и посмотрите. Вон, на лавочке он, — Воров вяло указал на массивный синий в серую полосу чемодан.

Я стяхнула любопытство и сказала строго:

— Что бы там ни было, вещь нужно сдать в милицию, в бюро находок. Там разберутся.

Мой собеседник безразлично смотрел в сторону.

— Наверняка хозяин уже заявил о пропаже, — предположила я мягче. — Конечно, содержимое тоже может подсказать, — и я уверенно шагнула к лавочке.

Сбоку чемодан закрывался на металлическую молнию. Я легко потянула замок и распахнула плотную матерчатую крышку.

Как ты, читатель, думаешь, что может быть в обычном дорожном чемодане? Ну полотенце, тапочки, фен или книги. Но только не то, что увидела я.

В чемодане падал снег. В нем был город. И бульвар. И человек с рыжими усами, и я, глядящая в чемодан, в котором падал снег и был город, и бульвар, и человек с рыжими усами... Я захлопнула крышку.

— Хороший чемоданчик. И что это все означает? — уставилась я на человека в тулупе.

Он все так же потерянно смотрел в сторону.

— Я думаю, — Воров сделал внушительную паузу, — что это не чемодан, это и есть сам Бог.

— Чей Бог? — не поняла я.

— При чем здесь чей? — нервно оборвал меня Воров и начал беспокойно ходить туда-сюда вдоль лавочки. — Вы только подумайте. Там внутри весь наш мир! Я смотрел. Там небо, люди, дома.

— Может, это телевизор? — предположила я.

— И где тут шнур? где ток? где розетка? — он поднял палец вверх. — Только Богу не нужен ток!

Мелькнула мысль, что этот человек не совсем здоров. Что разум его помутился в поездке. Я сказала спокойнее:

— Как-то я иначе процесс представляла. В смысле, встречу с Богом. А тут — обыкновенный чемодан, — задумалась. — И что дальше? Куда вы его?

Он вздохнул:

— В том-то и дело. Не поднимается!

— Как не поднимается? Вы же его как-то сюда дотащили, — удивилась я.

— Сюда снес. А теперь не могу, неподъемным стал Вседержитель.

— Немудрено, — хмыкнула я.

— Такая удача, — бормотал человек, словно не слыша меня, — такая удача. Раз в жизни, может, и выпала. Мы бы с Варюшей в красный уголок его, — в голосе Ворова прозвучали нотки умиления.

А тем временем снег усилился. Белым туманом он затянул синюю в серую полоску крышку чемодана, вырос горками на плечах человека, на усах. Высокие ели под белыми погонами топорщились живыми мурашками.

— С Варюшей? — переспросила я. — Да что вы такое говорите? Вы что, Бога узурпировать хотите? Он ваш личный, что ли? И вообще, этот чемодан сдать нужно. В милицию! Может, это научный эксперимент. Уникальная система зеркал, например.

Я раскричалась, расшумелась, размахалась руками. И вдруг вижу: идет к нам, легок на помине, милиционер.

— Что за проблемы? — берет он под козырек.

Воров от этих слов как-то сжимается. Бледнеет. И уж чего я от него никак не ожидала, вдруг расстегивает чемодан и козликотом сигает в него. Милиционер не мигая смотрит на закрывшуюся за Воровым крышку. Потом на меня.

— Что здесь происходит, гражданочка? Объясните-ка!

Я молчу.

И тогда наша доблестная милиция склоняется над уликой и верным движением вскрывает чемодан.

В белом городе люди бегут под снегом, который падает на бульвар и на снег, выпавший до этого.

А в чемодане не было ничего. Он был абсолютно пуст.

## СНЕГОПАД

Двухдневный снегопад частично парализовал городской транспорт. Горожане потянулись хрустящими цепочками — кто туда, кто обратно.

Жизнь в городе такова, что куда бы мы ни шли, мы всегда возвращаемся обратно.

Я шла домой.

Бульвар замело. Прохожие цаплями перебирались через сугробы. Слева и справа от узкой натоптанной тропы в снегу зияли сапоги-ямы, оставленные теми, кто не проявил мастерства эквилибристики.

Сосны стояли, как соборы, груженные колоколами снега.

От бульвара Пушкина до моего дома было совсем недалеко. Но сугробы, накиданные плоскими лопатами дворников и одной большой лопатой Зимы, уже возвышались над видимой частью пути. И сейчас я шла по снежному туннелю, прикидывая, не свернула ли случайно обратно.

— Гражданочка, вы не подскажете, улица Артема в какую сторону? — услышала я за спиной бодрый голос.

Оглянулась. Пожилой мужчина в дубленке, в очках вежливо ждал ответа. За ним мальчишка, со щеками макового цвета, бухал ботинком по снежной стенке.

— Артема впереди, — это нас обошли веселый парень и девушка в белых сапогах на высоких каблуках.

Мужчина схватил мальчика за рукав и поспешил за белыми сапогами. Они все свернули направо.

«Значит, мне налево, если я хочу попасть домой», — решила я и свернула налево. Но уже через несколько минут поняла, что заблудилась. Мне было стыдно себе признаться, что заблудилась практически рядом с домом, потому что прошло совсем немного времени, как я ушла с бульвара Пушкина.

По сторонам величественные снежные наносы, небо матово спокойно. Слабо доносился шорох шин или отдаленный гудок автомобиля. Путь замысловато ветвился. Иногда мелькал у поворота подол чьей-то шубы или брючина. Один раз мне даже показалось, что на перекрестке из-под ног метнулся в сторону заяц. Другой раз явственно увидела плавно уходящего вдаль оленя. Его рога царственно покачивались в ореоле звездной пыли. Я помотала головой, разгоняя миражи снежного марева.

После появления парнокопытных твердо решила звать на помощь.

— Эй! — я вложила в окрик всю силу надежды человека, ухватившего за соломинку. — Эй, здесь есть кто-нибудь?

И тут я увидела белобородого старика.

Он оперся о палку и спокойно ждал, пока я приближусь.

— Простите, я, кажется, заблудилась. Не могу выбраться, — запыхавшись, пожаловалась я встречному.

— Ты на пути, — загадочно ответил белобородый.

— Я хочу домой, — растерялась я. — Этот путь должен был привести к дому. Но он не отпускает меня. Я кружу и не могу выбраться.

— Вернуться домой — благо... и награда. Ты на пути, — снова повторил старик.

— Но я устала. Этот путь такой странный, он меня путает.

Старик изучил меня долгим взглядом и сказал после паузы:

— Хорошо. Вон видишь: три разветвления, — он ткнул палкой воздух.

Там, куда указал старик, снежный проход, расширяясь, разбежался как пальчики в перчатке.

— Пойдешь левее — сразу вернешься туда, где, как ты считаешь, твой дом. Прямо пойдешь — останешься на пути, а направо — вернешься туда, где дом считает тебя своей.

— Ты странно шутишь... Это всего лишь снегопад, а улица Университетская рядом. Я не понимаю тебя... не хочу понимать... Когда мы остаемся на пути, мы лишаемся дома?

— На время.

— А разве все три выхода не сходятся в одном месте?

— Как посмотреть, как посмотреть, — пробормотал белобородый и, не оглядываясь, побрел туда, откуда пришла я.

Старик исчез. Снежинки, поднятые его палкой, осели у моих ног.

Я не пошла ни налево, ни направо, ни прямо: злость поднялась во мне — на себя, на загадочного старика, на весь мир — и придала мне силы. Я нашла пологий склон и полезла вверх. Выкапывая, вырубая ступеньки, я забралась на вершину снежного холма и, глубоко вздохнув, оглянулась.

Каково же было мое удивление, когда я увидела с высоты бульвар Пушкина, деревянные бутафорские ворота и над ними красочный плакат «Снежный лабиринт». У входа стоял, опираясь на палку, белобородый старик. Он продавал билеты. Поодаль уже знакомые мне дед с внуком садились в нарядно украшенные прогулочные сани.

## ВЬЮГА

Вьюга снежными лапами обнимала уличные фонари, гудела заунывно, монотонно; снег сыпался из ее широких рукавов, ветер сметал его, кружа, поднимая в воздух, кидая в лица прохожим, спешащим спрятаться в теплых домах.

Преодолевая сопротивление ветра, уткнув нос в теплый шарф, я шла по Театральному проспекту. Короткий зимний день только перевалил за половину, но из-за густой темноты, нависшей над тусклым, гасимым вьюгой пространством света, казалось, что он уже на исходе.

Мне осталось пересечь тропку между двумя рядами сосен, перейти улицу — и я дома.

Но вдруг кто-то ухватил меня за полу. Я оглянулась. Снизу на меня смотрел малыш лет четырех-пяти. Его курточка и шапка-шлем были в снегу. Он смотрел на меня с любопытством и в то же время испуганно.

— Эй, ты кто? Где твоя мама? — спросила я, нагнувшись к пацаненку. — Что-то случилось? Ты где живешь?

Мальчик, надув губы, молчал. Но пальцы его немного разжались.

Щеки ребенка покраснелись от мороза, козырек шапки съехал на лоб.

— Слушай, ты же не немой. Почему молчишь? Может, тебя обидел кто? Скажи, где ты живешь, и я провожу тебя к маме.

Он поднял глаза, опустил руку и тихо произнес несколько слов. К моему ужасу, не по-русски.

— Ого! А ты, дружок, оказывается, иностранец.

Следуя лучшим традициям героев Купера, я ткнула себя пальцем в грудь и произнесла четко:

— Лена.

Мальчик шаловливо взглянул на меня и, легко ткнув в мой живот кулачком, повторил: «Лена».

— Ладно, сейчас что-нибудь придумаем.

Взяв найденыша за руку, я повела его к себе домой. Нужно было согреться и обдумать план действий. Но мальчишка вдруг вырвался, отбежал назад, поднимая в воздух снежную пыль, и спрятался за сосну.

Я растерялась. Он принялся энергично сбивать снег с широкой нижней ветки и не смотрел на меня. Запахло хвоей.

— Лена, — вдруг громко сказал малыш из-за дерева и засмеялся.

— Понятно. Домой ко мне не хочешь. Ну, и что будем делать?

Тут я вспомнила, что у меня в сумке есть леденец. Протянула сладость. Мальчик прекратил трясти ветки и осторожно взял конфету.

— Ешь! Вкусно.

Он развернул шуршащую обертку и засунул малиновый леденец за щеку.

— Ну вот, голодной смертью ты уже не умрешь. Осталось совсем немного — найти твоих родителей.

Я достала мобильный, собираясь позвонить в милицию.

Малыш заинтересовался телефоном, повис на моей руке, рассматривая аппарат, потом вытащил из кармана небольшую серебряную пластинку и протянул мне.

Я обрадовалась: у парнишки есть телефон. Сейчас позвоним родственникам, и они его заберут. «Наверное, очень дорогой», — думала я, рассматривая странную модель. Мальчик нажал на кнопку — на экране появилось фото: молодая женщина обхватила за плечи ребенка. Оба они счастливо улыбались.

Я попыталась объяснить, что нужно позвонить маме, но он снова стал играть в снегу.

Тогда, нажимая наобум какие-то кнопки, я решила найти адресную книгу. Послышались длинные гудки. Никто не отвечал. Длинные гудки сменились короткими. Вдруг возле нас появилась женщина, я сразу же узнала ее. Это она обнимала малыша на фото. Мама взволнованно прижала ребенка, расцеловала его заледенелые щеки и с сияющим от радости лицом повернулась ко мне.

«Красивый язык», — думала я, слушая ее звонкий голос. Наконец женщина, видимо, догадалась, что ее не понимают. Тогда она отряхнула с куртки малыша снег. Оба шагнули к соснам и словно растворились. Я пожала плечами, постояла немного и не спеша пошла домой, любуясь, как красиво выюжит под фонарями.

Но, уже подходя к подъезду, я почувствовала, что меня догоняют. Оглянулась. Это была недавняя знакомая. Она робко сунула мне в руки легкий пакет, что-то пробормотала и, помахав рукой, скрылась за поворотом.

Дома я рассмотрела подарок. Сверху торчала записка.

Текст был написан по-английски. Вздохнув с облегчением, я перевела: «Мы очень благодарны Вам за то, что Вы помогли найти нашего сына. Ребенок без спроса воспользовался пультом переноса событий и неожиданно исчез. Мы даже не представляли, куда его унесла временная вьюга, очень переживали, что уже не увидим его. Как только Вы подали сигнал с телефона, мы немедленно определили, где он находится. В благодарность примите наш скромный подарок. Это кольцо досталось мне по наследству, его носила наша родственница, жившая несколько веков назад. Ваш поступок принес нам счастье. Пусть же это украшение принесет немного радости Вам». И в конце подпись.

Записка была прикреплена к футляру, внутри которого лежало серебряное кольцо. И тут я почувствовала, как по спине забегали мурашки. Это кольцо было моим. В позапрошлом году я привезла его из Индии. Ручной работы. Спутать было невозможно.

Я вынула из ящичка трюмо коробку с украшениями и достала кольцо. Они были идентичны. До последней зазубрины. Но на обратной стороне подарка я увидела выгравированную надпись: «Моей любимой внучке Сашеньке от бабушки Лены. 2047 г.».

Я подняла глаза к окну.

## Поэзия

### Наталья Иванова

*Родилась в 1968 году в Гомеле (Беларусь). Филолог, автор нескольких поэтических сборников, критических статей и переводов с французского, английского и белорусского языков. Председатель Гомельского отделения ОО «Беллитсоюз “Полоцкая ветвь”». Член Международного союза писателей и мастеров искусств. Лауреат международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции-2012», а также различных республиканских и международных конкурсов. Работает методистом в Гомельском областном институте развития образования.*

#### ЗВЕЗДОПАД

Расчерчен чётко был узор созвездий,  
Но сбой даёт великий механизм,  
И, оторвавшись от небесной тверди,  
Вселенские огни стремятся вниз.

Они неспешно падают на листья,  
Как яблоки душистые в саду,  
И снова в астры перевоплотившись,  
В полночном отражаются пруду.

О дивное стихий круговращенье!  
Чуть плещется прозрачная вода,  
И, возродившись на земле осенней,  
Цветёт в ночи сиреневой звезда.

#### ВОСХОД СТИХОВ

Восход стихов грядёт, как полнолуние, –  
Кто просиял, а кто лицо закрыл.  
Отверста суть и проступают руны –  
Змеится мудрость потаённых жил.

По руслам вен, струясь из междуречья,  
Из звездопадов Млечного Пути,  
Слова к словам другим бегут навстречу,  
Желая рифм объятия сплести.

Душа сменяет неизбежно фазы:  
Иссякнет боль, и истечёт строка,  
Серебряным потоком мчатся фразы –  
И речь поэта льётся, как река.

#### ОСЕННИЙ СОНЕТ

Листья (носители света,  
А не смарагдовой тьмы) –  
На паутинку – от лета,  
На волосок – от зимы.

Правда ль, что мчатся планеты  
С небом расцветок иных?  
Лист беззаконней кометы  
Падает в души и сны.

Всё повторится стократно  
В леса извечной судьбе  
С яростью вешнею жадной.

С ветром осенним в борьбе  
Лист не вернётся обратно,  
А моё сердце – к тебе.

#### РОНДЕЛЬ

Как сладок дождь! Его потоки скроют  
До горечи солёную слезу.  
Вступаю на забвения стезю  
И сердце рассыпается золою...

Над памяти растресканной корою  
Я призываю, ворожа, грозу...  
Как сладок дождь! Его потоки скроют  
До горечи солёную слезу.

Иссохни, боль, изыди с волчьим воем,  
И пламя да совет тебя в лозу!  
О молния, бичом прошей лазурь  
И выжги наважденье, дай покоя!  
Как сладок дождь! Его поток всё скроет...

**ВЕСНЯНКИ**

1

Весна у ворот  
Творит приворот  
На вербах, на свечках еловых,  
И ветками бьёт,  
И лечь не даёт  
Снегам в перелесках и долах.

И вещи сны  
Прозревшей сосны  
Грядут не былинами – былью.  
Как порох, пыльца  
Взрывает сердца,  
И вьётся и зельем, и пылью.

Мы кликаем жар,  
Зелёный пожар –  
Листвы неуёмное пламя  
И всполохи трав,  
Мы кликаем явь –  
О ярое солнце, будь с нами!  
Будь с нами!

2

Уйди, зима,  
Демоницею –  
Весна летит  
Жар-птицею!  
И лебедю, и ворону –  
Всем радости поровну.  
Над чашами дремучими  
Ступай, гроза гремячая!

Откроют ключи,  
Огниво-лучи,  
Почки тесные...  
Весна нынче мчит  
С песнями.  
Сбежал мороз в тень –  
Опрометью,  
Весна-волхова –  
Оборотень.



## Проза

---

---

### Андрей Растворцев

*Родился в 1958 году в с. Гонжа Амурской области. По образованию геодезист. Автор нескольких поэтических сборников и книг для детей. Рассказы и стихи опубликованы в литературно-художественных журналах: «ЛИК» и «Таван Атал» (Чебоксары), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Дальний Восток» и «Родное Приамурье» (Хабаровск), «Юность» (Москва), в местной периодической печати. Живёт в г. Чебоксары.*

### ВОЗВРАЩЕНИЕ

#### Рассказ

Свежевзрытый, разворошенный по самое основание муравейник вариантов для гадания не оставлял – мишка-медведь муравьиными яйцами угощался. Совсем-совсем недавно. Хотя осень в этом году урожайная: грибы-ягоды, травы-коренья, шишка кедровая уродились знатно, и медведь сейчас сытый, нагулянный, – ни один, даже самый зажавшийся, медведь лишать себя удовольствия полакомиться муравьиным деликатесом не станет. Десерт – он и в Африке десерт. Теперь понять бы, куда этот лакомка после десерта подался – вверх по распадку или вниз? Что с сытым медведем, что с голодным встречаться не было никакого желания. Поди угадай, что у косолапого на уме.

Думать долго не пришлось. По противоположному крутому склону распадка, смешно потряхивая грузным задом, подпрыгивая между камней, упираясь в склон сильными лапами, поднимался крупный медведь. Видимо, после десерта косолапому захотелось пить, и он спустился на дно распадка, где с гольцов бежала река с чистой ледяной водой. Утолив жажду, направлялся он теперь через гарь в сторону кедрового стланика. Значит, не по пути, и слава богу.

Сашка Сазонов, для друзей просто Сазон, закинул ружьё за плечо, отёр о штаны почему-то вспотевшие руки. Медведи только в мультфильмах добродушные зверушки – в жизни подлее зверя нет. Волк и тот честнее. От волка всегда знаешь, чего ждать, медведь же непредсказуем.

Сазона сегодня жена в тайгу выгнала – их шестилетки-двойняшки что-то не то съели, вторые сутки с горшков не слезают, вот жена за баданом Сашку и отправила. При всякой неустроенности с животом лучше настойки, чем из бадана, нет – враз всё вяжет. Вот только бадан не близко от села растёт: километров семь по дороге-щебёнке, а потом ещё и в гору километра три. Но тут уж никуда не деться – здоровье детей важнее любой усталости. Неожиданно для самого себя Сашка коротко хохотнул: если бы сейчас лоб в лоб с медведем встретился, не только бы детям бадан-то понадобился. Да и штаны чистые были б не лишними.

Ещё минут десять неспешной ходьбы – и под старыми кедрами, по обе стороны тропы, стали попадаться единичные кусты бадана, а затем и целые россыпи. Сашке пяти минут хватило набить листьями лесного лекарства небольшой рюкзачок. Затем он наполнил спелой черникой пластиковую двухлитровую бутылку с обрезанным горлом – жене подарок. Теперь можно и перекусить, а там и домой.

Сорвав пару бадановых листьев, он вытер их внутренней влажной бархатной стороной руки, достал из мешка тормозок. Малосольные огурчики с картохой «в мундире» – что ещё нужно для лёгкого перекуса? Чай из термоса на брусничном листе настраивал на философские размышления. Оглядывая кедр, Сазон прикидывал: хорошая шишка в этом году будет или так себе. По тому, что видел, выходило – шишка будет хорошая. Только, чтобы колотом её брать, ещё чуток подождать нужно – веточка, которой шишка к лапам кедровым крепится, ещё сыровата, живая, а лезть наверх, на каждую кедрину за шишками – это для пацанов...

Но долго философствовать Сашке не дали. Звонко цокая по каменной россыпи, на поляну перед кедром выскочил крепкорогий гуран, за ним шесть козочек. Но Сазон даже к ружью не потянулся. Зачем? – ружьё у него не для охоты, так, для душевного равновесия – тайга всё-таки. А в тайге чего только не бывает.

Не удивившись, не шелохнувшись, Сашка неспешно, с лёгким хлюпаньем, продолжал потягивать чай. Гуран, склонив голову набок, круглыми глазами с вертикальными зрачками смотрел на человека. Гурановский гарем выглядел из-за спины вожака. Игры в переглядки первым не выдержал гуран. Он опустил голову и стал спокойно щипать траву между камней. Тем же занялись и козочки.

Дикие козы – звери пугливые. Очень. Одно непонятное движение воздуха, не говоря уж о хрусте ветки или шуме осыпающихся камней, – и нет их. Мгновение – вот они были, и вот их нет. Сейчас же козы паслись на открытом пространстве в десяти метрах от Сазона, и ничего их не тревожило. Но, пощипывая и пережёвывая траву, каждая нет-нет да на Сашку поглядывала.

Тяжёлый гул пришёл неожиданно. Ниоткуда. Закачались деревья. Сидящего под кедром Сазона несколько раз ощутимо трянуло. Осыпь пошла волной лавины – камни, перекатываясь друг через друга, катились в распадок. Небольшой, метра четыре высотой, останец, разваливаясь в воздухе на куски, осыпался к своему подножью. Густой, всепроникающий гул, сопровождаемый потряхиванием земли, длился недолго – три, от силы четыре минуты. Всё закончилось так же неожиданно, как и началось.

Сашка отряхнулся от осыпавшейся хвои и облепивших его голову осиновых листьев. Встал. Гурана и его гарема нигде не было видно. Под ногами валялось несколько смолистых кедровых шишек.

Землетрясение.

Сазон прикинул – четыре-пять баллов будет. Года уж два как не трясло, а тут крепенько трянуло. Байкал-батюшка рядом, гневается иногда, но пока так – только пугает. Побросав в мешок сбитые землетрясением к его ногам шишки, наладился Сашка домой.

## 2

Домой всегда идти проще, даже если и с грузом. Тропа, прячась между деревьями и среди каменных осыпей, тонкой змейкой бежала по узкому хребту горы. Но даже на такой знакомой, годами хоженной, тропе землетрясение оставило свои следы в виде поваленных сухих деревьев. Часть из них перекрывала собой тропу полностью. Приходилось выписывать круги, чтобы их обойти, только эти обходы не сильно мешали Сазону. Прошло чуть больше часа, а Сашка уже спустился в распадок.

Посреди распадка бежала река. Припотевший Сазон сбросил рюкзак, опустился на колени, упёрся ладонями в осклизлые камни и припал к воде. Вода была ледяная и вкусная до умопомрачения. Зубы ломило от холода, но Сашка всё глотал и глотал живительную влагу. Усталость потихоньку покидала тело.

Ну, а от распадка до дома – пустяшное дело. По времени считай что ничего.

Вот и первые дома, те, что огородами упёрлись в лес. Всё знакомо, всё родное. Но вошедшего в село Сашку вдруг стала тревожить какая-то лёгкая неузнаваемость. Сазонову почему-то казалось, что что-то кругом не так. Во всём, что он видел, было что-то незнакомое, чужое, а когда перешёл мост у стадиона и вошёл в центр села, с ужасом понял: это не его село, точно – не его. Это не то село, из которого он рано утром ушёл в тайгу. Хотя нет, не совсем не его: что-то из того, что он видел, было знакомо, но и многого он не узнавал абсолютно. И не землетрясение тому виной – землетрясение новых домов и дорог не строит.

Сашка потерянно крутил головой. Он знал, он помнил, куда идут эти улицы, но на улицах этих никогда не было таких домов, а по дорогам не ездили такие машины, которых он даже в кино никогда не видел. Проходящий мимо народ на Сашку какого-то особого внимания не обращал. Ну, стоит мужик с ружьём за плечом посреди села – значит, с леса идёт, чему удивляться. Зато Сазонов растерянно всматривался в каждого проходящего с надеждой увидеть знакомые лица и, не найдя таковых, почти бегом кинулся по направлению к своему дому.

Дом был на месте. В старом палисаднике цветник. Новое крыльцо упирается в веранду, которой у дома никогда не было.

Перекинув руку через калитку, он нащупал щеколду, сдвинул её и по дощатому настилу пробежал к входной двери. Дверь была заперта. Сашка в нетерпении стал лупить в неё кулаком. Откинулась ситцевая занавеска, из окна на Сашку глядело испуганное женское лицо.

- Чё вылупилась? Отворяй давай!

Женщина приоткрыла форточку и прокричала в ответ:

- Я милицию вызову!

- Ага, вызывай! Тебя и посадят, чтоб в чужие дома не лазила!

- Какие чужие? Это мой дом. И прекратите дверь ломать, я ведь точно позвоню в милицию!

- Да хоть иззвонись! С каких-таких делов мой дом твоим стал?

- Мужчина, вы в своём уме? Я в этом доме двенадцать лет живу. А вам водку меньше лопать надо, может, тогда дома перестанете путать! - женщина захлопнула форточку и скрылась в глубине дома.

Сашка было заорал: «Каких на хрен двенадцать лет?» - но что-то заставило его остановиться. Помотав, словно спросонья, головой, он снял с плеч рюкзак, ружьё и присел на ступеньку крыльца.

В окне опять мелькнуло женское лицо.

- Мужчина, а как ваша фамилия?

- Что, в милицию звоните?

- Нет пока. Так как фамилия-то?

- Сазонов.

- Сазонов? Вы шутите!

- Да какие здесь на хрен шутки. Сазонов я. Александр Сазонов. И дом этот – мой. Батя его ставил.

Женское лицо в окне пропало. За Сашкиной спиной заскрежетал замок. Сашка встал. В проёме двери появилась невысокая миловидная женщина, лет сорока.

- А документы ваши можно посмотреть?

- Я что, двинутый, - документы в тайгу таскать? Кому их там предъявлять? медведю?

- А почему я вам верить должна?
- В чём верить? Что Сашка я, Сазонов? Так любой сосед подтвердит. Да и документы мои дома, в верхнем ящике серванта.
- Да нет там никакого ящика, да и самого серванта тоже нет. И соседей тех, ваших, нет. По крайней мере, в ближайших домах. А дом, так я его у вашей жены купила, через два года после того, как вы из тайги не вернулись. Если это действительно вы.
- Я - не вернулся?
- Ну, если вы Александр Сазонов, то вы.
- Охренеть! Да я только сегодня утром из этого вот дома в тайгу подался. Часов в шесть. А сейчас? - Сашка взглянул на часы. Часы стояли. - Сколько сейчас?
- Без четверти три.
- Вот – девять часов на всё про всё. И как это я не вернулся, если вот он я!
- Не знаю. Только вас здесь не было уже четырнадцать лет. Два года и жена, и власти, и друзья вас искали. А потом ваша жена продала дом и уехала из села. Куда – я не знаю.
- Как это уехала? А я?
- Женщина пожала плечами. Глядя на Сашку, постояла молча, затем отошла от дверного проёма:
- Заходите, в доме и поговорим.
- Сашка, подхватив рюкзак и ружьё, шагнул в избу.

3

Если снаружи Сазон дом свой, даже с переделками, но узнал, то внутри не узнал ничего. Дом был полностью перестроен. Стало ясно: он давно обжит другими людьми.

Новая хозяйка оглядывала Сашку, Сашка оглядывал дом. Ничего в доме не напоминало о бывших хозяевах, а когда Сазон наткнулся взглядом на большой цветной календарь, висевший в простенке, ноги перестали его держать. Он не присел, он просто рухнул на стул, уронив и рюкзак, и ружьё. Обернувшись к хозяйке, он, ничего не произнося, тупо тыкал рукой в сторону календаря, в год, указанный на нём, - неужели правда? Хозяйка, тоже молча, кивала в ответ: правда.

Тикали ходики на стене. Потерявшись между занавеской и оконным стеклом, монотонно и надоедливо жужжала муха.

- Александр, чай будете?
- А?
- Я говорю – чай будете?
- Да-да, спасибо... - Сашка оторвал взгляд от пола: «Как же это, а? Где я был столько времени? Как это всё возможно?» Потом, внимательно посмотрев на хозяйку, спросил: - Вы здешняя? Что-то мне ваше лицо вроде как знакомо.
- Прохорова я, Таня Прохорова. Мы жили...

Сашка хозяйку прервал:

- Я помню, где жили Прохоровы, – возле пекарни. И Татьяну помню, она в нашей школе учительствует. Ей лет двадцать пять. У них с Иваном Бекетовым свадьба осенью будет.

- Да, это я. Сегодня - Татьяна Сергеевна Бекетова, преподаватель младших классов. А девичьей фамилией назвалась, чтобы вам проще вспомнить было. А свадьба у нас той осенью и была. Иван тоже не раз в тайгу с мужиками ходил – вас искал.

- Это хорошо, что я вас помню. Может, и всё остальное вспомню. Ну, не может же быть так – раз, и не помнит человек ничего. Не может так быть!

- Может, Саша, может.

- Как это – может? Ну, и где, по-вашему, я был?

- Вас нет. Вас нет на этом свете.

- Как это?

- Через два года, как вы пропали, мальчишки в кедрач ходили, и у дальней осыпи старое костровище нашли, рядом мятый термос, а чуть дальше, под кедровым стлаником, кирзовый сапог, точно такой, как сейчас на вас. С останками ноги. Ваша жена опознала останки по портянке из байковой детской пелёнки.

- Да-да, ребяташки подросли, пелёнок много осталось, вот я их на портянки и приспособил. Люблю кирзу – нога дышит... Да и костровище, о котором вы говорите, помню. Но оно не моё, я сегодня костёр не разводил. Чай из термоса пил, на брусничных листьях настоящий...

Сашка замолчал, потом криво усмехнулся:

- Значит, похоронили. Ногу и термос. Спи спокойно, наш друг и отец!

- Ну, зачем вы так...

- А как, как ещё? Нашли, опознали, похоронили, дом продали и умотали куда подальше. А я? а мне что теперь делать? - ведь вот он я – живой, только без памяти! Мне куда податься? У всех всё хорошо, все при месте и деле, а я? Мне что теперь – опять пропасть? Четырнадцать лет коту под хвост! Детям моим по двадцать лет, а мне самому двадцать девять! Это как? Как с этим жить? А может, та нога не моя, а вы уж меня и отпели. И могила, значит, есть? И показать её можете? Если уж все меня помянули, я тоже желаю помянуть. Так покажете?

- Ой, не знаю. За столько-то лет кладбище так разрослось - муравейник.

- Как вы сказали? Муравейник? - у Сашки словно что-то щёлкнуло в мозгу. Он всё понял. Он ошибся. Ошибся изначально!

Разворошенный до основания муравейник. Медведь, поднимающийся из распадка в гору. Это был не тот медведь! Не тот, что разорил муравейник! Говорят же: в тайге подлее зверя, чем медведь, нет! И сыт ведь был, и не подранок, а на человека позарился. Дождался, пока Сашку чайком разморит, и заломал. А потом затащил в стланик, подождал пару дней, пока Сашка протухнет (по жару это дело быстрое), и сожрал. Тварь, и не подавился же! Сашку трясло, как днём при землетрясении. Землетрясение?!

- Таня, землетрясение было сегодня?

- Было. Посуда звенела, и люстра ходуном ходила. А что?

- И у меня там, в горах, тоже сегодня трясло. Может, тряска эта как-то с моим появлением связана? Ну, там сдвиг во времени, разлом какой... Короче, я не физик, только чувую: что-то нарушило течение времени. У меня – там, у вас – здесь. Вроде и там реальность, и тут реальность. А я сразу в обоих? Не правильно это. Если уж нет меня на этом свете, то уходить мне надо. Не должно пришедшим чёрт-те откуда ломать жизнь живущих здесь без меня.

- Что ж вы сразу – уходить-то! Кто сказал, что ваше возвращение временно? Может, это не вас, а нас по временной шкале сдвинуло. Что плохого для вас в том, что что-то во времени нарушено? Может, и нет какой-то другой реальности. И хорошо, что вас, как вы говорите, оттуда выплеснуло. Не на два же века вперёд или назад. Разлом только чуть сместил вас по времени, радоваться нужно – живы. Свет белый перед вами, близких своих найдёте. Зачем уходить? Куда уходить? И вообще, что вы знаете о том, как уходить? Зачем добивать близких – только нашёлся и снова оплакивать?

- Мне двадцать девять, жене моей двадцать шесть. Было. Теперь сорок. Да ещё если замужем? А что? – она у меня очень даже ладная. Что ей хоронить-то себя? Детям по двадцать, они у нас двойняшки. А если у них уже свои дети? Не удивлюсь – девчонка-то у меня растёт ох и шустрая. Так что я двадцатидевятилетний дедушка. Или время мне враз года приплюсует, и мне сразу – бац! – сорок три? А прожить мне их, эти четырнадцать лет, по статусу не положено. Что упало, то пропало?

- Саша, у вас очень много вопросов, на которые никто вам не ответит. Нужно просто жить. Просто начать жить.

- Кем жить? Откуда начинать? Кто во всё это поверит? Нет уж, у вас своя жизнь, а у меня своя, пусть она и закончилась четырнадцать лет назад.

Сначала едва слышимый, тихий, но постепенно всё усиливающийся гул наполнил собою дом. Зазвенела посуда, стала раскачиваться люстра.

- Видать, за мной, или как? - Сашка взглянул на Бекетову. - А вы говорите: начинай жить...

## 4

Гуран насторожился. Высоко вытянув шею, уткнув рожки в небо, он что-то пристально рассматривал за спиной у Сазона. Козочки, сбившись в стадо, сгрудились на каменном выступе скалы и обеспокоенно выглядывали из-за вожака. Какое-то движение промелькнуло, отразилось, словно в зеркале, на блестящем боку термоса.

Сашка, мгновенно перекатившись через плечо, схватил прислонённое к стволу кедра ружьё. Слава богу, он ещё у муравейника перезарядил его с дроби на жакан, самодельный и против крупного зверя безотказный. Успел взвести курок и выстрелить практически в упор в огромную, нависшую над ним тушу. Сашке даже показалось, что он слышит, как жакан ломает рёбра и сминая грудную клетку зверя. Утробный рёв коротко прокатился над тайгой. Неподъёмный вес придавил Сазона к земле. Минуту-две, а может, и больше Сашка потратил на то, чтобы выбраться из-под туши медведя. И даже не с весом зверя бороться сил не хватало – Сазон задыхался, задыхался от зловония, исходящего из пасти убитого зверя. Перепачканный кровью и слизью, стоя на коленях, Сашка широко открытым ртом глотал и глотал, словно пил, терпкий таёжный воздух. А потом в его воспалённом мозгу стала биться одна-единственная мысль: «Я вернулся!»

Что означала эта мысль и откуда он вернулся, Сашка не знал, да если честно, и знать не хотел. Он был жив и вроде даже не ранен, и мозг кричал: «Я вернулся!».



## Поэзия

---

---

### Анатолий Нестеров

*Родился в 1943 году в Воронеже. В 1969 году окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Долгое время находился на журналистской работе. Член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников. Печатался в отечественных и зарубежных изданиях. Живёт в городе Ельце Липецкой области.*

\*\*\*

Но есть надо мной ещё небо  
В эту зиму очень много,  
Много снега намело.  
С небом сходится дорога,  
Всё бело, белым-бело.

Запорошены деревья,  
Снег и снег со всех сторон.  
Я живу сейчас в деревне,  
Словно вижу белый сон.

Вдруг безмолвье нарушает:  
«Н-но! живей бери разгон!»  
Сани. Лошадь. Долетает  
Снег из пушкинских времён.

\*\*\*

Осенние ветры подули  
И юность умчали мою,  
Мечты и надежды уснули  
В далёком тщеславном краю.

Всё проще, иначе с годами,  
И трепет душевный угас,  
Легко распрощавшись с мечтами,  
О них я жалею сейчас.

И в жалости этой нелепой  
Тень юности бродит порой.  
Но есть надо мной ещё небо,  
И солнце ещё надо мной.

\*\*\*

Давай с тобой на лыжи встанем,  
Уедем в самый зимний лес,  
Как у волшебника в кармане,  
Там много всяческих чудес.

На ветках серебристый иней  
Звенит – лишь ветку колыхни,  
Пусть зимний день весёлый, синий,  
Заменит горькие нам дни.

А ты в ответ: «Живёшь мечтами!»  
Нам не спастись. Средь ночи, дня  
Несётся прошлое за нами  
Так неизбежно, как лыжня.

---

---

# Проза

---

---

## Ирина Лучина

*Родилась в 1970 году. Детство провела в Воронеже, с 1991 года живёт в Лондоне и работает в газетах. Окончила сценарные и кинематографические курсы, сняла несколько короткометражных фильмов. Автор и постановщик пьес на английском языке в театре «Етсетера» в Кэмден Тауне, пишет прозу.*

### ШОКОЛАД

Господин Мерекке поднялся с кушетки и осуждающе посмотрел на смущённую медсестру. Он держался молодцом, хотя и разменял девятый десяток, только глубокие складки у рта и блестящая лысина намекали на возраст.

– Нехорошо над пациентами издеваться, сударыня. Как же моя кровь может сгущаться? – господин Мерекке покачал головой.

Он вышел из поликлиники, вдохнул тёплый, чуть пахнувший ванилью воздух и направился в сторону своей шоколадной фабрики, самой большой в маленьком бельгийском городе, славившемся шоколадом и кружевами. Герб фирмы – два пухлых херувима, держащих рог изобилия, – мерцал сусальным золотом над воротами. Дюжина шоколадных фабрик города исправно производила лучший в мире – так считали местные жители – шоколад, кружевницы в национальных фламандских костюмах сидели у дверей магазинов и улыбались туристам, не переставая стучать коклюшками. Но ни один торговец, ни одна кружевница не смели и думать, что когда-нибудь смогут достичь высот господина Мерекке. Он владел пятью магазинами на центральной площади, поставлял шоколад по всему свету – херувимы лукаво улыбались с коробок в Нью-Йорке и Токио, Москве и Пекине. Господин Мерекке вошёл в здание фабрики. Он почувствовал себя лучше в гулком, всегда прохладном холле – старая прочная кладка не пропускала тепла. Пятьсот лет назад здесь была тюрьма, потом богадельня, а последние сто лет – шоколадная фабрика семьи Мерекке. Войдя в свой кабинет, господин Мерекке сел в кожаное кресло с высокой спинкой и облегчённо вздохнул. Недомогание отступило. Он погладил старческой, в коричневых пятнах, рукой стол, словно это была женщина.

– Папа, ты опять здесь! – в дверях стояла дочь, его заместитель в течение последних тридцати лет, наследница.

Господин Мерекке отёрнул руку от стола, словно это был горячий утюг.

– Что ты хотела?

– Иди домой и отдыхай. Я сама с оптовиками встречусь, – светлые водянисто-голубые глаза дочери потемнели от недовольства.

– Я себя чувствую лучше здесь, – господин Мерекке виновато улыбнулся дочери и подумал: «Бедная девочка, вечный заместитель, седину закрашивает блондинистой краской, а иногда всё равно видно».

Дочь в сердцах хлопнула дверь. Господин Мерекке съёжился от хлопка, словно ему дали подзатыльник. Он посмотрел на фотографию на стене, рядом с дверью. Год назад отмечали столетие фабрики, собралась почти вся семья, вечно клянчащие деньги племянники, двоюродные внуки – седьмая вода на киселе, эти всегда тут как тут. А младший сын не приехал.

Часы на башне Святой Терезы пробили час дня. Господин Мерекке с трудом поднялся из кресла – пора было идти домой обедать.

Похожий на фабричный склад, только отделанный мрамором, дом семейства Мерекке белел через дорогу. Господин Мерекке сразу заметил два облезлых велосипеда у мраморной колонны. Это означало одно – приехал младший непутёвый сын, и приехал не один. К багажнику одного из велосипедов была привязана розовая сумка. «Значит, у младшего появилась женщина. Надо же, в сорок лет за ум взялся, философию свою дурацкую бросил, – пронеслось в голове у господина Мерекке. – Хоть бы она была фламандка, а то другие языки почему-то забываются».

Действительно, он вчера забыл, как сказать «яичный порошок» по-французски. Его брюссельский поставщик пошутил, что на пенсию, мол, пора. «Ничтожество, нахал этот поставщик, и товар пару раз отпускал просроченный!» – от гнева у господина Мерекке затряслись руки. Он с трудом справился с замком и, войдя и почувствовав слабость, опустился на диван в огромном, как музейный зал, холле.

Ведущая вверх широкая лестница (жена хотела такую, чтобы спускаться к гостям в длинном открытом вечернем платье, и вот теперь жена постарела, расплылась, а лестница всё сверкает начищенными медными перилами) поплыла перед глазами господина Мерекке.

Из-за двери гостиной он услышал громкий женский голос, говоривший по-английски с сильным акцентом. Женщина о чём-то спорила с его сыном, потом засмеялась и сказала фразу на непонятном языке. «На восточноевропейском, – отметил про себя господин Мерекке, и женщина ему сразу не понравилась. – Хочет всё у младшего выманить, – раздражённо подумал он, – а младший, Антуан, такой непутёвый. И аллергией на шоколад страдает, ну не издевательство ли?»

Господин Мерекке вошёл в комнату. Сын читал в кресле, женщина – высокая, худая, рыжая – рассматривала альбом с городскими видами. «Какая некрасивая», – подумал господин Мерекке (ему нравились маленькие блондинки, чуть полноватые).

Рыжая услышала шаги и подняла глаза – продолговатые, цвета ириски.

– Хеллоу, – она улыбнулась.

Господин Мерекке сдержанно поздоровался по-фламандски. Английский он понимал неплохо, но идти на поводу у иностранки, ловко охмулившей его сына, не хотел.

– Как дела, отец? – спросил сын, не отрываясь от газеты. – Знакомься, это Лида. Скульптор, ведёт курсы лепки. Я у неё учусь.

Господин Мерекке вздохнул: паршивая овца, марксист, анархист, коммунист – кто его разберёт; в демонстрациях участвовал, в полицию попадал, один раз чуть в тюрьме не оказался – бросил кирпич в витрину, теперь вот с иностранкой связался.

– Откуда вы? – господину Мерекке пришлось перейти на английский.

– Из России, – Лида почувствовала, что старик сердиться, и добавила в своё оправдание: – Я мухинское закончила. Арт колледж, – уточнила она.

– В России раньше делали хороший шоколад, – господин Мерекке проигнорировал про «муху», – он содержал большой процент какао бобов. – Подумал, что бы ещё вежливое сказать этой русской, но в голову ничего не приходило.

– Африканские страны расплачивались сырьём за оружие, – сын сверкнул очками из-за газеты, – так что каждая долька советского шоколада содержала капельку крови. Возможно, и бельгийского тоже.

Лида смущённо улыбнулась старику, словно сама в советские годы продала пару гранатомётов ангольским коммунистам. Иногда Антуан её раздражал. Все эти экстремальные идеи хороши изредка, и по телевизору, а не каждый день в самое неподходящее время. С другой стороны, грустно возвращаться в пустую крошечную квартиру на окраине Лондона, тем более что бельгиец необычный – шоколадный наследник. «Мой Савва Морозов», – говорила про него Лида подружкам, а те смеялись и завидовали. В комнату медленно, с трудом вошла госпожа Мерекке – её отёкшие ноги выпирали из модельных лодочек, как поднявшееся тесто. Она о чём-то заговорила с мужем, поглядывая на сына. Лиду удивило обилие гласных во фламандском языке.

– Можно я посмотрю, как шоколад делают? – Лида села рядом с Антуаном и обняла его.

– Спросим, – пожал плечами Антуан, – хотя, зачем это надо.

Госпожа Мерекке отвела глаза в сторону, словно её сын и рыжая девушка делали что-то неприличное. Служанка в кружевной наколке, старая фламандка с лицом каменной бабы молча вошла в комнату и открыла дверь в столовую.

Лида, сев за стол, наблюдала за родителями Антуана. Тощий, как жердь, господин Мерекке склонился над тарелкой с картофельным супом. «На грифа похож», – заметила про себя Лида, рассматривая его костистое лицо.

– Что вы делаете для работы? – спросила на ломаном английском госпожа Мерекке, тщательно выговаривая коварные слова чужого языка. Рыжая русская вызывала у неё тревогу, и пухлые нарумяненные щёки госпожи Мерекке подрагивали, как вишнёвое желе.

– Я леплю из глины, – Лида поймала изумлённый взгляд госпожи Мерекке и добавила из озорства: – Создаю тварей земных, как Господь Бог.

Господин Мерекке оторвался от тарелки и удивлённо посмотрел на Лиду.

– Зачем? – госпожа Мерекке плохо поняла Лидин ответ, хотела переспросить, но перепутала английские слова *what* и *why*.

– Мне нравится из безымянной массы создавать что-то, имеющее форму. – Лида подумала, что родители Антуана могут принять её за сумасшедшую, и, смущённо улыбаясь, она обратилась к господину Мерекке: – Вот ваш шоколад, например, тоже не имеет формы, названия, пока вы что-то из него не сделали. Он такой же, как на соседней фабрике.

– Только у нас используется натуральная ваниль, – восторженно воскликнул господин Мерекке, – а у других – концентрат.

– В нашей семье интересуются исключительно технологиями производства, – усмехнулся Антуан.

Лида чувствовала на себе взгляд господина Мерекке, изучающий, но уже не неприязненный, как в первые минуты знакомства.

– Попроси, чтобы меня на фабрику взяли, – шепнула Лида Антуану, когда служанка внесла огромное блюдо с мидиями.

– Я покажу вам фабрику, – видимо, услышав её шёпот, сказал господин Мерекке.

– Производство – наша гордость, – Антуан допил вино и потянулся. – Пойду к себе, почи-таю. Мать, скажи, чтобы мне наверх холодного пива принесли.

– Идёмте смотреть, как шоколад делают, – сказал господин Мерекке на вполне сносном английском и встал из-за стола, не допив кофе.

Госпожа Мерекке взглянула на мужа с тревогой: дочь вот-вот должна всё унаследовать, а тут эта иностранка крутится, сына охмурила, теперь к самому подбирается. Лида и господин Мерекке вышли из дома. Вдалеке блеснул канал, по нему плыл туристический пароходик, слышны были крики, смех.

– Вы любите по каналам кататься? – Лида пыталась занять разговором молчаливого старика.

– Нет, – (господин Мерекке не любил водяных забав) и добавил: – У меня нет на это времени.

Они вошли в здание фабрики.

– Красиво, – Лида запрокинула голову, рассматривая старинную кладку. – Пятнадцатый век, наверно. Ваша фабрика старше моего города, – она улыбнулась господину Мерекке.

– А что на его месте раньше было?

– Болото, – Лиде стало неловко за юность своего города. – У нас тоже каналы везде – как в Венеции, как у вас.

Пройдя подсобные помещения, они оказались в цехе. С потолка свешивались серебристые цилиндры, от них шли трубки, по которым горячий шоколад капал в формы. Слева по конвейерной ленте текли ракушки, справа – морские коньки, а в середине – Деды Морозы в рельефно обозначенных шубах, с заплочными мешками, хотя ещё был август. «Как глиняные заготовки перед обжигом», – подумала Лида.

Она поднялась вслед за господином Мерекке по лестнице на что-то вроде прозрачных антресолей над цехом. В больших серебристых цилиндрах булькало, урчало, словно там сидело живое существо.

– А Деды Морозы и ракушки из одного состава сделаны? – Лида дотронулась до урчащего серебристого бока.

– Конечно, – господин Мерекке торжественно обвёл рукой текущие внизу ленты конвейера. – И Санты Клаусы, и ракушки, и птицы, и звери – ну, с ушами которые, – он щёлкнул пальцами, ища нужное слово.

– Зайцы? – подсказала Лида. Она вспомнила, как её бабушка забывала слова после инсульта, и ей стало жалко господина Мерекке.

– Зайцы, – обрадовался он. – Когда их завернут в фольгу или разложат в коробки, тогда они станут разными, – господин Мерекке вытер со лба пот.

– Вам работать, наверно, надо, а я мешаю, – Лида посмотрела на блестящее от пота лицо господина Мерекке.

Он пробормотал что-непонятное и стал оседать на пол. Подбежали работники, пришла дочь. Посмотрела на Лиду – как кусочком льда царапнула. Скоро господин Мерекке пришёл в себя. Дочь отвела его домой, вызвали доктора. Господину Мерекке доктор показался непростительно молодым, к тому же он был индус, а господин Мерекке доверял только уроженцам своего города. Доктор рекомендовал покой, напомнил господину Мерекке про его возраст и посоветовал оставить работу.

Во время визита доктора Лида и Антуан пили кофе в саду.

– Тебе его совсем не жалко? – Лида вспомнила, как господин Мерекке похвалил советский шоколад. – Он думает только о шоколаде, на другое у него просто не остаётся времени.

– Знаю, – хмыкнул Антуан, – на семью у папаши никогда не хватало времени. Кстати, он терпеть не может иностранцев. Удивительно, что ты ему понравилась. Придётся тебе денег у него попросить – меня-то он не особо жалует. Попробуешь?

Вечером, после прогулки по каналам на катере, они вернулись в особняк. У Лиды разболелась голова – всё-таки укачало, дома можно хоть аспирин выпить и подремать, а здесь, в гостях, – нет.

– Иди к отцу, пока он спать не лёг, – шепнул ей на ухо Антуан.

В столовой господина Мерекке не было, в его комнате тоже. Лида вышла в сад. Ветер доносил сладкий запах ванили с фабрики. В сумерках голубели мелкие цветы, казалось, что лепестки светятся. «Маттиолы, – вспомнила Лида название цветов, – около качелей росли, рядом с дачным забором». Она посмотрела налево от клумбы с маттиолами – двадцать лет назад так стояли качели на родительской даче. Удобно – качаешься и видишь, что на улице творится, кто пошёл на пруд. Лида заметила господина Мерекке, сидевшего в шезлонге. Она подошла ближе, увидела закрытые глаза старика и испугалась.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она громко, чтобы не было так страшно.

– Они говорят, – господин Мерекке открыл глаза, – что я совсем плох. А я не хочу умирать. Я же не знаю, что там со мной будет.

– Вам ещё жить да жить, – Лида старалась, чтобы голос звучал бодро. – А потом, может быть, там рай. А может, через много лет вы станете частью мира, растением, например. – Она представила, что стала цветком, и заплакала.

– После меня останется лучшая марка бельгийского шоколада, – господин Мерекке принял слёзы Лиды на свой счёт и растроганно погладил её руку. – Вы поняли, как важна форма для шоколада, да и для всего остального тоже. Я первый придумал отливать шоколад в форме ракушек. После меня останутся ракушки. Да, ракушки, – старик повторил слово shells, покатав впавшим ртом «л», как шоколадное драже с мятной начинкой. – А что останется после вас? Антуану денег надо, верно? – не дав Лиде ответить, господин Мерекке с трудом поднялся из шезлонга. Лида отступила назад, в темноту, нога заскользила по влажной глинистой почве. Сохраняя равновесие, она взмахнула руками, крутанулась и упала на взрыхлённую грядку. Пальцы вошли в вязкую тёмную землю, тёплую, как готовая к лепке глина, как остывший шоколад на дне чашки.

# Поэзия

## Светлана Макарова

*Родилась на Кубани, окончила филологический факультет Кубанского государственного университета и музыкальное училище им. Н. А. Римского-Корсакова. Председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, главный редактор газеты «Кубанский писатель», лауреат различных литературных премий. Книги издавались в Москве и Краснодаре.*

### Белые дома

Как маяки для глаза и ума,  
На горизонте белые дома.

Они стоят у самых облаков,  
Они почти жилища для богов,

Мне стать их белоснежная видна  
Из южного широкого окна.

И я частенько подхожу к окну,  
Я вдаль смотрю, я в небесах тону,

Сияет солнце – светит белизна –  
О, как чисты и высоки дома!

И пусть ухабов на пути полно,  
И льют дожди, и ветер бьёт в окно,

А в буднях суета да кутерьма,  
На горизонте – белые дома...

\*\*\*

Позволь мне сегодня быть слабой,  
Хоть пройдены сотни дорог,  
Побыть просто русскою бабой,  
Уставшей от вечных тревог.

Позволь мне поплакать немножко,  
Уткнувшись в родное плечо,  
Стучит тихий дождик в окошко,  
От печки ещё горячо.

Пусть завтра я стану иною –  
В заботах, друзьях, суете,  
Ты, посланный доброй судьбою,  
Позволь мне всплакнуть в темноте...

\*\*\*

Дождь в моё постучался окно,  
Затуманилось небо весеннее,  
Я с тихоней-дождём заодно,  
Мы в лирическом с ним настроении.

Пусть промок от дождя тротуар  
И погода сегодня ненастная,  
Я люблюсь тобой, Краснодар,  
Праздник мой, моя улица Красная!

Здесь зонтов суетливый разлив,  
Но шаги ускорять мне не хочется,  
Постою у раскидистых ив,  
Всем платанам придумаю отчества.

Одуванчика яркий берет,  
Птичьи трели на площади Пушкина,  
Мне приснится сегодня поэт  
И девчонка вон та, с конопушками.

Пусть промок от дождя тротуар,  
Пусть погода сегодня ненастная,  
Я люблюсь тобой, Краснодар,  
Праздник мой, моя улица Красная!

\*\*\*

От края отступив на шаг,  
Не плачу больше и не трушу.  
О, Господи, да будет так:  
Я восстанавливаю душу.

У памяти на поводу,  
Твой замысел я не нарушу,  
Но чтобы не гореть в аду,  
Я восстанавливаю душу.

От боли маюсь и шепчу:  
Тоску и безнадёжность рушу,  
Поднявши слово, как свечу,  
Я восстанавливаю душу.

\*\*\*

Мне снова будут сниться паруса.  
Среди бездонной тёмной круговерти,  
Как оберег от боли, бед и смерти,  
Тугих полотниц реет полоса.

А над Россией снежных вихрей плеть,  
Покрыты белым саваном дороги.  
И не пройти их, и не одолеть  
Глухой тоски и вековой тревоги.

Но заискрится звёздная роса,  
И месяц якорем зацепится за крышу,  
Мне снова будут сниться паруса,  
Я их в рассветном зареве увижу.



# Юбилейные даты

## Поздравляем с 70-летним юбилеем

### Петра Затолочного

*Пётр Затолочный родился в 1943 году в селе Комарово Кельменецкого района Черновицкой области (Украина). Окончил Черновицкий государственный медицинский институт. Служил врачом в военно-строительных частях на Севере, в Вильнюсе, Калининграде и на рыболовецких судах. Член Союза писателей России, автор 15 поэтических сборников.*

#### Вечер над Преголей

Когда озябнет сумрак над Преголей  
И догорят дотла зари поленья,  
Понятно так молчанье ив и поля,  
И чувствую я с ними единенье.

И с ветром, что любимой кудри треплет,  
И с грустью, льющейся над миром плавно,  
И с той звездой, что зажглась на небе,  
Как свечка Богу в церкви православной.

Любой здесь житель чувствуется другом,  
И сердце наполняется покоем.  
Огни в домах – и пахнет русским духом  
Над древнею славянскою рекою.

\* \* \*

Опять спустился красный шар за чёрный лес,  
Вновь день сгорел в янтарном пламени заката.  
Сырой прохладой повеяло с небес,  
И окна хат глядят подслеповато.

Пред ликом солнца сделала земля виток,  
Подёрнув инеем сердце немало,  
И на себя, как на огромный клубок,  
Частицу нити моей жизни намотала.

Ещё один мой шаг в страну небытия,  
Расходуется нить моя под солнцем.  
Отрадно всё же, что в неведении я,  
Когда она внезапно оборвётся.

\* \* \*

#### Письмо рыбака Татьяне Р.

Холмами вздымаются воды,  
Косматою гривой пыля.  
А там, за седым небосводом  
И ты, и страна, и земля.

Средь гор водяных я песчинкой,  
Продрогнув, себя сознаю.  
Но сквозь расстоянья улыбкой  
Согреешь ты душу мою.

Сплошь белые в море ошмётки,  
Как будто кто письма порвал.  
Ах, я без тебя одинокий,  
Тебе их без счёту писал.

Средь влаги седой в поднебесье,  
Взлетая и в пропасть летя,  
Я гордость смирю в своем сердце,  
Ты вспыхнешь звездой для меня.

Волью в сердце влаги волненье  
С дымами и чаек тоской,  
Чтоб вечно в нём дух был весенний  
И зов твой, всегда молодой

## Поздравляем с 60-летним юбилеем

### Александра Анатольевича Красова

*Александр Красов - творческий руководитель «Союза свободных писателей», лауреат и неоднократный дипломант литературных конкурсов в номинации «Поэзия». Публиковался в коллективных сборниках и периодических изданиях. Автор нескольких поэтических книг. Член Союза писателей России.*

\*\*\*

Васильки, как ресницы твои,  
Надо мной замирают во ржи,  
И дыхание жаркой земли,  
Опьяняя желаньем, дрожит.

Губы высохли. Хочется пить,  
И смеяться, и плакать, и петь.  
Как же мне этот день пережить?  
Как же мне до тебя долететь?

Всё забыв, закрываю глаза,  
Вида только тебя на лету  
И успев только слово сказать,  
Прикасаясь к тебе сквозь мечту.

Из-за леса крадётся гроза,  
Громыкает телегою гром.  
Я опять открываю глаза,  
Возвращаясь в тревожный наш сон.

\*\*\*

Шорох косы по шёлковому платью.  
И с каждым шагом линии смелей  
Скользят от босоножек до объятья  
В моих глазах... Почувствуй!.. Пожалей...

Идём сквозь рожь. Не видно края полю,  
И солнце – в рост. И хочется прилечь,  
Раскинув руки; насладиться вволю  
Цикадами; до вечера стеречь

Звнящий зной, колосья золотящий;  
И, задыхаясь, ждать, когда едва  
Примятая трава стопой скользящей  
Зашелестит; и вечные слова,

Безмерные, как небо голубое,  
Готовы вырваться: «Пришла. Пришла!..»  
Качнутся васильки... И мы с тобою  
Узнаем, для чего луна взошла...

Ты даже не ушла, чтобы вернуться  
В мою мечту. По-прежнему молчим.  
Идём сквозь рожь. Не хочешь оглянуться.  
И не даёшь мне шанса стать другим.

\*\*\*

Пылились листья – зной палящий  
Над истомлённою травой,  
Над полем и над леса чащей,  
И разноцветною дугой.

Одна, другая – капли гуще,  
Ударил в лицо слезой  
Тяжёлой, тёплой; пуше, пуше,  
Сверкая солнцем, – дождь «слепой».

И, кончик платья поднимая  
(Только не кончился бы дождь!),  
Ко мне под ветви, вся сияя,  
Спеша, ты спрятаться идёшь.

Сквозь зачарованное время  
Несёшь несказанное «да»,  
И плещут звонко о колени  
Метёлки проса, как вода.

## Поздравляем с 65-летием

### Михаила Ивановича Полищука

*Родился 16 мая 1948 года в Москве. Детство и юность прошли в Кустанае. Закончил Ленинградский гидрометеорологический институт. Инженер-океанолог, кандидат географических наук, член Союза писателей России, член Международной Гильдии писателей. Автор шести книг рассказов и повестей. Лауреат конкурса «Русский Stil-2011» и «Русский Stil-2012».*

### Михаил Полищук. Люблю.

#### Рассказ

- Нет, нет и нет! Покупать «Наполеон» в «Кишке» категорически нельзя! Даже не спрашивайте меня, почему. Только в «Центральном». Мясную группу, особенно полуфабрикаты, берите, а колбаску я сам на обеде прихвачу с рынка, и зелень тоже. Не проблема, – выдавал ЦУ Костя, прижав трубку ухом к левому плечу. При этом одной рукой он перелистывал «Каталог поисковых экспедиций управления 1958–1985 гг.», а другой шелестел по клавишам доски, не останавливаясь ни на минуту.

Костя Шуляк – наш администратор базы океанологических данных. Костя – эксперт, и не только по делам океанологическим, но, главное, и по всем остальным. Много в институте океанологов, все личности (или почти все), но хочется рассказать именно о Косте, точнее, о Костике (никто его иначе и не называет). Примечательный экземпляр наш Костик! Даже если бы он, мальчик из белорусской глубинки, не стал океанологом, всё равно – примечательный. Родители наградили его удивительным цветом волос: Костик рыжий, но не рыжий-пыжий-конопатый, который был злой и, по слухам, убил дедушку лопатой, а благородно гнедой, то есть тёмно-рыжий. А ещё Костик ужасно большой, то есть высокий. Представьте себе, к призывному возрасту он вымахал до невозможности, и его благородные рыжины развивались над толпой где-то там наверху. К моменту нашего знакомства, а познакомились мы, когда ему ещё не исполнилось 25, рост Кости составлял ровно два метра. Но и рост – не главное. Главная его особенность – это то, что он всех любил, и настроение у него всегда было хорошее.

- Я люблю всех, кто ростом ниже меня, – сообщал этим самым «всем, кто ниже его», Костя.

Его любовь проявлялась в том, что он вечно всем помогал – и делом, и дельным советом.

- Костя, а тех, кто выше тебя, ты уже не любишь?

- А тех, кто выше меня, в смысле длиннее, я ещё больше люблю, – после короткой паузы отвечал Костик, – их-то гораздо меньше...

У этого парня было ещё много других разных особенностей, которые очень быстро сделали его просто незаменимым – нужным везде и всегда. Например, Костя очень любил посещать магазины и всё мотал на ус – «коробшил информацию». На любой вопрос типа «что где купить», он тут же выдавал рецепт с подробным обоснованием. А ещё Костик одним из первых зацепился за компьютер. Зацепился, провалился, погрузился в виртуальный мир и вынырнул оттуда как всегда любящим всех и вся плюс ещё компьютер. В начале девяностых Костя уже был экспертом по прикладным программам, используемым в практической океанологии. И опять с удовольствием по первой просьбе обучал, пояснял, подсказывал. Может быть, Костя Шуляк стал бы хорошим экспедиционником, походи он в море, как все мы, из рейса в рейс. Но было два обстоятельства в его жизни, которые не дали осуществить эту его мечту о море. Первое на поверхности. Костя любил. Я уже говорил, что он любил всех, но больше и сильнее всех Костя любил единственную – первую и последнюю в его жизни женщину, свою жену Любу.

- Однолюб я, ребята – люблю одну Любу...

«Ну и что же? – спросите вы. – Остальные, что ли, не любят своих жён?». Любят. Но Костик, с его безграничной любовью к человечеству, и жену любил как-то немислимо, не так, как другие: без страстей, без диких выбросов адреналина, – любил изнутри. Души их слились и не могли уже существовать по отдельности. У друзей и близких не возникало даже мысли, что Костик и Люба могут расстаться, изменить друг другу хотя бы помыслом или даже просто поспорить. Вы скажете: «Так не бывает». Бывает. Но крайне редко. Мне другой такой случай, к сожалению, неизвестен. Сходил Костик в рейс только один раз и понял, что зря государство на него деньги потратило, обучая на океанолога... Вот и стал он администратором баз данных. О втором Костином обстоятельстве мало кто знал – пожалуй, только непосредственные участники событий да очень близкие друзья. Тот самый, единственный, незабываемый рейс, в котором в должности инженера-гидролога участвовал Костик, выполнялся в два этапа. Работали сначала в море Ирмингера на окуне, потом пошли в Мурманск (вынужденное докование со сменой уплотнения дейдвуда – масло «уходить» стало), потом вышли дорабатывать в Баренцево море. «Растаял в далёком тумане Рыбачий – родимая наша земля». Вот как только растаял, так и началось. Шторм был не шуточный. В этих широтах зимой и так мёдом не намазано, а в тот раз досталось бедному СТМу с потрясающим названием «Атлантида», по-чёрному досталось. И кому только пришло в голову назвать пароход в честь исчезнувшего, погрузившегося в пучину океана острова? Скорее всего, и не задумывался об этом неизвестный автор. Звучит-то красиво... Дело было в 87-м, в конце февраля. Приближалась годовщина (двадцатилетие) страшной трагедии РТ «Тукан» – тогда, как известно, в Северном море погибли 57 моряков. Настроение – мрачное. Море – чёрное. Небо – чёрное. Единственные светлые пятна – клочья пены, которыми ветер обильно оплёвывал судно, срывая их со свинцовых валов. Откажи двигатель – поставит лагом к волне, и кранты... Капитаном в том рейсе был настоящий Моряк, с большой буквы «М» – Ваня Пивоваров. Он и человеком был хорошим, но уж очень склонным к меланхолии. Его с начала шторма мучили мрачные предчувствия, которые, как вирусное заболевание, заразили весь экипаж. Так что когда вахтенный матрос, обходя пароход, обнаружил воду в рыбцехе, Иван Иванович не удивился даже и сказал старпому:

- Так, Витя, приняли решение... Давай будем умнее тукановцев – откроем все плоты на палубе и загрузимся. Может статься, выживем... Хотя, конечно, вряд ли.

Паники не было. Пока старпом с боцманом колдовали с плотиками, капитан с механиками кинулись в цех, пытались разобраться, откуда вода поступает. Оказалось, румпельное отделение затоплено полностью. Запустили аварийные насосы на полную, погружные вывели кое-как через капитанский шпигат. Сначала уровень уменьшился маленько, но через некоторое время (при работающих насосах) вода вновь пошла в рыбцех... Клинетные двери (водонепроницаемые) между машинным отделением и румпельным были задраены – в машине сухо, но если зальёт рыбцех, то при таком шторме «оверкиля» не избежать. По предположению деда, вода поступала через уплотнение, и поскольку количество поступающей воды увеличивалось, значит, увеличивался и зазор...

- Винт можем потерять, тогда в такую погоду конец, – продышал Ивану Ивановичу в ухо стармех.

- Что делать?

- Нырять надо и ставить шпильки на место...

- Сам буду пробовать, – принял решение капитан.

Речь шла о жизни и смерти.

Ныряли в ледяную воду по очереди капитан и второй механик, вручную пытались подогнать под водой отверстия – тщетно. Здоровые ребята, но им не хватало роста. Выяснили что нужно, оставаясь под водой, опереться плечами в переборку и повернуть вал до совпадения отверстий на фланцах, а это мог сделать только Костя... Иван Иванович и Валера ныряли в гидрокостюмах, а под Костин рост гидрокостюма конечно не нашлось. Так, в шерстяном свитере да проолифенке, и погружался. Вы представляете себе, что это такое – прикосновение к телу ледяной баренцевоморской воды? Но получилось! Не сразу, но получилось! Косте удалось соединить фланцы... Удалось! Дальше ныряли по очереди спецы. Капитана сменил моторист Ваня Жук – парень с золотыми руками. Пили спирт – иначе было не выжить... Вот так Костин рост спас жизни экипажа. Капитану Пивоварову слава, слава и всем, кто не обделался, а нырнул в жуткую ледяную чернь, а Костика нашему – вдвойне слава! В Мурманске на заводе только языками поцокали:

- Не может быть, чтобы в затопленном румпельном удалось так зажать...

- Надо же, и винт не потеряли.

Лишили премии бригаду, в которой какой-то разгильдяй не затянул крепёжные болты. А более никаких последствий для ремонтников это происшествие не имело. Вскоре СТМ «Атлантида», к счастью не разделивший судьбу одноимённого острова, вышел в рейс и без особых проблем доработал. Ни орденов, ни медалей, ни даже благодарностей никто из экипажа не получил... Без последствий – короче. Но... последствия всё-таки были. Костик полюбил всех ещё больше. Ещё больше, если это вообще возможно, но в море больше не ходил. Ну и стал он покашливать, не так чтобы очень, но покашливал.

- Дыхалка съехала, – смущённо пояснял Шуляк невольным свидетелям, продуваясь носом, как заправский подводник.

«Это, наверное, от переохлаждения», – решили друзья. Потом был второй звоночек. Костя мотанул в отпуск к себе в Белоруссию, «к мамоньке», и его сняли с поезда с желудочным кровотечением. «Это, наверное, он спиртом желудок пожёт тогда на «Атлантиде», – предположили посвящённые. Оказалось – гораздо хуже... Костя похудел невероятно. Он не обозлился на нас, здоровых, не обиделся и на Бога. Когда он перестал ходить на работу, в лаборатории стало невероятно тоскливо и противно... Все уже знали: у Костики четвёртая стадия – поражены все внутренние органы. И он сам знал. Не то чтобы смирился, нет, но принял свою долю, свою судьбу – успокоился. Теперь в его доме, расположенном недалеко от православной церкви, частым гостем стал отец Меркурий. Раньше-то, до болезни, Костя, как и все мы, не шибко верующим был, но церкви он иногда помогал в наладке компьютеров (и священнослужители без интернета теперь не обходятся). Костя, с трудом выглядывая из своих глубоко запавших глазниц, не просто слушал, а впитывал всё, что произносил священник. Тело его совсем высохло, но мозг работал, как и раньше, чётко и ответственно.

Прошёл ещё месяц. В мае в институт пришла Люба. Мы встретили её молчанием.

- Нет, – ответила Люба на наш немой вопрос, – Костя жив, но очень плох... И Люба, которая сама очень сильно похудела, вручила мне подарок на день рождения. Это был кожаный брелок для ключей, который Костя купил для меня заранее, впрок, когда ещё сам ходил по магазинам.

- Я побегу. Не пришла бы, но он так на меня посмотрел...

В этом весь Костик. Если не случится чудо, если он не выживет, Костик и там будет любить нас, он и оттуда умудрится дарить нам подарки на дни рождения и устраивать лабораторные торжества на государственные праздники. Прошло лето, и осень была в разгаре, приближались Октябрьские. Мы знали, что Костя жив. Это было тревожно и непонятно. Он уже не разговаривал. В чём там теплилась его душа? Не взвесить, сколько страданий выпало ему долю... Мы почти сдались: «Сколько можно мучиться так...», «Уж лучше бы побыстрее...» Когда снова к нам в лабораторию пришла Люба, она была другая. Конечно не такая свежая, красивая девушка, как раньше, до Костиной болезни, но и не сама боль, как при нашей предыдущей встрече: скулы очерчены резко, под глазами все ещё темновато, но уже нет обречённости, безысходности, в глазах – свет жизни...

- Что?

- Костя вас поздравляет! Он заговорил, уже месяц как. Просил сказать, чтобы вы продукты в «Кишке» не брали... и что он с вами тут...

– Люба заплакала... и мы с ней. Слава Богу! Чудо-таки случилось!

Только к следующему Первомаю Костя, непривычно худощавый, почти седой, но совсем новенький, появился в институте.

- Палочка мне и не мешает почти, – вместо приветствия заявил он, привычно прищмыгивая и продуваясь носом. – Давайте отметим это дело – гмм... моё возвращение.

А ведь бывает оно одно на всех – наше большое, наше маленькое, наше общее счастье...

## Переводы

### Иса Капаев

*Родился в ауле Эркин-Юрт Ставропольского края в 1949 году. Автор 30 книг на ногайском и русском языках, в разные годы вышедших в издательствах «Современник», «Советский писатель», «Молодая гвардия», «Советская Россия». Книги и отдельные произведения изданы в Казахстане, Турции, Болгарии, Украине, Польше. В 1978 году стал одним из победителей Всесоюзного литературного конкурса имени Н. Островского, в 1998 году ему была присуждена Международная премия имени У. Алиева, а в 2008 году – премия Президента Карачаево-Черкесской Республики. Народный писатель Карачаево-Черкесской Республики, Заслуженный деятель культуры РФ и деятель культуры Республики Казахстан. Его имя вписано в энциклопедию «Лучшие люди России» за 2006 год.*

\*\*\*

Не света ли конец настал?  
Земля летит, спешит, чудачит,  
И времени суровый шквал  
Куда её, как мячик, катит?

И кругом голова идёт,  
Бреду один, а ветер свищет!  
И, сбитый шквалом, мой народ  
Никак дорогу не отыщет.

\*\*\*

И снова яблони в цвету,  
Белым-бело под облаками.  
Смотрю на эту красоту,  
И чувств не выразить словами.

Сорвётся с ветки зрелый плод  
Под тихий шёпот листопада  
И на ладонь мне упадёт.  
Дай сил, Господь, дойти до сада!

\*\*\*

Что случилось? – я пойму едва ли.  
Взгляд отводишь, ты уже не та.  
Почему в саду, где мы гуляли,  
Для меня калитка заперта?

\*\*\*

О бедный мой аул родной!  
Осталась в памяти картинка,  
Как возле лужицы, босой,  
Сидел голодный сиротинка.  
Я шёл по улице пустой,  
Звезда блеснула, синь сгустилась,  
И в лужице луна светилась,  
Как дыни ломтик золотой.  
Повис на сердце тяжкий груз:  
Услышал я – заткнуть бы уши! –  
Как горько плакал карапуз,  
Ломоть не выловив из лужи.

\*\*\*

Нарушая тишину квартала,  
Прочирикав дружно меж домов,  
На балкон мой нынче прилетала  
Стайка озорливых воробьёв.  
Радовались, что ли, иль ругались,  
Только гвалт задористый кольнул:  
Не они ли в лужице плескались,  
Шум подняв тогда на весь аул?  
Окружённый серыми домами,  
Заскучав в столице суетной,  
Я подумал: это с воробьями  
Передал привет аул родной.  
Отгоняя крылышками стужу,  
Упорхнули, славные, домой,  
Худо-бедно, но согрели душу,  
Ставшую немного городской.

\*\*\*

Не где-то на людном бульваре,  
Я слушаю здесь, на базаре,  
Ногайскую бойкую речь.  
О как она может зажечь!

Я плечи свои расправляю  
И только сейчас понимаю,  
Как в доме пустынном страшна  
Без речи родной тишина.

\*\*\*

Что случилось? – ни мор, ни разруха,  
Только пусто в ауле моём.  
Жили-были старик и старуха,  
Нет их нынче, остался лишь дом.

Снова радуюсь редкому гостю,  
Эстафетой ушедших сердец  
Выйдет из дому с дедовой тростью  
Ставший взрослым вчерашний малец.

\*\*\*

И снова день уходит прочь,  
Опять закат печаль наводит,  
И, крадучись, бродяга ночь  
Незваной гостьей в дом приходит.  
Земная скорбная юдоль,  
К слезам твоим приговорённый,  
Лишь на заре забуду боль,  
Как будто заново рождённый.  
Худое сердце подлечу,  
Воспоминанья – как заплатки.  
Лицо под краном намочу –  
Я свеж и бодр, и всё в порядке.  
Но снова день уходит прочь,  
Опять закат печаль наводит,  
И, крадучись, бродяга ночь  
Незваной гостьей в дом приходит.

*Перевод с ногайского языка  
Светланы Супруновой*



## Молодые авторы

### Александр Беккер

*Родился в 1990 году в городе Прокопьевск, с 1994 года проживает в Калининграде. В 2011 - окончил лингвистический факультет БФУ им. И. Канта по специальности: преподаватель немецкого языка. Пишет прозу, поэзию. Работает переводчиком.*

### Королевские ворота

*(Отрывок из романа)*

#### Лето

#### 1

Передо мной открытая сумка. В ней несколько футболок, рубашка, полупустая бутылка Jack Daniels и пара новых носков. В боковом карманчике зубная щетка. Рядом на кровати лежит ноутбук с логотипом в виде надкусанного яблока, а под окном припаркован черный Volkswagen Tuareg. Это всё, что у меня есть. Мне двадцать три. И я один.

- Готово, Саш!

Это кричит из кухни Полина. Милая девушка, у которой я живу последние три месяца. Она учится на четвертом курсе на юриста. Или на третьем? На экономиста? Впрочем, неважно. Сейчас утро. На улице ярко светит солнце. Лето.

Родители Полины живут где-то в области, а эта симпатичная однокомнатная квартира – подарок на поступление в университет. Каждый раз, когда они собираются заехать в гости, я кидаю все свои вещи в сумку и уезжаю. Нет, Полина, конечно же, говорила родителям, что у нее есть парень, но вряд ли они придут в восторг, узнав, что этот парень здесь живет.

Я застегиваю сумку и иду на кухню. На столе стоят две чашки кофе, сковородка с фирменным Полининым омлетом и тарелочка с нарезанными овощами. Шикарно.

- Собрал? – спрашивает она, разрезая омлет на две части. – Папа перезвонил, сказал, примерно через час будет.

- Ты же знаешь, я профессионал.

- Да? А кто в прошлый раз бритву забыл? Я еле отмазалась, – говорит она и перекладывает большую часть омлета мне на тарелку.

Мы познакомились три месяца назад на вечеринке у Макса, моего старого приятеля еще с университетских времен. Меня сразу зацепили ее добрые глаза. Впрочем, не только они: на ней было облегающее синее платье, выгодно подчеркивающее достоинства фигуры. Весь вечер мы провели вместе, я подливал ей вина, она рассказывала что-то о новом фильме, потом мы танцевали.

Она вызвала такси рано, около часа, я – на пятнадцать минут позже. Макс долго мотал головой – ничего не выйдет. Он сказал, она ждет принца, а еще, что она живет одна, и дал мне адрес. Она приехала домой в половине второго, я – на пятнадцать минут позже. Признаться, я не был уверен, что она меня пустит, но попробовать стоило...

Около десяти я выхожу из квартиры. Ночью по Калининграду прошелся сильный ливень и, несмотря на яркое утреннее солнце, асфальт всё еще мокрый, а на тонированных стеклах моего Tuareg'a красиво блестят капли росы. Я нажимаю на ключ и сажусь в машину. На пассажирском сиденье – папка с готовыми переводами, их обязательно нужно сдать сегодня, сзади – несколько книг разной степени прочитанности и последний номер Playboy. Все как обычно.

Эта машина – единственное место, в котором я чувствую себя как дома. Знаю, многие относятся к своему авто по-особенному, но в моем случае это приобретает совершенно иной мас-

штаб. Ведь иногда другой крыши над головой у меня просто нет. Я достаю флешку и вставляю ее в магнитола, начинает играть «Ulysses» Franz Ferdinand.

### Прошлое...

Если бы кто-нибудь рассказал пару лет назад про мой сегодняшний образ жизни, я бы улынулся и просто послал того парня. То есть я бы вряд ли ему поверил, ведь тогда всё было по-другому.

Благополучная состоятельная семья, огромный особняк, несколько машин. Мы с братом никогда ни в чем не нуждались, родители вкладывались в наше воспитание, образование и счастливое будущее. Отец прививал любовь к спорту, мама – к книгам и музыке. Или, во всяком случае, так было со мной, брата я почти не помню. Виной тому – десятилетняя разница в возрасте и полное отсутствие какого-либо общения: он съехал, когда мне было девять лет, после чего почти никогда не появлялся. Родители говорили: он уехал учиться в Питер.

Мои последние воспоминания о брате – яркая оранжевая куртка, странное поведение по утрам и разбросанные по комнате кассеты с надписью «The Prodigy».

После того как ушел Артем, я стал получать двойную порцию родительского внимания: с десяти лет меня окружили многочисленные репетиторы, а летние каникулы я постоянно проводил на языковых курсах в Англии и Германии. Задумка отца оправдалась – уже в старших классах я свободно владел двумя иностранными языками и регулярно выигрывал все возможные олимпиады.

После окончания школы родители настаивали, чтобы я ехал учиться в Берлин (или, на худой конец, в любой другой город Германии), но я остался в Калининграде. Не знаю почему. Скорее всего, мне было просто лень. Я считал, что и так уже достаточно знаю и умею. «Уж точно больше всех остальных, – думал я, – пора начинать отдыхать».

Как победителя областной олимпиады по английскому, меня без экзаменов приняли на лингвистический факультет Балтийского Федерального Университета имени И. Канта. Сказать, что учеба давалась легко, значит не сказать ничего. Я просто отдыхал из семестра в семестр, слегка напрягаясь во время сессии. На восемнадцатилетие мне подарили новенький черный Tuareg с литыми дисками, и я априори стал самым крутым парнем в университете. У меня были друзья, деньги и девушки – три «Д», сопутствующие успеху. Но самое главное, у меня была уверенность. Или, если быть совсем точным, отсутствовала неуверенность.

Родители, особенно отец, постоянно капали мне на мозги, напоминая о том, что простого знания иностранных языков недостаточно для высокооплачиваемой работы и, соответственно, для счастливого будущего. Бубня что-то о том, что счастье не в деньгах, я шел их тратить, заливаясь каждую пятницу и субботу дорогим виски в лучших клубах города.

### Настоящее...

К одиннадцати часам я подъезжаю к объекту, здороваюсь со сторожем (дряхлым старичком лет семидесяти) и захожу за ограду. Последние три недели эта стройка – мое основное место работы. Задача состоит в том, чтобы болтаться по объекту с руководителем-немцем и переводить все то, что он хочет донести до русских рабочих. Другими словами, моими устами Хайнц управляет всем строительным процессом – от заливки фундамента до штукатурки стен и размеров дверных проемов.

Я пробираюсь до нашего вагончика по узким дощечкам, проложенным по всему объекту, и стараюсь не испачкать новые конверсы. Из-за ночного дождя земля превратилась в месиво: доски то и дело проваливаются в грязь, так что удержать кеды в чистоте не удастся. Надо было все-таки достать из багажника ботинки (которые я, кстати, купил специально для этой работы, но еще ни разу не надевал). Ну да ладно. Я захожу внутрь контейнера. Шесть квадратных метров, два стола, стул, небольшой холодильник и чайник, на стене множество чертежей и схем – это вся обстановка. Хайнц сидит за ноутбуком и смотрит фотографии своей семьи. Заметив меня, он отрывается от монитора и приветливо произносит:

- Hallo, Alex! Du bist der Einzige hier, der kommt immer pünktlich!
- Morgen. Wahrscheinlich habe ich deutsche Wurzeln?

- Schon möglich! – добродушно отзывается он и подходит к чайнику, чтобы налить чашку кофе.

Хайнцу сорок пять, но выглядит он старше. Довольно высокий, загорелое лицо все изъедено морщинами, во рту кривые, желтые из-за постоянного курения зубы. В общем, он совсем не похож на человека, который зарубает по четыре тысячи Евро в месяц. Кстати, несмотря на свою внешность, он является довольно приятным и приветливым человеком. Кроме того, он просто нереальный профессионал в своей области, а работать с профи всегда интересно.

- Ну как, идем с обходом? – обращаюсь я к Хайнцу и тоже наливаю себе кофе.

- Рабочие еще не все пришли, - он качает головой, - можем не торопиться.

- О'кей.

Я делаю первый глоток кофе и достаю мобильник: пока можно зайти в интернет. Оплата у меня почасовая, независимо от того, сколько времени я занимаюсь непосредственно переводом. Так что, даже если я ближайший час буду просто болтать с Хайнцем и смотреть фотографии его детей, я все равно получу за эти шестьдесят минут свои несколько сотен.

Мы сидим так еще минут сорок, когда к нам в контейнер заходит прораб Игорь – низенький сорокалетний мужик, с животом и вечно небритый.

- Ребята готовы, ждут тебя, Хайнц, - произносит он, и я тут же перевожу.

Сам объект представляет собой небольшое трехэтажное здание, которое в будущем должно превратиться в пятизвездочную, элитную гостиницу. Раньше это был частный дом, принадлежавший какому-то местному олигарху-light. И наша задача состоит в том, чтобы переделать шикарную виллу в такой же шикарный гостевой дом.

Мы идем по этажам, Хайнц раздает отметки на стенах и говорит ребятам, что и как делать. На всем объекте обычно задействовано не больше шести-семи человек, Хайнц постоянно жалуется на нехватку рабочих рук. Русский субподрядчик в свою очередь хочет урвать от немцев, которые и затеяли весь этот проект, как можно больше денег. Поэтому здесь работает совсем мало ребят, да и они – непрофессиональные двадцатилетние парни, готовые вкалывать за шестьсот рублей в день. Мне же в свою очередь, как человеку, через которого проходит вся коммуникация русской и немецкой сторон, приходится сглаживать острые углы. Вот и сейчас Хайнц опять задает один и тот же вопрос:

- Игорь! Почему все еще не готова эта стена? Опять завтра?! – кричит он, произнося при этом слово «завтра» по-русски (wieder завtra).

В целом Хайнц довольно спокойный человек, он редко выходит из себя. Но в последнее время это случается все чаще. В ответ на его вопрос Игорь молчит. За те три недели, что я здесь работаю, «завтра» - самое часто произносимое слово из его уст. Хотя, насколько я понимаю, он тоже заложник ситуации, ему просто выделяются недостаточные средства на работу.

В следующую секунду Хайнц достает сантиметр и измеряет ширину дверного проема.

- На два сантиметра больше, – почти равнодушно произносит он.

- Скажи мне, Алекс, - обращается ко мне Хайнц, когда мы возвращаемся в вагончик, - почему, когда я говорю, что ширина, длина или толщина должна быть метр, в итоге всегда получается либо девяносто восемь сантиметров, либо сто два? А потом, когда я возмущаюсь, ребята смотрят на меня с искренним недоумением!

- Особенности русского менталитета, - отзываюсь я, - один-два сантиметра в России роли никогда не играли.

- Но мы строим немецкую гостиницу! По немецким стандартам! А у нас играют роль даже два миллиметра!

- Ну... Зато у нас в стране сигареты и бензин намного дешевле, – пытаюсь отшутиться я.

- Что правда, то правда, - грустно улыбается он и достает из кармана очередную сигарету, кажется, восьмую за последний час.

- 
1. Привет, Алекс! Ты здесь единственный, кто приходит все время вовремя!
  2. Доброе утро. Может, у меня немецкие корни?
  3. Вполне возможно!

---

---

# Искусство и культура

---

---

## Лидия Довыденко

*Л.Довыденко - писатель, поэт, публицист, краевед, переводчик, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук Калининградского института экономики, автор 16 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов. Лауреат Международного литературного конкурса «Славянские традиции-2012» и Международного литературного фестиваля «Русский стиль-2012».*

### Кому передать икону? О творчестве Бориса Булгакова

Общение с Борисом Павловичем, знакомство с его творчеством равны тёплому летнему ливню, когда запылённые дома, улицы, деревья и люди приобретают первозданную новизну, свежесть и силы для дальнейшего бытия. Его творчество – вопрошание и напоминание человеку о выборе: Преображение или Апокалипсис? Отказываясь от корней, от традиций своих предков, своего народа, не похож ли ты на реку, которая лишается своего истока?

... В 70-е годы молодой художник Борис Булгаков отправляется на пленер в поисках тем для своих работ в глубинку России и попадает в вымирающую деревеньку, где находит лишь двух женщин, объединившихся для выживания в когда-то большой деревне, расположенной за десятки километров от ближайших сёл. Старушки были рады заглянувшему к ним путнику, его гостинцам, напоили чаем, предоставили кров. Телефона у них не было, и Борис Булгаков стал этим женщинам вестником большого мира.

Впечатление молодого художника от этой встречи было столь сильным, что спустя год он вновь навестил этот уголок России. Перед его глазами предстала такая картина: одинокая худенькая пожилая женщина сидела одна в своём доме, озарённая светом, держа в руках икону, безмолвно беседуя со Всевышним. Она рассказала Борису Павловичу, как её подруга умерла, как не без труда копала своими слабыми силами могилу, сама схоронила, проводив в последний путь так, как диктовала ей православная вера.

На основе своих впечатлений и размышлений в 1999 году Борис Булгаков закончил картину «Диалог». Это разговор человека с Богом. О чём молчаливо рассказывает, о чём просит женщина, которой была дарована долгая-долгая и теперь завершающаяся жизнь? О милости, о прощении? О даровании людям, остающимся на земле, любви, понимания и доброты? О том, чтобы икона, которую она держит в руках, попала в руки верующего человека? Кому передать икону? Что такое её Родина без Православия?

Героиня картины сидит на кровати, накрытой лоскутным одеялом, сделанным собственными руками для украшения её нехитрого быта. Никого вокруг за десятки километров, и только важнейшее для неё – присутствие Всемогущего, любящего Его рядом, в сердце, в душе, каждое мгновение.

Вспоминаются светские, но важные с точки зрения нравственности слова А. Поперечного о зелёной калитке, за которой сад, где «на каждой ветке по снегирю». Эта калитка, увы, теперь «забита крест-накрест», но жива по-прежнему любовь к родителям, к своей семье, к своему дому, месту весёлых игр, к тому, что даёт ощущение будящей душу красоты мира и счастья, любовь к своей малой Родине.

И спасибо художнику Борису Булгакову за напоминание в его картинах о вечном и святом, что озаряет бытие, о «живом знании», одухотворённом переживаниями, передающемся из поколения в поколение, о трагедии духовной традиции, если она прерывается.

Тема «обречённости» людей идти «всё мимо, мимо» главного в жизни глубоко волнует Бориса Павловича. В нашей беседе он обращается к рассказу Герберта Уэллса «Зелёная дверь. Дверь в стене», где герой этого произведения случайно обнаруживает дверь, открыв которую, он оказывается в чудесном мире, где «в самом воздухе было что-то пьянящее, что давало ощущение лёгкости, довольства и счастья. Всё кругом блистало чистыми, чудесными, нежно светящимися красками. Очутившись в саду, испытываешь острую радость, какая бывает у человека только в редкие минуты, когда он молод, весел и счастлив в этом мире. Там всё было прекрасно...» Эти чувства рождает вера, но со временем человек начинает обделять себя посещением сада, он занят своими повседневными мелкими делами, пробегая мимо заветной двери и обещая себе, что пойдёт обязательно, но так больше и не откроет её, всё время свою подлинную жизнь откладывая на потом.

Борис Павлович замечает женщину, поливающую случайно взошедшие подсолнухи, радующие глаз солнечным цветением. Он изображает на холсте простой дом, в котором человек молится, но ещё не видит, что Святой уже стоит у его окна.

Художник пишет картину, где почти истаявшее тело Христа лежит на земле, в пыли, и она старается занести, покрыть собой всё вокруг. А мы, люди, проходим мимо и, может быть, даже невольно наступаем на Него, Вседержителя.

На картине «Синий платочек» человек с балалайкой в руках, сидя на коленях, поёт, прося милостыню. На землю он постелил синий платочек, на который падают монеты. «Синий цвет – это цвет Богородицы», – говорит Борис Павлович. К тому же песня «Синий платочек» в исполнении Клавдии Шульженко – это ведь тоже священный символ, укрепляющий морально, это духовный вклад в Великую победу 1945 года.

У поющего на коленях человека перекосило рот. Что за песня – на коленях? Не перекосилось ли что-то в его душе и уме? От чего? От ужаса мира, от бессилия перед нищетой? Денежный дождь, сыплющийся на синий платочек, спасёт ли его от униженности? Исправят ли деньги в его душе окаянность? Поднимет ли его с земли синий покров Богородицы?

Художник Булгаков – автор серии работ «Уголки Православия». Это города России, где сохранились храмы, пережившие войну или возродившиеся. Картины написаны яркими, жизнерадостными красками. В них торжество духа и продолжающейся жизни.

А вот работа «Вербное воскресенье». Женщина сидит у окна, придвинувшись к столу, на котором в чистой прозрачной воде в стеклянной банке стоят веточки пушистой вербы. На стене в простой рамке фотографии близких и дорогих ей людей, возможно, уже покинувших земной мир. Всё в этом деревенском доме просто, непринуждённо, так же просто одета женщина, с покрытой платком головой. Но в душе у неё, простившей и попросившей прощения, светлое сияние, разливающееся по всей комнате от серебристых вербных веточек. Возможно, это сияние – единственно светлое, что есть в жизни героини картины. Жизнь нелегка, но «свет свыше и во тьме светит».

Картина «Ровесники». Стоят два пожилых человека: монах и светский мужчина. Да, они ровесники, но на лице светского человека мы видим дряхлость не только тела, мы видим оскудение ума. Он судорожно пытается уцепиться за монаха, чтобы удержаться на слабых ногах. Нетрудно догадаться, какой образ жизни вёл он, далёкий от праведности. И

в лице монаха, во всем его облике читаем сострадание к человеческой слабости, мужество и силу во взгляде, духовную внутреннюю крепость и бодрость.

Потрясает триптих «Апокалипсис». Столб белого света соединяет небо и землю. Он освещает лишь небольшую группу людей. Но множество «человеков» не видят сияющего света, а только серое, затянутое темными облаками небо. Свинцово-серые тучи похожи на клубы ядовитого дыма, идущего от едва тлеющего костра серых, убогих жизней, лишённых одухотворённости.

Сильна мысль художника и православного деятеля, построившего вместе со своими единомышленниками храм Святых Бориса и Глеба в посёлке Новосёлово. Мы рассматриваем с Борисом Павловичем фотографии, где запечатлены этапы возведения храма, его покраска руками прихожан, установка купола, работа над убранством храма. «Идёт прихожанка, – рассказывает Борис Павлович, – и кланяется мне. Я спрашиваю, за что кланяется. Она отвечает, что за храм и за свои ощущения. А какие они? Утром, когда всходило солнце, отразил золотой купол его лучи и брызнул ими в лицо. И вспомнила, что в родной Вятке ловила такие же отражённые солнечные лучи, и впервые за много лет жизни в Калининградской области почувствовала себя дома».

Белый наряд церквей, в который за последние двадцать лет оделась калининградская земля, долгое время воспринимавшаяся как чуждая православной душе, земля, где с гордостью рапортовали партийные чиновники в своих отчетах, что в области нет ни одной церкви, позволил, наконец, и калининградцам ощутить себя дома. В храмах звучат молитвы не за себя только. Бывает, «проходящий мимо» отворачивает голову от шествующих из церкви людей со светлыми лицами. Возможно, увидев картины Бориса Булгакова, он поймёт, что молятся и за него.

## Александр Мамнев

*Родился в 1954 году в Калининграде. Здесь же окончил школу и Калининградское высшее инженерное морское училище. Художественное образование получил в Художественной школе и студиях Калининграда. Сотрудничал с газетами «Калининградский комсомолец», «Маяк», «Калининградская правда», публикуя в них карикатуры, иллюстрировал журналы «Балтийский рыболов», «Бобрёнок». Возглавляет творческое объединение «Абрис».*

### «Художник не доказывает словами...»

Постепенно творчество становилось для меня главным делом. Последние пятнадцать лет занимаюсь изготовлением и реставрацией витражей из цветного стекла, основав витражную мастерскую, подготовил несколько витражных мастеров из числа студентов Калининградского художественного училища. Витражи всегда меня удивляли. Ещё в детстве я бродил по Калининграду, выискивая сохранившиеся работы мастеров. Позже появилась возможность учиться у современников азам классической витражной техники, грех было не воспользоваться. Остальные, современные и тиффани, уже осваивал сам. Одновременно я веду детскую изостудию, выступая уже в роли учителя. В творческое объединение «Абрис» вступил в 2012 году, как живописец принял участие в выставке «40-летие “Абриса”». Одна из выставленных работ – «Неринга» – стала обложкой журнала «Балтика». Осенью 2013 года был избран председателем ТО «Абрис».

Интерес к живописи проявился у меня с детских лет, увлечение ею продолжилось в Художественной студии и Художественной школе. Желание творить томило и в походах в море, подспудно рождались идеи для картин. И с пером, и с кистью не расставался надолго.

го никогда, есть акварели и зарисовки дальних стран. Перестрадав отрыв от прежней и основной профессии моряка, я оказался даже для взрослого человека перед сложным и болезненным выбором. Но сомнения были и по окончании Художественной школы, где я учился с двумя братьями известной художественной фамилии, Резчиковыми. Один из них уехал в Ленинград и успешно там отучился, правда, художником стать не успел – умер. Главным сдерживающим фактором и источником сомнений, надо полагать, было гипертрофированное чувство ответственности: риск получить ремесло с опасностью, что нечего будет сказать.

Сейчас, видимо, появляется какое-то осмысление и понимание, о чём бы хотел сказать своими работами. Если говорить о живописи маслом, то работаю в разных стилях и технике. По поводу моего личного стиля как художника могу сказать, что хотелось бы, чтобы не было стиля, а ещё поменьше рамок. Стиль живописи для меня – это не более чем инструмент для решения данной конкретной задачи, поэтому есть работы в разных стилях, надеюсь на их расширение. Многие выверено, случайности обычно подчинены основной идее.

К Моцарту, конечно, неравнодушен, и не только к нему. Не знаю, как творил Моцарт, да это, собственно, и не важно. Думаю, художник у холста подобен актёру на сцене. Эх, загнул... Музыка обычно звучит, когда я работаю, это хорошо настраивает и дистанцирует от бытовых реалий. У меня есть четыре работы, посвящённые композиторам: Моцарту, Шопену, Чайковскому и Вивальди, рассчитываю этот ряд продолжить. С музыкой я по эту сторону сцены, сам не пишу музыку. Возможно, не многие мои зрители знакомы с нотной грамотой (как и я), но на работах, посвящённых композиторам, написаны ноты фрагментов именно их произведений, в том числе тех, которые звучали, когда писались эти картины. Иногда зрители говорят о своих впечатлениях от работ и могут сильно удивить, ведь я ни о чём таком не думал. В общем-то и не особенно важно, что кто скажет и подумает, главное сказать своё. Пока не ругали. Вот, например, что написали зрители о портрете моей собаки под названием «Вот смотрю я на себя в зеркало, а хороша»: «И не будем спорить, хороша-а-а! Чудо как хороша! И название и работа на отлично! Так мило!» А что бы сказали профессиональные критики, полагаю, я сам себе такого наговорю, тут сам с собой не забалуешь. Вопрос не в сиюминутной реакции на мои работы, рассчитываю на диалог. Работы свои рассматриваю как приглашение над чем-то подумать или увидеть привычное другими глазами. В принципе, готов выслушать любое мнение, высказанное в корректной форме. В любом случае художник ничего не должен доказывать словами.





**Борис Булгаков. Диалог.**  
100 x 105. Хост, масло. 1999



**Борис Булгаков. Вербное воскресенье.**  
80 x 90. Хост, масло. 1999

**Борис Булгаков. Цикл «Духовные островки России».**  
70x75. Холст, масло.  
1990-2000.



*Троицко-Сергиевская лавра.*



*Серафимо-Дивеевский  
монастырь.*



*Оптина пустынь.*



*Вязьма.  
Иоанно-Предтеченский монастырь*

**Александр Мамнев.**  
**28.06.1914. Сараево.**  
**Выстрелом из браунинга**  
**убит эрцгерцог**  
**Франц Фердинанд.**  
Холст, масло.  
50 x 60.  
2013.



**Александр Мамнев.**  
**Дорога,**  
**которая не ведет к храму.**  
Холст, масло.  
50 x 60.  
2013

**Александр Мамнев.**  
**Шопен.**  
Картон, масло.  
40 x 45.  
2013



**Александр Мамнев.**  
**Неринга.**  
Картон, акрил, масло.  
39 x 58.  
2012.

*Витражи Александра Мамнева  
из цветного стекла, собранные по классической и тиффани технологиям.*



# Русский мир без границ

## Неонилла Пасичник

*Неонилла Пасичник – автор и кинорежиссер научно-популярных и документальных фильмов, член национального союза кинематографистов Украины; лауреат и участник международных кинофестивалей «Молодость» (Киев 1993, 1995, 1998, 1999); Берлинале, официальная программа «Панорама мирового кино», с кинокартиной «Тысленица», (Берлин, 1996); МКДФ в Кракове (1996); МКДФ в Монреале (Канада, 1996); автор обзрений программы фильмов МКДФ в Нионе (Швейцария, 2001, 2005), МКДФ (IDFA) в Амстердаме (Королевство Нидерланды, 2001), автор очерков, опубликованных в русских газетах и журналах на Украине, в России, США («Новый Журнал»)*

## Русское поместье в Евросоюзе

О родовом поместье князей Барятинских и Щербатовых в Боловске, в современной Латвии, я узнала в 2005 году - тогда в издательстве Сретенского монастыря в Москве вышла книга "Право на Прошлое" князя Алексея Павловича Щербатова и его соавтора и супруги Ларисы Феодоровны Криворучкиной-Щербатовой. Книга переиздана в 2011 году в Екатеринбурге с дополнениями о роде князей Чернышевых, близких родственников князей Барятинских. Благодаря этому родству приобретенный в Риме дворец Чернышевых - "palazzo Tchernyshov" - перешел от княжны Елизаветы Чернышевой в наследство ее дочери - княгине Марии Барятинской, затем стал собственностью Зарубежной Православной Церкви. В "палаццо Чернышев" сейчас находится храм Свт. Николая Чудотворца и пансион для пожилых русских людей. <http://pravlife.org/avtory/elena-rodionova/znakomtes-samyu-starinnyu-russkiy-hram-v-italii/>

Вернемся к поместью в Боловске. Княжна Анна Владимировна Барятинская, получив наследство от тетушки графини Толстой, решила приобрести имение не где-нибудь в Европе, а именно в России. Такие княжеские роды, как Рюриковичи Барятинские и Щербатовы, с древних времен были патриотами своего Отечества, поэтому приобретение имений за рубежом считали для себя неприемлемым. Они не приветствовали "Манифест о вольности дворянству" Екатерины Второй, позволявший русской аристократии вывозить капиталы в Европу. Пра-прапрадядюшка последней владелицы поместья Боловск, князь Михаил Михайлович Щербатов, долгое время не мог издать свой труд "О повреждении нравов в России", где проследил падение нравственных устоев жизни в православной стране. И решение Анны Владимировны, к тому времени уже в замужестве княгини Щербатовой, о приобретении поместья в Боловске было непоколебимым: "Только в России!". Супружеская чета отправилась в имение в 1911 году. Там родилась Ольга - их старшая дочь.

Узнав историю покупки поместья княжной Анной Барятинской, посчитала я необходимым выполнить свой долг – разыскать Боловск! Осуществить замысел удалось благодаря конференции в Риге в 2005 году. Я обратилась к участникам конференции с вопросом: "На карте современной Латвии нет города с названием Боловск. Близким по этимологии и местоположению в красивейшем краю озер близ станции Резня (ныне Резекне) значится городок Балви". Но никто в рижском собрании не сумел тогда наверняка ответить, является ли Балви тем самым русским поместьем Боловск... Мне ничего не остава-

лось, как положиться на чутье и сесть в рейсовый автобус Рига – Резекне, проходящий через Балви. Уже в сумерках декабрьского субботнего дня, 8 лет назад, я очутилась в Балви-Боловске! Первые огоньки в окнах напомнили поэтические строки:

...может, пьют вино, может так сидят,  
Может, просто рук не разнимут двое -  
в каждом доме, друг, есть окно такое...

Этими огоньками в одноэтажном белостенном домишке оказались свечи, затепленные прихожанами православной церкви... В сгустившихся сумерках крест на небольшой главке слился с низким темным небом, поэтому я не сразу догадалась, что на моём пути - православный храм. Войдя внутрь, приложилась к иконам - сразу ощутила присутствие рядом мира Горнего... Уверенность в том, что я попала в русское поместье Боловск, наполнила меня. На всякий случай, спросила у прихожанки - это ли поместье княжны Анны Барятинской? Ответ последовал утвердительный. Узнав имя батюшки, отца Марка, сообщила о своём прибытии из Киева через Ригу и о намерении Евхаристического единения с православными Боловска. Покинула храм в предвкушении скорой встречи с поместьем. Дворцовый парк в английском стиле, фактически лес, раскинулся прямо у выхода из храма! Чуть правее слегка серебрилось, поблескивая первыми льдинками, озеро. В эту сонную благодать направилась я, ведомая обонянием - в парке стоял густой аромат полыхающих дров. Когда в глубине парка слегка забелели стены дворца - дымок из его труб напомнил о тех временах, когда населяли поместье немногочисленные помощники четы Щербатовых: дворецкий, повар, горничные... А также о страницах истории России.

... В 1911 году (или в 1912 году, точная дата издания книги неизвестна) родной брат последней хозяйки поместья Боловск, князь Виктор Владимирович Барятинский, издаёт книгу "Царственный мистик" - исследование, призванное убедить читателя в тайном подвиге Государа - уходе императора Александра I из мира в странничество и старчество под именем Феодора Козьмича - ныне Святого праведного Феодора Томского. Исследование князя напоминало о первом мирном переходе самодержавной власти от брата к брату. Император Александр Благословенный всю жизнь раскаивался в том, что косвенно был причастен к убийству своего отца государя Павла Петровича. Александр Павлович мог предотвратить удушение отца, но не сделал этого.

Многие историки трактуют мятеж декабристов как антимонархический бунт. На самом деле декабристы прикрывали безвластие, переходный период в России: при фактически живом царе Александре I власть мирно перешла к брату Государа Николаю I. Александр Благословенный знал от своего секретаря князя Волконского о недовольстве некоторых военных правительственными действиями, в частности охлаждением в отношениях с Западом. К тому времени, будучи глубоко православным человеком, прочитав список недовольных, в ответ на предложение кн. Волконского об их аресте, Государь молвил: "Как я могу наказывать людей, если сам не безгрешен в вопросе власти." Мнимые похороны якобы скоропостижно скончавшегося императора длились несколько месяцев: похоронная процессия из Таганрога в Петербург двигалась медленно. Публикация исследования князя-Рюриковича В.В.Барятинского была напоминанием правящему дому Романовых о первом христианском - православном - подвиге представителя династии. Существует предположение о том, что мнимо погребенный государь Александр Павлович, после того, что тело его двойника было с монаршьими почестями захоронено в Александроневской Лавре, - отправился в Соловецкий и Валаамский монастыри. А оттуда, по благословению старцев, начал путь странника в Почаевскую Лавру, где и подвизался тайно 7 лет, до 1833 года - присвоения обители императором Николаем Павловичем статуса Лавры.

Владельцем Боловского поместья в 1825 году был брат Александра Семеновича Горожанского - Петр, сын управляющего Боловским и иными поместьями на Балтике вельможи и царедворца Ивана Перфильевича Елагина. Александр Горожанский состоял членом Петербургской ячейки Южного общества декабристов (1824), участвовал в деятельности Северного общества. Арестован 19 декабря 1825 года, очутился в Соловецком монастыре. Сохранилось отклоненное прошение его матери о перемещении больного из монастыря в дом умалишенных. Скончался Александр Горожанский в Соловецком монастыре. "Соловецкий декабрист" Александр Горожанский сопровождал в тайном странническом пути государя Александра I и вместе с государем какое-то время тайно проживал в поместье брата в Боловске: именно тогда по доверенности арестованного Александра Горожанского имение Кориново неподалеку от Пскова перешло к брату Петру, владельцу Боловского поместья. Уже в 1834 году, вслед за присвоением Почаевской обители статуса Лавры и в память о тайном пребывании Александра Благословенного в Боловске, домовая церковь Горожанских в честь Тихвинской иконы Божьей Матери переносится из соседнего поместья в Боловск. Эта дата считается началом создания православной Боловской общины.

К 180-летию образования прихода в Боловске завершается строительство православной деревянной церкви в память Успения Пресвятой Богородицы. В день изнесения Честных древ Креста Господня 14 августа в этом году освящены купола священником Сергием Тихомировым. Но об этом мы с профессором Виктором Чернышевым, прапраплемянником последней хозяйки поместья Боловск, узнаем только сейчас, посетив в октябре Латвию по приглашению Иветы Супе, директора Балвского краеведческого Музея. А тогда, 8 лет назад, в сгущавшихся сумерках я раскрыла книгу "Право на прошлое" на вкладке с фотографиями и стала внимательно всматриваться в изображение дворца на старинной фотокарточке, сравнивая архитектурные черты дворца в стиле классицизма с перестроенным современным зданием с вывеской "средняя школа" на латышском языке. С уверенностью я потянула на себя входную дверь... Дворец не спал! Напротив. Меня окружили его обитатели в карнавальных костюмах: в школе проходил праздник - Святой Николай принес детишкам Боловска подарки. Как оказалось, праздник охватил весь город. В Доме культуры завершалось представление, там я познакомилась с Иветой Супе, возглавлявшей только основанный краеведческий музей, с замечательной мэром Боловска и многими другими. Похоже, тогда моё появление в Боловске было полной неожиданностью... Святитель Николай преподнес обитателям поместья нечаянную радость.

Поскольку я не расставалась с книгой "Право на прошлое" - она все еще оставалась у меня в руках - невольно мемуары Князя стали моей визитной карточкой. Ивета Супе сразу же предложила посетить Музей, предварительно извиняясь за скудность его экспозиции и, даже, полуразрушенное состояние. Кроме книги в руках, на моём плече болталась репортажная видеокамера: я пыталась, с согласия обитателей поместья, фиксировать всё, что меня окружало. Благословение соавтора и супруги князя Алексея Щербатова - Ларисы Феодоровны - придавало мне сил. В кромешной тьме мы подошли к одноэтажному зданию, ранее служившему клетью дворцово-паркового комплекса, то есть складом. Ивета смело отперла дверь - Музей был настолько беден, что хотелось его наполнить... Ивета сразу откликнулась и уверенно заявила, что в экспозиции непременно появятся фотографии князей Барятинских и Щербатовых.

Год спустя в Нежинском Лицее князя Безбородко - ныне университет им. Николая Васильевича Гоголя - состоялась конференция, в которой тематическая секция целиком была посвящена отечественной аристократии. Ивета Супе представила своё исследование о последних владельцах Боловска, а также о его хозяевах после окончания первой мировой войны - тогда часть земель Витебской губернии отошла к Латвии - вплоть до вхождения её в качестве республики в состав Союза, но не Европейского, а Советского: когда все владения подлежали национализации... Доклад вызвал большой интерес, поскольку в

Украине и в Беларуси княжеские поместья почти не сохранились. Их стирали с лица земли, как и по приказу Троцкого уничтожали их владельцев. В Ялте построена часовня памяти тех зверски расстрелянных в 1920 году аристократов, кто не пожелал покинуть Россию: ими были старики и беременные женщины... В их числе мама хозяйки Боловского поместья Анны Владимировны - 80-летняя княгиня Надежда Александровна Барятинская, урожденная графиня Стенбок-Фермор, и её беременная дочь Ирина Мальцева с супругом.

8 лет назад, сидя в тусклом электричестве сырого Музея, всю ночь мы листали мемуары сына хозяйки Боловского поместья. Фотокарточка Елены Щербатовой, в замужестве Виттук, дочери хозяйки дворца, с медвежонком на руках, привлекла внимание Иветы: "У нас есть Медвежий парк! Сразу за Музеем. Это часть дворцово-паркового комплекса". Мало кто знает о том, что над проектом часовни в Ялте трудились русские брюссельцы Эрик Виттук и Надежда де Брант, потомки благотворительницы, ходатаицы об основании Ионинской обители, супруги Киевского военного губернатора княгини Екатерины Васильчиковой, в девичестве княжны Щербатовой. Замечательно, что оба они, родившиеся вдали от России, сохранили русскую душу и не потеряли интереса к родине предков. Надежда де Брант - дочь красавицы княжны Надежды Щербатовой, работавшей моделью у Коко Шанель. Эрик Михайлович Виттук 19-летним юношей посетил Киев впервые в 1965 году в качестве туриста вместе с папой и мамой Еленой Павловной, в девичестве Щербатовой. Она была настоящим патриотом. В Киеве тогда произошла удивительная встреча. Все вместе они прогуливались по Крещатику, когда неожиданно к ним с объятиями бросилась девочка-подросток, причитая: "Ах, мадам Виттук, мадам Виттук". Вскоре выяснилось, что подросток - дочь домработницы Елениной знакомой, русской эмигрантки, жившей в Брюсселе. В конце 50-х - начале 60-х годов была массовая репатриация русских в Россию. Сталин объявил: "Родина-мать вас простила, возвращайтесь". Семья девушки вернулась из Бельгии в Украину. Девочка так и не привыкла к новой жизни, окружению. Она все повторяла: "Как жаль, что я не могу привести вас даже к себе домой. Вы для меня теперь иностранцы. Уже и не верится, что мы с Эриком играли в одни игры". Через несколько лет Елена Виттук вновь посетила родину. Приехала в Ялту, где в 1920 году по приказу Троцкого чекисты расстреляли 80-летнюю бабушку княгиню Надежду Барятинскую в числе иных, не пожелавших покинуть родину, лучших русских людей. Зашла в церковь и заказала панихиду по бабушке и за всех убиенных. Два священника закончили службу, Елена расплатилась, вышла из собора. К ней подошел какой-то человек, возможно чекист, спросил:

- Что Вы тут делаете?
- Заказывала панихиду по расстрелянной здесь бабушке.
- Не занимайтесь антисоветской деятельностью.
- Моя бабушка политикой не интересовалась. Её просто убили.
- Мы Вам больше не выдадим визы.
- У меня достаточно влияния в Бельгии, чтобы получить документы.

Весь диалог проходил на совершеннейшем русском языке. Единственное, о чём Елена Павловна сожалела, что её не пустили в каменоломни, зато в КГБ на Елену Виттук завели дело. Отвага Елены многих пугала и покоряла. Во время войны она вместе с сестрой Ольгой Щербатовой, родившейся в Боловске, работала в армии "Сопротивление", без разбора помогала всем встречавшимся на её пути русским. Собирала беженцев в группы, находила временные убежища, носила еду, почти каждую ночь меняла место для ночлега, пока не удавалось переправить людей за границу. К счастью, ни разу не попала в лапы гестапо. В 1917-20-е годы вела дневник в Новороссийске и Ялте, по глубине суждений не уступающий взрослому человеку. Елена определила сущность гражданской войны - братоубийственная. Выдержки из дневника 14-летней Елены Щербатовой опубликованы в книге "Право на Прошлое" её младшего брата, профессора истории в США Алексея Павловича Щербатова.

В построенном в Брюсселе в 1924 году православном храме-памятнике святого Иова Многострадального стараниями великого князя Владимира Кирилловича поместили коробку с костями царевича Алексея и его сестры Анастасии. Эти уцелевшие кости Соколов, следователь по делу о расстреле царской семьи в Екатеринбурге в 1918 году, через Дальний Восток привёз в Париж. Князь Алексей Щербатов в 1994 году прилетел из Нью-Йорка в Брюссель вместе с немецким телережиссёром с намерением взять часть костей для анализа ДНК с целью идентификации найденных в конце 1980-ых близ деревни Коптяки останков царской семьи. Но частицу кости князь не получил. Синод Зарубежной Церкви уже возвёл семью государя в сонм святых, и не мог допустить, чтобы «немецкий тележурналист с папиросой между пальцами разбирает мощи русских святых»... Если бы доступ к коробке имел место, легко были бы проведены пробы ДНК, и тогда в деле идентификации царских останков, с исторической точки зрения, можно было бы поставить точку. Но, как известно, святость определяют не свойства останков, а вера народа.

И вот сейчас, 8 лет спустя после моего первого посещения Боловска, глазам нашей пока немногочисленной киевской делегации предстал современный Музей, с замечательным конференц-залом, стеклянным лифтом для людей с ограниченными возможностями. Оформленные талантливыми дизайнерами экспозиционные площади освещены направленным светом. Верилось с трудом, что не так давно в подклети здания Музея были свалены груды мусора, а в зиявших отверстиях окон завывал пронизывающий ветер... Когда нынешним летом мы вели переговоры о возможном участии киевлян-потомков хозяйки поместья в конференции в Боловске, Ивета предупредила, что главная улица, ведущая ко дворцу и Музею, находится в ремонте. Наш ответ был непоколебим: "Это нас не остановит!" Мы с профессором Виктором Чернышевым были делегированы потомками хозяйки Боловского поместья и отправились в путешествие на автомобиле вместе с режиссером-документалистом Петром Олар, имеющим опыт работы в Евросоюзе. Сливового цвета студийный "бумер" был зарегистрирован в Литве и как раз накануне отъезда получил повреждение... Наша поездка задерживалась как минимум на сутки по причине необходимости прохождения техосмотра после срочного ремонта. Это является необходимым условием функционирования автомобилей в Евросоюзе, и регистрация отремонтированной машины на таможне задержала нас как раз на то время - 2 часа! - что мы с опозданием прибыли к нашему выступлению в Музее Боловска. А ведь точность - вежливость королей. И даже, казалось, великолепные дороги Беларуси способствовали нашей пунктуальности. Все испортили границы... Но путешествие сложилось наилучшим образом - встречи с нашими старинными друзьями в Боловске носили рабочий характер: мы имели возможность многое выяснить, обсудить и, главное, приступить к начертанию переплетений ветвей древа родов потомков хозяйки поместья.

На фоне дорожных работ Музей поражал своей исключительной завершенностью! Вполне естественно, что родилась мысль о создании Мемориальной комнаты князей Бяратинских и Щербатовых в самом здании дворца, где сейчас находится филиал Даугавпилсского университета последипломного образования. В великолепном здании поместья находится концертный зал с лучшим в Латвии акустическим пространством! Здесь ежегодно проходит фестиваль камерной музыки. А сам город принимает театральный фестиваль "Вишневый сад", что созвучно укладу жизни поместья. Но волей многочисленных потомков княжны Анны Владимировны Бяратинской стало пожелание - придать дальнейшему развитию поместья богословское направление. Православие - это то, что объединяет русских во всем мире. А поместье объединяет потомков хозяйки русского поместья, разбросанных и в новом Евросоюзе, и на пространстве бывшего Советского Союза. Рассказать о судьбах семей в двадцатом столетии - является целью наполнения экспонатами Мемориальной комнаты дворца в Боловске. Профессор В.Чернышев, прапраплемянник хозяйки поместья, с радостью поделится православным учением о месте Бога в нашей жизни, о Мире Горнем, отмененном декретом народных комиссаров после

политического переворота в нашем Отечестве, к 100-летней годовщине коего мы приближаемся. Таким образом, Право на Прошлое будет постепенно восстановлено. А жители и гости Боловска смогут встречаться и с архиепископом Белоцерковским и Богуславским Августинем (Маркевичем), и с семьями Александра Андреевича Кочубея, графов Петра Львовича Бобринского и Алексея Андреевича Стенбок-Фермора, князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского, протоиерея Бориса Бобринского.

*Октябрь – ноябрь 2013 года,  
Киев*

## **Письма из Варшавы**

**Елена Черпакова**

### *Русско-польская осень*

Душа русского человека настолько же широка и необъятна, как и наша Родина. И только вдали от нее остро это осознаешь. Приносит радость общение с людьми, с которыми можно поделиться впечатлениями и взаимообогатиться. Мы записали диск о культурных событиях в Варшаве в Центре русской науки и культуры, в чем нам очень помог Анджей Томашевский. Он каждый раз нас приятно удивляет обширными знаниями не только в области литературы, истории и искусства, но и в тематике духовной, в чем мы убедились на встречах в клубе «Славянские традиции и культура», которые проводит отец Ежи Тофилюк, ректор Православной духовной семинарии, на тему взаимоотношений православных церквей в мире. Анджей, будучи поляком, свободно говорит по-русски, читает наизусть стихи А.С. Пушкина.

Из культурных событий в польской столице хотелось бы отметить концерт, посвященный 1150-летию Российского Государства. Это были русские песни – «Музыкальное путешествие через Россию. От Петербурга до Одессы». Исполнители – польский ансамбль из Лодзи «LECHaRUS».

Был замечательный концерт Академического оркестра народных инструментов имени Осипова, который проходил в новом зале Центра русской науки и культуры.

Следующим грандиозным мероприятием является фестиваль «Шопен. Дни музыки. Россия», проходивший в Большом театре оперы народной. Было непросто туда попасть, билеты выкупались заранее. Нам удалось попасть на три концерта: симфонического оркестра, исполнявшего фрагменты из балета П.И. Чайковского «Щелкунчик» и из «Лебединого озера» в Зале Пушкина. В Зале Гоголя слушали музыку Чайковского, Прокофьева и Бородина.

Хотим также поделиться впечатлениями от концерта барда родом из Сибири Евгения Малиновского. Концерт был посвящен его творческому 20-летию, приехало много друзей: музыканты и поэты, которые также выступали на сцене. Среди них Ромуальд Коперски – путешественник, писатель, музыкант, исполнявший на фортепьяно русскую музыку. Его перу принадлежит ряд книг, посвященных его поездкам по Сибири на машине до Чукотки и Северной Америки, его путешествию по реке Лене на резиновом плоту.

С удовольствием хотим поделиться впечатлениями, связанными с Торжествами, посвященными 50-летию Российского центра науки и культуры в Польше. Большое впечатление осталось от Торжественного концерта с участием инструментального ансамбля

народных инструментов «Диво» из Беларуси. 5 декабря состоялся незабываемый концерт Российского Государственного Оркестра духовых инструментов. Впервые на сцене РЦНиК выступил Смоленский госдрамтеатр им. А.С. Грибоедова со спектаклями «Поздняя любовь» Островского и «Страсти роковые...» А. Аверченко. Спектакли отступали от привычных для нас, традиционных постановок в современном стиле: с большим вкусом, с музыкальным и хореографическим оформлением, плюс прекрасная игра актёров.

По вечерам и на прогулке в парке читаем вслух подаренные нам сборники. Некоторые эпизоды действуют на нас как зажигание к аккумулятору памяти эпизодов из нашей жизни, которые мы восторженно переживаем в новом качестве, через призму времени. «Как Евангелие, как источник понимания себя», «Не комментировать книги надо, а рассуждать над ними. Стирать грани между книгой и жизнью». Прежде всего, затронули нас истории простых замечательных людей, которые учат познавать мир и делать его лучше. Кроме того, очень интересно познать новые для нас факты истории, прочесть о природе тех мест, в которых мы имели счастье бывать, и тех мест, которые хотели бы посетить.

*Как говорит Владислав:*

Как корабли, блуждаем в море  
И ищем свой причал.  
Каких людей здесь повстречали -  
художников, поэтов,  
Спасибо Польше и за это!

Прочитали мы часть публикаций журнала, которые на первый взгляд нас более заинтересовали из довольно богатого выбора тем. Но признаем, что мы относимся к поколению, которое чувствует себя более комфортно с книгой в руках. Поэтому собираемся распечатать журнал. Очень интересная статья Алексея Дмитровского Русский мир: заметки к определению, которая находит подтверждение в практике, что русские люди за рубежом более остро чувствует принадлежность к своей культуре и традициям, а некоторые традиции сохранились, как реликвии, которые уже не встретишь в России. О дискуссионном клубе «Валдай». Приятно нам узнать, что В. Путин активно участвует в таких заседаниях и призывает к дискуссии о российской идентичности представителей различных политических течений. Из прозы понравился Дмитрий Воронин. Поздняя месть. Георгий Набатов. С белым флагом по Кёнигсбергу. Очень интересно было узнать новые для нас исторические факты. Прусские невесты и российский престол. Эта тема нас интересует в связи с 400- летием династии Романовых. В нашей библиотеке была выставка книг, посвящённая этому юбилею, и Владислав написал стихотворение «Царь Пётр I». Л. В. Довыденко. «Внутреннее оформление человечества». Заинтересовала меня тема о влиянии Православия на европейскую культуру. Спрошу в библиотеке книгу «Единый поток жизни». Кроме того, мы можем предлагать темы на лекциях Клуба «Славянские традиции и культура» из цикла «Вход в Православие». Неонилла Пасичник. Крестный Ход к Почаевской Лавре. Законспектировала текст, который меня заинтересовал, с целью расширить знания. Очень интересно было прочитать эту статью. К этой теме хочу добавить, что на предыдущем Клубе «Славянские традиции» услышали о путешествии отца Е.Тофельюка на Святую Гору Афон, Греция, и получили в подарок открытку иконы Святого Георгия Победителя.

В Центре русской науки и культуры в Варшаве, где постоянно проводятся выставки, концерты, интересные встречи, прошел поэтический вечер с участием Владислава Черпакова. Спасибо за добрые слова в адрес Владислава от творческих людей.

*Владислав Черпаков родился 29 февраля 1948 года в Харькове. Стихи начал писать еще студентом Харьковского медицинского стоматологического института для «капустников». В Варшаве и окрестностях активно участвует в Вечерах Поэзии, поэтических конкурсах и фестивалях. В 2011 году занял 3 место в поэтическом конкурсе Всепольском «Старе място» за стихи: «Крым», «Русский праздник», «Киев». В 2013 году участвовал в 42-м Международном Фестивале Поэзии «Варшавская Осень-2013».*

### ***Колокол***

Сижу – прекрасно солнце греет.  
Вокруг шныряют ротозеи.  
Лежит, похрапывая пес.  
Спустился Бог с родных небес.  
По ком-то колокол ударил.  
Своих родных, друзей  
в путь далекий я отправил.  
Им помашу рукой.  
Пусть будет вечный там покой.  
Жизнь есть движение.  
Держи коня в узде!  
Чуть отпустил - и ты в глубокой....  
Лежишь там – сыро, одиноко.  
Никто не знает, что есть рай.  
Иди по жизни, не хромай.  
И чувствуй себя гордо,  
Ведь не в «пушку» простая морда.

### ***Московское Метро***

Встретил иностранца в шортах.  
Оказался он из США.  
Стены он снимал на фотоплёнку.  
«Ну, как работа – хороша»?  
Делал мой покойный дядька,  
Делал он, старался от души.  
Сколько душ таких  
Горбатый в землю спрятал.  
Радуйся, Америка, пляши!  
Что же создала ты – нация в бейсболках?  
Космоса не видела б вовек,  
Не найдись одна дешёвка,  
А ведь был советский человек.  
Всё и всех купили вы за «зелень»,  
Даже покупаете детей,  
Чтобы в суровый час мучений,  
Пересадку сердца - поскорей.  
Знаю, долгожители, кощеи,  
Любите пожить, пожировать,  
Но придёт «Иван», сломает шею,  
И прекрасной жизни не видать!

*Эпитафия Джоржу Харрисону*

Ещё ушёл один – великой группы композитор-музыкант,  
Народом признанный талант.  
Спасибо Англии, родившей тех ребят  
На радость миру и ханжам на зависть,  
Для нас – кумиры!  
Короткий век прервал талант.  
Гитара плачет – он не слышит.  
Уснул на веки «Свет наш лорд».  
Звучит трагический аккорд.  
Уж много лет твердят кликуши,  
Забудет мир их навсегда.  
Но наши души не забудут.  
Их будем помнить до конца,  
Пока стучат у нас сердца!

Анджей Томашевски: В своем путешествии в Подлясье Вы были в местах, которые недавно посетил патриарх Московский и Всея Руси Кирилл. Я наблюдал за его визитом с большим интересом и радостью. Я уже давно чувствовал, что отношения между поляками и именно россиянами для меня самые важные, близкие сердцу. Я мечтаю о глубокой, прочной близости наших народов. А теперь, я подумал, что нам дано быть свидетелями событий, которые, возможно, назовут историческими.

Я верю, что высказанные Слова Добра, как семена, падающие в землю, в своё время дадут плоды. Верю, что наши благородные мечты и воля, не только наши – человеческие. Верю, что в стремлении к этим мечтам, мы – люди, не одиноки, не остаёмся без помощи.

Спасибо за слова о Российском Центре Науки и Культуры и его посетителях. Этот Центр и люди, которых я там встретил, стали важными в моей жизни.

Глубокое взаимное понимание, симпатия между русскими и поляками, и более, сознание родственности – это моя мечта. Спасибо Вам за всё, что делаете в сфере наших контактов.



## История и краеведение

---

---

### Сергей Гуров

*Родился в 1952 году в Калининграде в семье военнослужащего. Воспитывался в Ленинградском нахимовском военно-морском училище. Окончил электротехнический факультет ВВМИУ им. Ф. Э. Дзержинского, Военно-морскую академию им. Н. Г. Кузнецова. Военно-морскую службу проходил на кораблях Балтийского флота, капитан 1-го ранга запаса. Автор нескольких документально-исторических книг. Член Союза журналистов и Союза писателей России.*

### Осколок от снаряда

В тяжелейших боях на территории Восточной Пруссии и особенно в период штурма её цитадели – города-крепости Кёнигсберг – велика была роль каждого бойца нашей армии, будь то простой солдат или командир любого ранга. Решающая роль при штурме города отводилась ствольной и реактивной артиллерии всех калибров.

На направлении главного удара 11-й гвардейской армии были поставлены реактивные установки залпового огня БМ-13 – знаменитые «катюши», где наводчиком одной из боевых машин являлся гвардии рядовой Михаил Шнейдер. 22 марта 1945 года наводчику 21-й гвардейской Рижской миномётной бригады исполнился только 21 год, но закалённый в боях фронтовик, стреляя по Королевскому замку, не промахнулся.

До войны у Михаила была мирная и будничная профессия – заведующий библиотекой сельского клуба в Горьковской области. И кто знает, как сложилась бы его дальнейшая мирная жизнь, но в трудный для Родины час он стал в ряды её защитников. А на войне профессию не выбирают, она сама тебя находит. Призванный в ряды Красной армии в августе 1942 года, Михаил Шнейдер направляется рядовым в отдельный учебный стрелковый полк Московского военного округа. Командование приметило смышлёного и грамотного паренька и определило его в 1-ю учебную гвардейскую миномётную бригаду. Здесь рядовой Шнейдер досконально изучил материальную часть полевой реактивной артиллерии и стал наводчиком боевой машины залпового огня БМ-13 326-го миномётного полка, которую экипаж получил прямо с конвейера московского завода «Компрессор».

Долгим оказался путь на фронт наводчика БМ-13 Михаила Шнейдера. Как одного из лучших специалистов его оставили при штабе формирования гвардейских миномётных частей в качестве инструктора. Сколько он ни писал рапортов на фронт, его отпустили на передовую только в январе 1944 года, где он и принял боевое крещение в составе 21-й гвардейской миномётной бригады. В боях по освобождению столицы советской Латвии – города Риги – бригада получила наименование Рижской, а Михаил – свою первую фронтовую медаль. Дороги войны привели 21-ю гвардейскую миномётную бригаду реактивной артиллерии (минбригада РА) под стены Кёнигсберга, с 1 апреля 1945 года бригада из резерва фронта была придана 11-й гвардейской армии и поставлена на участок прорыва передовых частей, шедших на штурм города-крепости,

Первая в бой за четыре дня до штурма города вступила артиллерия. Большая роль отводилась гвардейским миномётам – «катюшам». До самого начала штурма никто в бригаде не знал ни минуты отдыха. На позиции батарей подвозились и рассредоточивались боеприпасы, экипажи маскировали боевые машины, уточнялись и проверялись цели, определялись маршруты маневрирования и отхода установок. В девять часов утра 6 апреля 1945 года с южной стороны города тишину разорвал невероятный грохот. Это заговорила вся артиллерия 11-й гвардейской армии. Небо перечеркнули трассы реактивных снарядов гвардейских миномётов. Михаил с товарищами сутки не отходил от машины, успевая перезаряжать установку и вносить изменения в систему прицеливания по меняющимся координатам целей. За час до атаки стрелковых подразделений весь огонь был перенесён на первую линию укреплений противника. Здесь особенно требовалось мастерство наводчика, чтобы случайно не зацепить своих.

Во второй день штурма войска, наступавшие с юга, полностью освободили городской район Понарт (Балтийский район города Калининграда) и вышли к берегам реки Прегель, рассекающей Кёнигсберг на две части. Установки залпового огня 21-й гвардейской минбригады были подтянуты в район торгового порта, поддерживая наступавших по заявкам командования штурмовавших подразделений. Второй день штурма стал решающим. Гвардейцы-миномётчики практически израсходовали весь боезапас. Экипажи боевых машин валились от усталости, прибавились и потери. К исходу третьего дня штурма наши войска заняли свыше трёхсот городских кварталов. У врага оставалась более чем призрачная надежда какое-то время продержаться в центре города, где возвышались руины Королевского замка, разрушенного еще в августе 1944 года налётами англо-американской авиации. Фланговый огонь пулемётов из первых траншей и призмковых укреплений не давал возможности штурмовым группам взять этот рубеж без лишних потерь. Фаустники буквально на глазах пехоты сожгли два танка и самоходное орудие. В эти часы штурма, когда весенний воздух был буквально пропитан запахом близкой победы, продолжали гибнуть наши герои. Нужен был один точный и сокрушительный удар. Командование сухопутных войск обратилось к гвардейским миномётчикам с просьбой помочь пехоте. Спешно собрали оставшийся боезапас на одну машину и вывели её на позицию. Это была установка с лучшим и испытанным в боях экипажем, где наводчиком являлся гвардии рядовой Михаил Шнейдер.

Всё было проверено до мелочей, уточнены координаты, привязка к местности и расстояние до цели, комбат сам сел рядом в кабину. Промахнуться нельзя – снарядов больше нет, штурмующие подразделения вышли вплотную на рубеж атаки. Нервы на пределе. Залп! Неимоверно долго тянется время подтверждения огня. Наконец-то радио с передовой: «Накрытие. Пехота пошла. Спасибо гвардейцам!» Дальше надо было уходить от случайного поражения к месту рассредоточения бригады.

Закончились бои на Земландском полуострове, 21-я Рижская минбригада РА была отведена в тыл, и под Ригой личный состав встретил День Победы. Михаил продолжил службу, стал старшим сержантом, получил медаль «За взятие Кёнигсберга». В феврале 1949 года командование Прибалтийского военного округа направило его на курсы младших лейтенантов при 4-й окружной интендантской школе. Так Михаил Шнейдер стал офицером, и не пришлось ему вернуться в родную библиотеку. Потекли армейские будни со своими заботами, радостями и тревогами. Служба офицера Шнейдера проходила в частях и гарнизонах Прибалтики, но всё время его не покидала мысль приехать в Калининград, пройтись по местам былых боев и подойти к Королевскому замку.

Эту мечту удалось осуществить перед самым сносом руин замка.

Капитан М. Шнейдер долго бродил около развалин, вспоминая свою боевую молодость и мысленно прочерчивая траекторию полёта снарядов последнего залпа их боевой машины. У одной из осыпавшихся кладок на глаза ему попался металлический предмет. Михаил поднял его, и сердце щемяще ёкнуло – это был с пол-ладони осколок проржавевшего стабилизатора реактивного снаряда боевой машины залпового огня. Ошибиться фронтовик не мог, такое бывает раз в жизни. Неожиданная находка, как подарок на память, вернула его в горящий Кёнигсберг 1945 года. Всю оставшуюся жизнь Михаил Абрамович Шнейдер хранил этот осколок от снаряда как самую дорогую реликвию, напоминающую ему, родным и близким о друзьях-товарищах, об огнях-пожарищах прошедшей войны.

## Поздравляем с 55-летием

### Игоря Ерофеева

*Игорь Васильевич Ерофеев - краевед, поэт, писатель, журналист, рок-музыкант. Член Союза журналистов России, Международного союза журналистов и Союза писателей России. Руководитель городского литературного объединения «Рассвет» и районного историко-краеведческого общества «Седьмая земля». Печатал свои стихи и прозу в местных газетах, журналах, коллективных сборниках. Публиковался в «Антологии калининградского рассказа», журналах: «Север», «Мозаика юга». Автор книг лирики: «Устоять» (Калининград, 2009) и «Неба тонкие узоры» (Калининград, 2010). Победитель конкурса «Человек года» в номинации «Мой город – моя судьба» (1999). Лауреат Международного конкурса малой прозы «Добрая Лира» (Санкт-Петербург, 2010). Награжден медалью «За вклад в наследие народов России».*



## Н.А.Трофимова

### Светлогорск и Отрадное - жемчужины Самбии

#### *Светлогорск – Раушен*

На зеленом берегу незамерзающего синего моря, над янтарным пляжем лежит Светлогорск, и даже если обрушивается на берег ураганный ветер, деревья защищают город. Их мерный шум когда-то дал ему имя Раушен – «шумящий, шелестящий». А самое тихое место в городе – в долине у озера Тихого. С ним связано и самое давнее упоминание о поселении рыбаков. Но тогда, в 1258 году, озеро носило название Мюлентайх (Мельничный пруд), где недалеко на склоне дюны стоял орденский замок. От времен тевтонских рыцарей других воспоминаний не осталось, кроме того, что и самая крупная замландская (самбийская) мельница располагалась на плотине у пруда, а рядом с ней вырос трактир. Они оказались более долговечными, и в 1813 году упоминаются как место, где собирались первые отдыхающие.

После бесконечных наполеоновских войн Европа нуждалась в отдыхе. На морских берегах расцветали курорты. Например, в то время когда прусский курорт Цоппот (Сопот) сумел создать врач французской армии Хаффнер, на замладском побережье претворили в жизнь идею кенигсбергского профессора медицины Метцгера. И уже в 1817 году газеты сообщали, что «Раушен сильно перегружен гостями». 24 июля 1820 года состоялось официальное открытие курорта. Но это был тот Раушен, в котором гостей принимали в своих домишках у озера рыбаки, а сами переселялись на лето в сарайчики. Из Кенигсберга к морю добирались на повозках, нагруженных мебелью, посудой и всем необходимым для пребывания семейства на отдыхе. На пляже устраивали шалаши и навесы, покрытые соломой и тростником, так что эта картина напоминала африканское поселение.

Дальнейшее развитие курорта обусловил визит на побережье короля Пруссии Фридриха-Вильгельма IV в 1840 году. Сопровождавшему его Вильгельму Гумбольдту король сказал, что оставил в дюнном ландшафте свое сердце. Трудно представить, но старые снимки подтверждают это – от морского берега и до озера тянулись белые песчаные дюны, грозившие засыпать все на своем пути. По королевскому распоряжению и на государственные деньги их стали усердно озеленять и благоустраивать спуски к морю. Так что деревья в верхней части города шумят только чуть более 150 лет. Но липы у озера, от которых «дорога рыбаков» шла среди дюн к морю, гораздо старше. Одна из них - настоящая долгожительница, считается, что ей более 500 лет.

Тот же король способствовал в 1853 году прокладке железной дороги из Берлина до Кенигсберга. Железнодорожную станцию Раушен-орт (Светлогорск-1), сохранившуюся до сих пор, открыли в 1900 году. До станции Раушен-Дюне (Светлогорск-2) дорогу протянули в 1906 году. Строительные материалы стало гораздо легче доставлять, возрос поток отдыхающих, вместо шести часов в экипаже путь из Кенигсберга занимал теперь 1-1,5 часа. Настал «золотой век» в истории курорта. Один за другим были построены Курхаус, газовый завод, променад, лютеранская кирха, морская лечебница с водонапорной башней, фуникулер. Для многочисленных вилл, пансионатов и отелей, возводимых в этот период, характерны стилевые вариации модерна. Это выразилось в местном названии «виллен стиль», доминировавшем в облике Раушена 30-х годов XX века. Более других известно

имя архитектора Германа Геринга (не путать с рейхсминистром!) – по его собственной вилле и тому пансионату «Вид на море», который в Светлогорске стал называться «Охотничьим домиком». Можно называть его и «Домом Звездочёта», так как на его фоне были сняты сцены с Е.Евстигнеевым в соответствующей роли в фильме «Про Красную Шапочку», 1977.

Сосны на берегу еще не были такими высокими, чтобы закрывать вид на морской простор. А любование морем, проводы солнца были частью ритуала пребывания на отдыхе. Поражали праздники в день открытия сезона, на которые специально приезжали гости из Кенигсберга и других мест. С заходом солнца к огню маяка Брюстерорт (на мысе Таран), одновременно включаясь, присоединялись многочисленные огни на береговом обрыве. С его высоты сверкающие гирлянды тянулись до променада. Лодки на море перемещались по всей акватории и тоже сияли огнями. Вспыхивали фейерверки, гремела музыка. Поезда и автобусы на курорт и обратно ходили почти до утра.

Концерты, литературные вечера в Курхаусе, спортивные состязания на теннисных кортах и ипподроме проходили весь сезон. Для детей устраивались балы и конкурсы на лучший замок, возведенный из песка на пляже. Замысловатые крепости располагались среди плетеных пляжных корзин, защищавших от излишнего солнца и ветра. Увлечения загаром еще не существовало. Полосатые мужские и женские купальники были одинакового фасона, но мужская и женская купальни располагались у противоположных сторон деревянного променада.

Лечебные морские, углекислые, грязевые ванны, электрическое и световое лечение, лечебный массаж получали в морской водогрязелечебнице.

Ещё до войны для приема минеральной воды были оборудованы специальные залы, появились пансионаты с душевыми кабинами. Отступали такие недуги как нервозность, катаральные и легочные, женские заболевания, малокровие, хронический ревматизм и подагра. В сороковых годах XX века Раушен как курорт, хотя и не обрел общегерманского значения, имел устойчивую репутацию хорошо развитого морского климатического курорта. Курортное общество состояло, в основном, из жителей Пруссии, но немало поляков и русских отдыхало на замландских берегах.

В Раушене любила бывать художница и скульптор Кете Кольвиц и ее родственники из семейства деда – проповедника Юлиуса Руппа. Хелена Нойманн – художница и внучка знаменитого физика Франца Ноймана – не только жила здесь, но и создавала свои картины. Невозможно представить Раушен-Светлогорск без «Несущей воду» и «Нимфы» Германа Брахерта. Творения этого талантливого скульптора украшают многие города Германии и бывшей Восточной Пруссии. Его мемориальный музей имеет интереснейшее собрание работ скульптора и располагается в поселке Отрадное (бывшем Георгенсвальде).

В 1929 году Томас Манн также оказался на отдыхе в Раушене. В плетеной пляжной кабине писатель продолжал работать над новеллой «Марио и фокусник». Следующие три сезона он провел в Ниде, вдали от шумного раушенского курортного общества, которое отвлекало его от любимого занятия. Нобелевскую премию за роман «Будденброки» Томас Манн получил осенью 1929 года. В его честь другой Нобелевский лауреат Гюнтер Грасс открыл памятный знак в Светлогорске 6 июня 2003 года. Рядом с бывшим Курхаусом, на гранитном камне лежит теперь раскрытая бронзовая книга с портретом Томаса Манна.

К созвездию известных имен можно присоединить имя композитора Отто Николаи – автора комической оперы «Виндзорские проказницы» (по Шекспиру), писателя Фердинанда Грегоровиуса, влюбленного в этот край и создавшего его описание «Идиллия Балтийского побережья». Бывали в Раушене и другие известные лица, профессора Альбертины, в том числе, великий математик Давид Гильберт и его талантливый коллега Герман Минковски. Посетили курорт И.Тургенев, А.Герцен, М.Салтыков-Щедрин. И теперь на улицах Светлогорска можно встретить известных артистов, писателей, космонавтов, политиков. Здесь проходил кинофестиваль «Янтарная пантера», с 2004 года проводится ки-

нофестиваль «Балтийские дебюты», являющийся частью фестиваля искусств «Балтийские сезоны».

Гармонично в городской ландшафт и в когорту громких имён вписался «Дом сказочника» - Э.Т.А. Гофмана, к тому же в переулке Гофмана, где ожил Кёнигсберг в год основания Альбертины. Смещение имён и времён вначале вызывает удивление, но затем производит удивительное впечатление, особенно, когда на выставке по итогам традиционного международного пленэра Светлогорск-Раушен предстаёт на картинах в великолепии света и цвета.

Курорт стал именоваться Светлогорском в 1947 году. Война пощадила этот город, превращенный в большой госпиталь. Первым послевоенным санаторием, организованным в ноябре 1945 года, стал Центральный военный санаторий. Он расположен в нескольких зданиях. Физиотерапевтическое отделение санатория находится в башне бывшей морской лечебницы.

Башня, увитая девичьим виноградом, доминирует над центральной частью как своеобразный символ курорта. Но, к сожалению, смотровая площадка под шлемовидным куполом для обзора окрестностей не доступна. Здание высотой в 25 метров было возведено в 1908 году в стиле модерн с элементами национального романтизма. Через 70 лет на южной стороне башни были устроены солнечные часы, украшенные рельефными знаками Зодиака. Действительно, с точностью до пары минут, по тени, падающей от гномона, можно определять время от восхода до заката солнца.

Здравницы и пансионаты, в том числе базовый санаторий «Янтарный берег», стали известны всей стране. После войны определилась специализация санаториев как кардиологических, но в них избавляются и от заболеваний урологических, опорно-двигательного аппарата, эндокринной и нервной систем, органов пищеварения, дыхания и других.

Современное диагностическое и лабораторное оборудование, бальнеологический комплекс на основе местной лечебной грязи и минеральной воды, высококвалифицированный медицинский персонал, способный внедрить в лечение все новое и эксклюзивное, как, например, янтаротерапию, позволили Светлогорску обрести статус федерального курорта. Появились новые фешенебельные отели и виллы, но сохранился исторический архитектурный облик уютного, чуть «нездешнего» городка. Если на полукилометровом променаде и на пляже рядом с ним сплошное людское море, то немного дальше от центра, на маленьких зеленых улочках, почти безлюдно. Белки могут приблизиться к протянутой с угощением руке, и кажется, что улицы проложены среди лесопарка. Зеленый убор города создавали знатоки и ценители во времена «Общества по благоустройству и озеленению Раушена». Примером гармоничного зелёного обрамления стала площадка возле Органного зала – бывшей католической капеллы «Мария – звезда моря». Это контрастное сочетание кусочка почти дикого леса и ухоженного, деликатно украшенного цветами и декоративными кустарниками классического газона.

Рядом с лиственничным парком соседствуют пришельцы с американского и азиатского континентов. Особенно декоративны вечнозеленые рододендрон и магония, тис ягодный, плющ и туи. У туи, переселившейся в Европу из-за океана, много декоративных форм и, чем больше ее посадок, тем чище и целебнее воздух.

Воздух, солнце и вода – аэро, гелио и талассо-терапия – три кита, на которых опирается слава курорта. Воздушные массы, гонимые западными ветрами, проходят над Скандинавией, покрытой хвойными лесами, впитывают пары брома и йода Балтики, летом над побережьем смешиваются с восходящими, теплыми воздушными потоками. Дождевые облака, порождённые дыханием Атлантики, над берегом рассеиваются восходящими потоками тёплого воздуха. 134 дня в Светлогорске светит солнце. Это на 10 дней больше, чем в Калининграде, и всего на 5 дней меньше, чем в Сочи. Да, море в Сочи теплее, но прочен и ровен балтийский загар, а ударная прибойная волна действует как природный гидромассажёр.

С высоты берега, достигающей сорока метров, семь спусков ведут к морю. Вместо старого деревянного променада и хлипких ступенек «Венериного спуска», что шел по оврагу, к 1973 году были построены современный променад и 265 широких ступенек. И теперь к мозаичным солнечным часам на променаде можно спуститься по парадной лестнице, которая превращается в амфитеатр, когда там, внизу, устраиваются концерты и праздничные представления. Подняться же наверх можно в кабинке канатной дороги или воспользоваться лифтом. И еще раз с его верхней открытой площадки восхищенным взором окинуть живописный берег, морской простор, представить, что в трехстах километрах на противоположном берегу лежит соседка - Швеция.

Непременный атрибут променада и центра города – лотки и магазинчики с янтарными изделиями. Украшения на все вкусы – символ янтарного побережья. На расстоянии всего в 20 км от Светлогорска, на западном берегу Замландского полуострова в поселке Янтарном (бывшем Пальменикене) добывают янтарь и более ста лет уже считается, что в этой земле залегают почти 90% мировых запасов солнечного камня. Но особая радость - найти янтарный камешек в полосе прибоя, на берегу того моря, к которому хочется возвращаться снова и снова.

### *Отрадное - Георгенсвальде*

Снова нельзя не вспомнить короля Фридриха-Вильгельма IV, так как по его инициативе была проложена железная дорога не только из Берлина в Кёнигсберг, но протянута далее к побережью. От Раушена планировалась ветка до Варникена (Лесное). В 1909 году она дошла до Георгенсвальде (Отрадное), где вначале было построено маленькое одноэтажное здание вокзала.

В путеводителе 1912 года отмечалось, что это было время, когда Георгенсвальде «... несмотря на его положительные природные, можно сказать, идиллические красоты, до сих пор был мало посещаем в летнее время. Однако в последние три года он стал собственностью акционерного общества «Ostseebad und Villenkolonie Georgenswalde», и с тех пор курорт этот сделался неузнаваем, стоя на одинаковой ступени с другими курортами Замландской сети».

Новый, построенный в 1912-1913 годах четырёхэтажный вокзал был самым крупным и оригинальным вокзальным зданием Замландской железной дороги. Из-за высокой насыпи, по которой дорога, всего в один путь, подходила к вокзалу, выход к поезду находился на третьем этаже, а вход – на первом. В перестроечное время дизельный поезд на участке дороги далее Светлогорска был снят, колея зарастает, а местами рельсы уже утрачены. Здание вокзала превращено в жилой дом.

Рядом с железнодорожными станциями появлялись водонапорные башни, так как паровозы надо было «поить». Уже с 1830 года в Германии эти строения для таких целей возводились по весьма разнообразным проектам. С начала XX века их формы были унифицированы, представляя собой цилиндрическую ёмкость, расположенную на круглом цоколе.

В 1909 году в Георгенсвальде водонапорная башня была построена по проекту архитектора Фишера. Она отличается редкой для таких сооружений прямоугольной формой с невыраженным объёмом водных резервуаров. Особенностью является её значительная высота – 41м, и наличие двух ёмкостей, для холодной и горячей воды. К тому же вода поступала из подземного термального источника. А со смотровой площадки открывался прекрасный вид на побережье Замландского полуострова. В настоящее время башня по прямому назначению не используется и передана в ведение музея Германа Брахерта для создания в ней экспозиции.

В те же годы на противоположной стороне курорта, над берегом, высота которого здесь достигает почти 50 м над уровнем моря, был построен респектабельный Курхаус Георгенсвальде. Его окружал большой зелёный участок, терраса выходила на прилегающий со стороны моря парк. В парке находилось летнее кафе, где отдыхающие могли любоваться солнцем, опускающимся в море.

С 1947 по 1951 год в сохранившемся здании располагался костно-туберкулёзный санаторий. Но в 50-е годы прошлого века на его верхних этажах случился пожар. При восстановлении оригинальная по форме крыша и мансардный этаж были перестроены в упрощённом виде. В 1961 году в здании Курхауса стал действовать детский пульмонологический санаторий. Кроны елей, посаженные 100 лет назад при постройке здания, теперь высоко поднимаются над его крышей.

После войны в этой части Отрадного были возведены корпуса санатория под таким же названием «Отрадное». В новом главном корпусе и в довоенных строениях отдыхающие получают бальнеологические процедуры, которые сочетаются с различными программами лечения и восстановления. В последние годы это ещё и янтаротерапия!

Мягкий климат, целебный морской воздух, минеральные воды, лечебные грязи и лечебные травы – всё это в сочетании с терренкуром по живописному побережью, делают Отрадное одним из лучших мест отдыха на Янтарном берегу. Долина Отраденского ручья с единственным официальным в этих местах автомобильным съездом почти на пляж ранее была оврагом. К западу, через несколько сот метров ещё один овраг выходит к пляжу. Он носил имя проповедника Детройта (Детройтшлюхт), который восхищался красотой побережья и привлекал к ним внимание.

Особенно необычно смотрится у пляжа Княжий трон – Фюрстензитц. Это своеобразный останец, образованный крутым поворотом оврага, отделившим от нависающего берега треугольную «башню» с площадкой наверху, шириной около метра. Если рискнуть и по крутому склону забраться на вершину, то риск будет стоить того захватывающего вида, что открывается с высоты 50 м. Отраденский пляж в западном направлении становится всё уже, к воде подходят каменистые обрывы.

Море неукротимо наступает на берег, оно его разрушает, поглощает и то, чем человек пытается ему противостоять. Но ещё виднеются остатки бун, которые уже более ста лет назад, как стойкие деревянные солдатики, встали рядами для защиты пляжа. Они тянулись вдоль берега более чем на 25 км от Пальмниккена (Янтарного) до Куршской косы. К ним были добавлены волногасящие опояски из камня или бетона, но и они не остановили размыв пляжей, местами даже исчезнувших.

Как спуститься вниз, так и подняться наверх можно по долинам оврагов. Иногда, чтобы попасть в Отрадное и посетить там музей Брахерта, из Светлогорска отдыхающие предпринимают специальное путешествие по пляжу, вдоль бетонной опояски, а то и по её верхней части. Это интереснее, чем просто преодолеть расстояние в полтора километра по лесной тропинке, идущей параллельно шоссе.

Немецкий скульптор Герман Брахерт (1890-1972) в 1919 году получил приглашение от Школы искусств и ремёсел в Кёнигсберге, где он стал профессором и вёл классы скульптуры. Но занимался не только станковой скульптурой, но и медальной пластикой, ювелирным делом. 20 лет Брахерт был консультантом и дизайнером янтарной мануфактуры.

В Кёнигсберге и в других местах Пруссии были установлены около 20 его монументальных скульптур. Это «Нимфа», с 1938 года радующая своим романтическим обликом всех, кто фланирует по променаду в Раушене-Светлогорске. Правда, в авторский замысел позволили себе вмешаться местные «украшатели», и в 70-х годах XX века к классической бронзе был добавлен ремесленный смальтовый фон.

Из-за непочтительного внимания к мраморной девушке, «Несущей воду», установленной в Лиственничном парке Раушена в 1940 году, пришлось заменить её копией. С 2005 года отреставрированный оригинал экспонируется в Доме-музее Германа Брахерта.

Вилла в Георгенсвальде для семейства Брахертов была построена в 1931 году по проекту архитектора Ханса Хоппа. После Второй мировой войны Брахерт - профессор и ректор академии художеств в Штутгарте, наставник нескольких поколений людей искусства. Его последняя монументальная работа «Ностальгия», в виде символической парящей женской фигуры, установлена в Люнебурге перед музеем «Пруссия».

В 1992 году, через 20 лет после ухода Брахерта из жизни, его дом в Георгенсвальде-Отрадном, превращённый после войны в «коммуналку», был реконструирован. В следующем году в нём был открыт Мемориальный музей, экспозиция которого представляет творческое наследие скульптора и его супруги-фотохудожника Марии Брахерт. 25 лет они жили в Восточной Пруссии. Мария (Мия) фон Вистинхаузен, родившаяся в Санкт-Петербурге, талантливый мастер, оставила бесценное фотонаследие. Прежде всего, это портреты Брахерта, моменты творчества и его произведения. Архитектурные ландшафты и репортажи о культурной жизни Восточной Пруссии, музейные экспозиции и целые серии снимков для «Книги о янтаре», книги «Кёнигсберг» Альфреда Роде - свидетельства жизни и плодотворных трудов в этом доме, снова частично в него вернулись.

Пополняется коллекция скульптур в старом саду, и есть план создания парка скульптур на площади в 10 гектаров. В водонапорной башне должна заработать мастерская, где можно будет вести реставрационные работы и давать мастер-классы по живописи, графике и скульптуре.

Дом-музей стал центром дальнейших поисков наследия Брахерта, имеет связи со специалистами и искусствоведами российских и зарубежных музеев. И в нём случаются чудеса. Из небытия всё ещё появляются работы Брахерта и его учеников, документы и мемуары, растёт число посетителей гостеприимного дома – собирателя красоты Самбии.



# Православие

## Виктор Чернышев

*Чернышев Виктор Михайлович, родился в 1955 году в Туле. Ведущий специалист по вопросам сектоведения и новых религиозных движений на территории Украины. Окончил филологический факультет Тульского госпединститута, Киевскую Духовную Семинарию и Академию. Кандидат богословия, преподаватель Киевской Духовной Академии, профессор КДАиС.. Руководитель информационно-просветительского Центра "Надежда" при КДАиС*

### Брачный пир «племен, народов, языков»

У евангелиста Матфея в 22 гл. с 1-14 стих повествуется о Пире брачном, где Царь - это Бог; Жених - это Христос; посланные звать гостей - это апостолы. Отказавшиеся прийти на Брачный пир под разными предложениями, как реальными, так и вымышленными - это народ иудейский, считавший себя избранным, но позже отвергший Евангелие. Тогда слуги Царя, "вышедши на дороги, собрали всех, кого только нашли: и злых, и добрых". Первые же приглашенные лишь думали о своих личных делах, заботах и удовольствиях. Они проигнорировали призыв Царя и Жениха, ибо так и сказано: "Много званых, но мало избранных". Таким образом, Свадьба - это союз человеческого с божественным: брачная же одежда, как мы видим, представляет характер, которым должны обладать те, кто удостоился быть гостем.

Первые приглашенные не пришли, ожесточились. И даже побили призывающих и в ожесточении сердец своих, даже иных убили. Но были и те, кто пришли в нечистой одежде. Здесь своё недостойство и греховность они воплотили в маску презрения. Св.Иоанн Златоуст по этому поводу пишет: "... Вам нужна не эта златотканная одежда, украшающая тело ваше, но одежда, украшающая душу". С этой цитатой перекликается слово апостола Петра: "Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос и не нарядность в одежде..." (1Петра 3:3). Под одеждой всегда следует понимать дела милосердия. Сохранить его нам нужно на всю жизнь. По этому поводу св. Иоанн Златоуст говорит, что "хотя призвание есть дело благодати, но вот сохранение этой "одежды" зависит от старания самих призванных". Призвание всегда происходит не по достоинству (заслугам), а по благодати. Поэтому и сказано, что "делами не оправдается перед ним никакая плоть..."

Господь всех сегодня нас зовет на брачный Пир. Мы – славяне, ибо нам вручено и Слово, и Слава; отсюда - славяне: "Слава через Слово". Господь зовет на брачный Пир, и по тому гости узнают друг друга, что "будут иметь любовь между собою" (1Кор.13:4).

Где же та любовь? / Где же этот братский славянский союз? Нам думается, что на Западе ковриги слаще. За них продаём своё первородство, как Исав продал его за чечевичную похлебку. Как Адам разменял свободу на запретную снедь.

Для Европы Православие - это экзотический реликт, некое "полуязыческое образование" или просто схизма, которую пока можно потерпеть, а потом истребить до корня. Через свою безкомпромисность и нетолерантность Православие мешает всем. Этого не увидит разве что слепой. Православие - это то, что сохранило апостольское предание в его целостности и подлинности.

Современные политики Украины спешат сегодня в Европу, где их в свою очередь, катают на венецианских лодках с весьма характерным названием, после чего у них наступает тугая амнезия. Причем на всю голову. Св.Феофан Затворник говорил: "Господь

накажет нас Западом". Потому что Запад сеет "в плоть"... А сеющий в плоть, от плоти пожинает тление...

Вот эти "плотьяные" ковриги Запада: содомия, ювенальная юстиция, фетальная терапия, эвтаназия, трупное донорство, гемодифицированные продукты, утилизация ядерных отходов, искусство перформанса, кремация... Продолжить?

Сегодня нас уже учат тому, что педерастия - это норма, что можно подавать в суд на собственных родителей (воспитывать Павликов Морозовых), когда тебя поставили в угол или не дали конфет; что можно отключить жизнеобеспечивающий аппарат по усмотрению врача и с согласия клиента; что можно взять органы твоего тела, чтобы восполнить их недостаток богатому инвалиду - что ведет за собой рост насильственных преступлений. И это только начало.

Недавно перечитывал поэзию Анны Ахматовой и наткнулся на строки, очень созвучные нашим дням. (простите за небольшой перифраз):

Ты - отступник: за остров зеленый  
Отдал родную страну.  
Наши песни и наши иконы  
И над озером тихим сосну.

Для чего ты, лихой донетчанин,  
Коль еще не лишился ума,  
Загляделся на рыжих красавиц,  
На роскошные их дома.

Так теперь и кощунствуй, и чванься,  
Православную душу губи,  
В королевской столице останься  
И свободу свою растопчи.

Что ж теперь ты приходишь и стонешь  
Под высоким окошком моим?  
Говорил, что ты "в море не тонешь,"  
Через НАТО в бою "невредим".

Да, не страшны ни море, ни битвы  
Тем, кто сам потерял благодать.  
Оттого-то во время молитвы  
Ты попросишь тебя поминать.

Так растоптана была свобода - печать нашего богоподобия. Из пира Евхаристии, где собраны были "племена, народы и языки" славянского православного ареала, гости стали постепенно уходить в чужие "роскошные дома", предпочтя Господней трапезе офшорные зоны, виллы, яхты, отели и шелест зеленых купюр... Но все произойдет ровным счетом наоборот, по слову Господнему, обращенному к согрешившему Израилю: "се, оставляется дом ваш пуст." (Мф.23:38) и "Не собирайте себе сокровищ Ваших на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают и крадут ибо, где сокровище ваше, там и будет сердце ваше".

Все остальное может меняться. Только Христос остаётся неизменным. В бездонном океане человеческих страстей Он один стоит спокойно и твёрдо, готовый приветствовать всех, кто обратится к Нему и примет благословение безопасности и мира

## Мария Титенич

*Мария Ивановна Титенич родилась в 1965 году во Львове. Закончила факультет журналистики Львовского государственного университета им. И.Франко и Высшие режиссерские курсы в Москве, Киевское училище культуры, факультет хорового дирижирования. Более 15 лет работала режиссером Львовской государственной студии телевидения, являясь одновременно автором своих телевизионных работ: "Высокий замок надежд", "Манускрипт", "Голгофа", "Гряди в моей Украине", "Лемковские перепевы", "Атака". Член Союза журналистов Украины.*

## Протопресвитер Гавриил Костельник (1886 – 1948). От католицизма к православию

В этом году исполнилось 65 лет со дня мученической кончины приснопамятного протопресвитера Гавриила Костельника, идеолога присоединения галицких униатов к Русской Православной Церкви.

Из беседы с правящим архиереем Львовской епархии епископом Львовским и Галицким Филаретом:

- Ваше Преосвященство, как Вы оцениваете значение личности о. Гавриила Костельника для нашей Церкви,

- Еп. Филарет: К сожалению, в современном общественном сознании укрепляется точка зрения, что Галичина – Червонная Русь – не только не православная, но и «антимосковская» территория. Это тем более прискорбно, что наш край является родиной для многих святых и христианских сподвижников, которые не только духовно окормляли галичан, но внесли большой вклад в становление и укрепление всей Русской Православной Церкви. Червонная Русь находится на границе нашего духовного пространства, поэтому неудивительно, что на протяжении столетий эту землю сотрясали расколы и кровавые межрелигиозные конфликты. Смешение религиозных и политических интересов, да и просто человеческие пороки иногда не позволяли находить решения возникающих конфликтов. Однако наша земля всегда рождала подвижников, таких как протопресвитер Гавриил Костельник. Его пример может многому научить нас: духовной целостности, стойкости, верности традициям и готовности до конца стоять за свою веру.

Символично и неслучайно само место рождения о. Гавриила Костельника – небольшое русинское село Русский Керестур, в переводе – Русский Крест (бывшая территория Южной Венгрии, затем – Югославии, ныне – Сербии). Здесь 15 июня 1886 года семье Федора Костельника и Анны (из дома Макай), предки которой были переселенцами из Закарпатья (середина 18 столетия) Господь даровал младенца Гавриила (Габора, Гавро), наделив его многими талантами. Он один из шестерых детей получил высшее образование, защитив два доктората (по богословию и философии).

Еще во время учебы в Виньковской и Загребской гимназиях Гавриил Костельник внимательно присматривается к жизни католической митрополии, анализируя явления, происходящие с православными после принятия ими унии. Изредка он посещает и православный храм, навсегда пленивший впечатлительную поэтическую душу юноши непревзойденной красотой восточного богослужения.

Именно на это время приходится и первые поэтические опыты юного Костельника. В 1904 году он пишет известному галицкому этнографу и общественному деятелю Владимиру Гнатюку: «Сам не знаю, как это случилось, но в прошлом году (когда мы в гимназии изучали поэтику) снизошло на меня вдохновение к поэзии – и, так как никто тогда и подумать не мог: по-русски, то есть на моем «мацеринском языке»... Сначала было тяжело, так как ни грамматики, ни книг на нашем наречии нет, не на что было опереться...» Владимир Гнатюк, благодаря своим экспедициям в Бачку в 90-х годах XIX ст. и научным публикациям, фактически спас бачванских руснаков от забвения. Совместно с русским лингвистом Александром Шахматовым он в том же 1904 году по-

могает Костельнику издать в Жовкве (Галиция) первый поэтический сборник «Из моего села» на бачванско-сримском диалекте.

В 1906 году, в начале учебы в Загребском университете, Костельник знакомится с Франем Марковичем – профессором философии на возобновленном философском (мудрословном) факультете. Уже в следующем году при поддержке маститого профессора выходит первый поэтический сборник Г. Костельника на хорватском языке «Романсы и баллады» («Romance i Balade», Загреб, 1907).

Следовало ожидать, что, имея такого покровителя, Костельник продолжит трудиться на ниве хорватской культуры. Однако он решает стать священником. Ректор греко-католической семинарии, будущий епископ югославских униатов, Дионисий Няради, одобряя устремления всесторонне одаренного воспитанника, при поддержке митрополита Андрея Шептицкого в 1907 году направляет Костельника продолжить образование во Львовской духовной семинарии. Незадолго до своей мученической смерти в работе «Священник наших времен» (Львов, 1946) о. Гавриил так напишет об этом своем выборе: «Хоть я и чувствовал себя полухорватом, однако хотел писать для моего русского народа (наименование «украинец» тогда еще не было нам известно), но еще не думал, что останусь в Галиции. Мне лишь интересно было посмотреть, что там такое в Галиции? Русинское самосознание распирало меня, чтобы лучше самоутвердиться».

По окончании Львовской духовной семинарии Гавриила Костельника как одного из самых одаренных студентов направляют для дальнейшего обучения во Фрейбургский университет (Швейцария), который он оканчивает с отличием и степенью доктора философии. Тема диссертации: «Об основных принципах познания» (на латинском языке). Научный интерес к вопросам в области логики, теории познания и психологии Костельник сохранит на всю жизнь. Синтезом всех своих философских изысканий он считал труд «Логика». В работе есть разделы, посвященные не типичным для логики вопросам и относящиеся, скорее, к области метафизики. Рассматривается проблематика взаимодействия души и тела, проблематика чуда и даже явления парапсихологии (например, стигматизация). Кстати, в одной из фундаментальных работ Гегеля «Наука логики», метафизика также рассматривается как составная часть логики. Возможно, Г. Костельник, по примеру Гегеля, намеревался написать свою «Большую логику».

Академик Юлиан Тамаш указывает на то, что Костельника не могла не заинтересовать деятельность Львовско-Варшавской школы аналитической философии. Так, Казимир Твардовский открыл возможный путь к примирению веры с наукой благодаря своему интересу к экспериментальной психологии, теории познания и логике. Эти идеи были созвучны взглядам Костельника, считавшего, что вера и наука не противоречат друг другу, а напротив, взаимодополняются. Однако сам Костельник, очевидно, из идейно-религиозных соображений в своих философских трудах практически не ссылается на представителей этой школы.

В 1936 году на Всеправославной конференции в Афинах было положено начало неопаламизму – богословскому движению за возрождение учения святого Григория Паламы. В его основе учение о различии между непостижимой Божией сущностью и Его энергиями, доступными человеческому познанию и непосредственно участвующими в освящении (деификации) человека. Насколько это философское движение, отразившееся, прежде всего, на восточной патристической христианской традиции, было созвучно творческим поискам Костельника, опирающегося, в первую очередь, на достижения ядерной физики и других естественных наук, – тема отдельного исследования.

Сам Костельник отмечал, что на Востоке его, прежде всего, привлекал «сильный восточный индивидуализм». Отсутствие индивидуализма и самостоятельности, по мнению Костельника, составляло главную проблему греко-католиков: «Это вечная болячка нашей Церкви – внутренняя неопределенность, несамостоятельность в жизни, слепое и неограниченное подчинение чужим влияниям». Такая неопределенность, как утверждает Костельник в работе «Новая эпоха нашей Церкви» (Львов, 1926), не способствует творчеству, не может принести никаких плодов на ниве философской и богословской мысли. Со времени введения унии почти вся богословская литература греко-католической Церкви была лишь плагиатом произведений римо-католических теологов.

Но вернемся от этих философских обобщений к рассмотрению дальнейших вех жизненного пути Костельника. Итак, молодой доктор философии возвращается в 1913 году из Швейцарии во Львов. В этом же году, после женитьбы на дочери директора Перемышльской гимназии Элео-

норе Риттер фон Зарицкой, он вначале рукополагается в сан диакона, а затем – священника. Много лет спустя в вышеупомянутом сочинении «Священник наших времен» Костельник признается, что долго привыкал к Галиции, и если бы не женитьба, то, вероятно, не удержался бы там.

События Первой мировой войны вынуждают Костельника покинуть Галицию и временно перебраться в родной Русский Керестур. Весной 1915 года он начинает писать хронику, посвященную истории русинов не только в Русском Керестуре, но и на всей территории бывшей Югославии.

«Керестур – как наши руснаки говорят – всем руснакам мать, всем руснакам голова». Такими словами начинается хроника Костельника. Доктор Янко Рамач считает, что такая высота помыслов людей, столь долго пребывавших в тяжелом материальном и этнически-культурном положении, – это есть феномен, заслуживающий изучения не только с точки зрения истории, но также социологии и психологии. Откуда такое название – Русский Крест, не зависящее ни от политических веяний, ни от перемен названия самого государства?! Что символизирует собой этот Русский Крест? Знают ли об этом сами русины? И хотят ли знать так, как стремился к этому Костельник?...

В 1924 году отец Гавриил пишет стихотворение «Ослепленный соловей», которое профессор Юлиан Тамаш назвал парадигмой исторической судьбы русинов Бачки: утратив исторические ориентиры, они лишь могли, как ослепленные соловьи, сильнее возносить глас о смысле существования в потемках истории. «В иных краях есть обычай ослеплять соловья в клетке, чтобы красивее пел». Это разъяснение сам Костельник дает как сноску для толкования названия стиха. О каком ослеплении речь? К какому утешению для себя и своих кровных земляков стремился отец Гавриил? Конечно же, к духовному. К тому, которое может дать лишь Господь, Творец всего сущего:

«Песня моя, песня Богу!  
Скажи Творцу, что я Его ищу и тоскую о Нем.  
Понимаю страдания первых христиан,  
их жертвой и мы ныне живем.  
Великое дело Ты сотворил из их мук!  
Сотворишь ли его и из наших?  
Избрал ли Ты нас на твердый сей камень?»  
(«Песня Богу. Вечная драма человека». – Львов, 1922. – 205 с.)

С 1920 до конца 1929 года отец Гавриил, будучи главным редактором журнала «Нива», ощутил потребность «выработать в себе ясный взгляд на все происходящее, коль скоро довелось вести других за собой».

Тем временем сама жизнь вынуждала греко-католиков глубже задумываться над дальнейшей судьбой унии. После заключения Рижского мира в 1921 году к Польше были присоединены православные земли Холмщины, Волыни и Западной Белоруссии. Для православных там сразу же наступила тяжкая година исповедничества.

Для о. Гавриила и его единомышленников, которые «приходили к трезвому разуму», наступает время освобождения от латинского мировоззрения. В 1925 году Костельник совершает поездку в Рим. Пышный папский Рим навсегда стал чуждым его сердцу. Оно раскрылось в искреннем молитвенном подъеме лишь в православном храме Загреба, знакомом ему еще с юности, который он посетил, возвращаясь домой. Как потом вспоминал о. Гавриил, там он пережил незабываемые мгновения глубокого сущностного единения с восточным православием.

В «Ниве» и других изданиях о. Гавриил все чаще выступает в защиту греческого обряда в униатском богослужении, настаивает на очищении унии от исторических латинских наслоений.

Большой резонанс имела статья Костельника «Я так думаю», опубликованная в «Ниве» (1927), где решительно осуждается усвоенный униатами у католиков обычай служить Литургию на изготовленных впрок и засушенных Агнцах.

В следующем году о. Гавриил встает на защиту существенной части восточного чина Божественной литургии – призываний Святого Духа на освящаемые Дары, или так называемой «эпиклезы». Издание книги «Спор об эпиклезисе между Востоком и Западом» повлекло для о.

Гавриила очень серьезные последствия, в частности, снятие с должности редактора «Нивы». Митрополит Андрей Шептицкий берет его под свой непосредственный надзор. На епархиальном соборе 1943 года отец Гавриил открыто выступает с критикой Ватиканских догм. Митрополит, резко прервав оратора, лишил его слова. Костельник покинул собрание. С того времени он углубленно исследует и разрабатывает тему истоков унии, все более сближаясь с Православием.

«Сам Бог знает, – писал впоследствии Костельник, – чего я натерпелся духовно в те времена... Меня терзала печаль о моем бесталанном народе, и занялся я исследованием католицизма, унии и православия на основании первоисточников (Соборов, папских посланий) и написал целую серию книг на эти темы, чтобы мой народ смог узнать истинную правду, если Бог даст когда-нибудь увидеть свет моим трудам» («Апостол Петр и Римские папы, или догматические основания папства», Львов. 1945). Эта работа была завершена еще в 1931 году.

Подробное исследование о святых Кирилле и Мефодии о. Гавриил сделал вскоре после выхода в свет брошюры на эту тему, изданной вышеупомянутым епископом униатов Югославии Дионисием Няради. К 30-м годам следует отнести и остальные сочинения Костельника на эту тематику: «Развитие папства в первых пяти веках», «Непогрешимость папы и Римской Церкви», «Примат Латинской Церкви и униатские Церкви», «Как римские теологи воюют».

Все перечисленные сочинения Костельника и по сей день не утратили своей актуальности. Они дают неоценимый базовый материал по экзегетике, догматике, канонике, истории, литургике и других областях церковной науки; документально знакомят читателей с истоками и историческим развитием всего того, что в XI веке разъединило Римскую церковь и Вселенское Православие. В трудах Костельника читатель также найдет обстоятельное разъяснение причин и условий, способствовавших возникновению новых католических догматов, развитие на Западе нового церковного порядка на основе трех римских приматов (папы, Рима и Латинской церкви). Наконец, сочинения Костельника раскрывают психологию собственно католичества, суть римской редакции христианства.

История и живой наглядный опыт современности засвидетельствовали, что уния в Украине, созданная усилиями Рима, польского правительства и латинского епископата, стала национальной и церковной трагедией.

В апреле 1945 года Костельник обнародовал заявление, в котором утверждал: «Я был униатом и утратил достоинство пастыря, я был националистом и потерял достоинство человека, но этого мало. Национализм осиротил меня и мою жену. Мы стали несчастными родителями... В нашем крае нет семьи, которая бы не оплакивала какую-нибудь жертву национализма. Мы говорим национализму – довольно крови! Мы говорим унии – довольно позора!»

Я представляю тех священников нашей церкви, которые видят свою цель в том, чтобы порвать с Римом и уничтожить позорную Брестскую унию. Таких священников в нашей церкви большинство. Кое-кто из них склонен к оглядке «на лес» – на бандеровцев, мол, что скажут «лесовики». И мы знаем: из леса нам будут угрожать, знаем – нас ждут всевозможные трудности, нужда и даже опасность – об этом позаботятся выкорыши Рима, душепастыри «лесовиков». Но мы не боимся...»



## Писатели о журнале

---

---

### Александр Грибков

Я понимаю, как нелегко делать журнал - сколько это требует времени, сил, нервов. Но у Вас, судя по всему, есть - и силы, и талант издателя. Нет ощущения, что материал проходной. Все по делу. Я полагаю, что этот номер (не знаю, как последующие) вполне на уровне нынешних «Нового мира», «Москвы», «Звезды». А потому желаю Вам и Вашему журналу дальнейших успехов. Ведь мы делаем не только для себя, но и для Бога. А потом я твердо убежден, что и читатель, заинтересованный, откликающийся, сопереживающий, будет. Если не в России, то где?

### Сергей Угренинов

Поздравляю всех равнодушных к русской литературе с выходом нового литературно-художественного и общественно-политического журнала «Берега». Мне нравится та работа, которую проделал авторский коллектив во главе с главным редактором журнала Лидией Довыденко. Богатство рубрик, тем, представленных материалов делает журнал солидным, интересным широкому кругу читателей. Рад, что удостоился чести стать одним из первых авторов этого замечательного издания.

### Георгий Набатов

Все-таки это должно стать поворотной вехой в литературной жизни. Такой момент давно назрел, чтобы в регионе был настоящий литературный журнал. Все, что было раньше, увы, не выдержало испытания временем и читательским интересом.

### Виктор Геманов

Не буду повторяться и многословить: сделано доброе дело - сделано добротнo, внушительно, серьезно. Дай Бог нам в дальнейшем не испортить "борозду" нашего начинания. И, главное, не почить бы на лаврах первых прекрасных отзывов, не успокоиться достигнутым. Впереди огромное неводеланное поле назревших идей и проблем, кои мы видим, ибо призвание наше таково.

### Олег Корниенко

Каждый день захожу на РосПис" и радуюсь, какой яркой получилась презентация Вашего журнала. «Берега» стали маленьким событием и в моей жизни.

## Критика

---

---

### Вячеслав Лютый

*Родился в 1954 году в городе Легница (Польша) в семье советского офицера. После окончания Воронежского политехнического института работал радиоинженером, служил в армии. В 1993 году окончил Литературный институт имени М.Горького – семинар критики, учился в аспирантуре. Литературный и театральный критик, публицист, автор ряда статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии. Автор книги статей о современной литературе «Русский песнопевец» (2008). Ответственный секретарь и заведующий отделом культуры и современных проблем журнала «Подъём». Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.*

### МАТЬ-И-МАЧЕХА

*(Город в поэзии Дианы Кан)*

Станьте вы, горы, по-старому...  
*Стих о Егории Храбром*

На родину, которой одиноко,  
Спешу я, под собой не чуя ног.  
*Д Диана Кан*

Мать-и-мачеха – многолетняя трава с яркими жёлтыми цветами и большими листьями, одна сторона которых пушистая, кажущаяся тёплой при прикосновении к руке, к лицу (мать!), другая – гладкая, холодная (мачеха!).

*Толковый словарь русского языка*

В современной русской поэзии пространство города неуклонно расширяется. В отличие от более консервативной деревни, город проявляет себя в культуре, ломая традиции прошлых веков и утверждая собственный закон, который при всех его просвещенческих достоинствах может быть поименован как «анти-традиция».

Вместе с тем, город – главнейшее звено государства, и это нужно воспринимать как задачу, обязанность, социально-культурную функцию, которую необходимо не только исполнять, но и в полной мере ей соответствовать.

В поэзии городская лирика в последние годы ушла в интеллектуализм, накопление бытовых примет частной жизни, в отчаяние одинокой души – и, по существу, в изгнание любящего сердца из пределов дисгармоничной реальности. О важнейшей заботе города, призванной объединить малые и дальние земли, расширить местные пространства до границ «земли русской» в поэзии речь идёт довольно редко и, как правило, вполне декларативно. словно бы ушло ощущение просторов необъятной родины и возобладало своего

рода местничество, которое, перефразируя историческую терминологию, можно назвать «патриотической раздробленностью».

В отличие от города, неотделимого от собственного имени, деревня во многом лишена тщеславного «яканья» и в значительно большей степени может восприниматься как малая часть родной земли и её полноправный представитель. В песне ли, в стихотворении – ведущий речь не «о себе любимом», но о корне народном, который пронизывает русскую почву от севера до юга и от востока до запада.

«Деревенская» и «городская» современная отечественная поэзия соседствуют одна с другой, но их приметы совершенно не сливаются, не переплетаются тематически и пейзажно, нравственно и социально. Город увлечён деструкцией современного сознания, деревня всё более отдаляется от государственной риторики и погружается в самое себя. Психологические пограничные линии, отделяющие горожанина от деревенского жителя, становятся всё более жёсткими. Они могут восприниматься как духовные трещины русской цивилизации, как симптом разрушения общей нравственной традиции и знак возможной гибели русского мира. В этих обстоятельствах на художника ложится бремя метафизической ответственности за развитие событий. Он может и должен сдерживать разрушительные процессы, будто обручем, стягивая своим талантом города и веси, воспринимая родину как единую и неделимую, как пространство, в котором вся душа его изначально растворена.

В этом контексте поэзия Дианы Кан предстает как явление уникальное. Практически весь корпус её стихотворений связан с русским простором. Реки, леса, поля, горы, монастыри, посёлки, большие и малые города, столицы – надо всем этим многообразием будто парит взор автора, опускаясь подобно птице в своё гнездо и осваивая окрестности. Однако города в стихотворениях Кан показаны не только ярко, выразительно – их облик обладает собственными духовными характеристиками, социальными повадками, душевными пристрастиями. Используя олицетворение, поэтесса наделяет город узнаваемыми человеческими чертами и создаёт портрет поразительной психологической глубины. В памяти читателя такой образ остаётся как живая фигура, отчётливая и незабываемая. Наряду с реальными людьми, «живые города» участвуют в житейских коллизиях и совершают поступки, которые отражаются в зеркалах истории и мифа. Лирическая героиня беседует с городами порой очень жёстко, иногда – сочувственно, прощая прошлые личные обиды.

Стихотворений, связанных с темой города, у Дианы Кан около трёх десятков. В них соединены пядь земли и государство, чувство почвы и звание столицы. Связывает стихи в одну тематическую линию, главным образом, биография автора. Маленький провинциальный азиатский город, где прошли детство и юность; Оренбург, окрашенный впечатлениями молодости; Москва как литературный мегаполис, место учёбы и творческого взросления; Самара, где окреп талант, появилась семья; Санкт-Петербург как старый имперский центр на карте России...

Маленькие города уже укладом своим склоняют жителей к трезвости ума, житейскому рационализму. В провинции героиня «научилась терпенью и мужеству», «научилась не петь, не упрямиться и не видеть несбыточных снов...». Однако здесь мечта укрыта от постороннего взгляда во внутреннем мире юного сердца: «в тридевятом – моем! – королевстве так высоко плывут облака». А в отсутствии снежной белизны, которая сойдёт весной, «ничего не останется в этом городе душных ветров» – ничего, что хоть как-то похоже на идеал.

Спустя годы она возвращается сюда и, словно пытаясь преодолеть барьер прошедших лет, переодевается «в штопаное штапельное платье <...> что хранится в стареньком комодке»: «южный город на семи ветрах, принимай меня в свои объятия!...». Однако слияния давней юности и настоящего времени не происходит, поскольку началась совсем иная жизнь, для которой теплота, братство утратили прежнее значение: отвергнуто «всё, что в нашей молодости было, где братались русский и узбек, отворяя голубые жилы». «Статный и везучий» по нынешним временам, родной когда-то город отделяет себя от героини, вцепившись «в подол яростной верблюжьей колючкой», напоминающей пограничную проволоку. Упрекая его в отчуждении и жадности, в забвении давнего единения, лирическая героиня говорит от лица щедрого на труд и дружбу русского человека. И здесь – не упрёк узбеку, а самоопределение автора.

Приехавшая «гостьей в детство», она чувствует себя лишней в распорядке, который продиктован простыми бытовыми заботами. Тем не менее, в них есть небесная ширь и высота: в зоне прямого доступа, чтобы можно было, попросту говоря, дотянуться рукой. «В узеньких арыках весела вода» – это образ животворящей влаги, хранительницы жизни, что так свойственно засушливому востоку. Но также и образ скромной колыбели будущего художника, у которого потом всё станет другим – и широта, и высь, и духовное чадородие...

В маленьком городке как-то странно соседствуют замкнутость и готовность довериться приехавшему. Здесь есть терпение, необходимое для «примерки» пришлого к себе, себя – к пришлому.

*Захудалое чахлое деревце –  
Дочь скупых каракумских пустынь –  
Здесь джида со мной ягодой делится,  
Руку робкую тянет полынь.*

У Дианы Кан внутреннее отношение к городу охватывает почти всегда целый спектр чувств. Творческое одиночество художника, погружённого в житейские заботы, обычные для глубинки, проговаривается с несомненной горечью. Простые люди этих мест упоминаются всегда с добротой. И словно воспаряя над скромным поселением, поэтесса с удивительной нежностью пишет:

*Городок обетованный!  
Пусть тебя на карте нет,  
Здесь восходит несказанный  
Победительный рассвет.*

Она уподобляет горстку домов и улочек ребёнку («ты по-детски сладко спишь»; «ты обиженно бормочешь, разметавшийся во сне»; «не затепливай окошки – подрастёшь, авось, во сне»). Торжество рассвета становится и образом раскрывшегося таланта поэтессы, и знаком возрождения России через провинцию («здесь восходит»).

Примечательно, что многие стихотворения Кан имеют, казалось бы, локальную привязку к местности и событиям, негромкое звучание. Но с течением времени её творчество наполняется невероятным множеством примет, укрепляется художественная толща созданного автором. И эти отдельные, конкретные штрихи и детали приоткрывают своё отвлеченное значение – символическое. В них будто возникает какая-то новая прозрачность и мелодичность, слова стихотворения обретают надмирное эхо, одновременно сохраняя связь с земным, реальным и дорогим миром. Стихи словно становятся на свое ме-

сто в расширившейся поэтической вселенной, обретая объём, в котором каждое стихотворение может существовать без утеснения другими.

Впечатление разлетающихся галактик после Большого Взрыва, когда пространство развернулось, время начало свой ход, жизнь стала являться повсеместно в разных формах. И целое получило возможность сообщать частному универсальные черты...

В стихах Дианы Кан слово «родина» соединено с городом Оренбургом, где произошло её рождение как русской поэтессы. Заметим, узбекский Термез, где она появилась на свет, практически никогда не сочетается с этим корневым понятием, но упоминается в стихах как место, где прошли детство и юность. С Оренбургом связаны многие коллизии стихотворений Кан, в центре которых её литературное становление, взаимоотношения с творческой средой, восприятие своего рода «повадки» города, его пейзажи, любовь, боль. Как правило, оренбургские строки у Кан – возвращение в прошлое, воспоминание, в котором всё, что было прежде, предстаёт в кристальном виде. Упрёк и сердечность звучат почти одновременно, как в семье, когда доброта сменяется обидой, однако родной круг не разрывается.

*На родину, которая до срока  
Сказала мне: «Вот Бог, а вот – порог!..»,  
На родину, которой одиноко,  
Спешу я, под собой не чуя ног.*

*Туда, где сладкозвучнее сирены,  
Те, кто мне был когда-то в душу вхож,  
Где друг мой Хомутов, с лицом гиены,  
Всё точит на меня свой ржавый нож.*

Стоит отметить важные акценты в этом своеобразном подведении итогов минувших лет:

- родина была жестока с героиней («вот Бог, а вот – порог»);
- у героини противоречивый характер и отходчивая душа («я сама всему виною»; «ещё душа моя светла»; «я не умела долго помнить зла»);
- родине одиноко, и героиня возвращается («спешу я, под собой не чуя ног»);
- на родине героиню встречают литературные льстецы и конформисты («сладкозвучнее сирены те, кто мне был когда-то в душу вхож»; Хомутов «точит на меня свой ржавый нож»);
- на родине остались только печальные воды реки, могила матери («слезою вспять седой Яик течет»; «над могилой мамы – звёзд мерцанье»);
- «всё остальное, право же, не в счёт».

Будучи во многом жёсткой в оценках, героиня стихотворений Кан, в конечном счёте, всегда оказывается участливой и отзывчивой. Подобно матери, она как бы «удочеряет-усыновляет» своих прежних соперников и даже, условно говоря, «старших братьев» и «сестёр». Так бывает в лихолетье, когда дети остаются одни, и кто-то из них принимает на себя бремя общих забот.

Это скрытое, по штрихам только угадываемое «материнство» – существеннейшая черта поздней лирики поэтессы («самое женское в мире занятие хлебные крошки сметать со стола»; «детские слёзы в подол собирать»). Оно объёмлет собою и суровые замечания, и ласку обиженному или маленькому (теперь уже – «маленькому», в сравнении с нею).

Лирическая героиня стремится покинуть олицетворённую малую родину («мой город степной на полынном просторе»), но при этом заботливо беспокоится:

*Не слишком ли быстро, однако, бегу?..  
А вдруг ты однажды меня не догонишь –  
На льду оскользнёшься, увязнешь в снегу,  
Пургой захлебнёшься, бураном застонешь?..*

Мотив «ухода-возвращения» распространён в городской лирике у поэтов, покинувших отчий дом в деревне. У Кан знакомая тема развивается совершенно иначе: героиня оставляет «точку на карте» и уходит в огромные пределы страны – всей русской земли, не боясь потеряться в многолюдье и просторе. Потому что её внутренний, «экзистенциальный» рост уже не только равен «величине-высоте» города, но и превышает его: героиня жалеет свой прежний городской мир, который прославили её стихи. В свою очередь, тот сетует на неё, почти зеркально повторяя прошлое, когда юная поэтесса с горечью предьявляла ему свои упрёки.

Заводя речь об Оренбурге, Кан выделяет в нём две очень важные удручающие черты, которые, пожалуй, характерны и для всей России: самовластное «ханство» и мелкотравчатое «хамство». Поэт для среды, пронизанной подобными приметам, фигура неудобная и избыточная. Его внутренняя свобода в координатах чванства и мешанства будто уличает их носителей в ложном устройении собственной и окружающей жизни.

*О, как они едины в этот миг –  
И хам, и хан, клеймящие поэта...  
Увы, мой город, вовсе не из книг  
Мне довелось узнать однажды это!*

В оренбургских стихах Кан почти всегда обращается к родным местам не иначе как «мой город» и жалеет его, как живое, страдающее существо, зажатое в пыточных, раскалённых клещах «меж пошлым хамством и надменным ханством». Эти два ненавистных обстоятельства терзают отчий край из года в год, из века в век. Художник, не отрекаясь от горьких слов, «обнимает» родину своей затаённой любовью, растроганно говорит о ростках чистоты и искренности, которые видны в детях нового времени, продолжающих традиции «эпохи верности старинной»:

*Неплюевский кадетский корпус.  
Весна. Присяга. Оренбург.*

*...Пусть честь и доблесть, и победа  
Ведут по жизни сыновей,  
И чепчики взмывают в небо  
Искристой стайкой голубей.*

*Где светом радужным лучится  
Душа воскресшая Христа...  
Она, святая голубица,  
Как Русь цветущая, чиста!*

Тут и достоинство кадетов, и чистота девичества («восторженный девичий возглас»), и скрытая мысль о хрустальных точках в пространстве России, в которых сохранена в качестве духовного идеала Святая Русь. Причем, высота этого древнего русского понятия непререкаема и сопоставима с Христовой истиной («душа воскресшего Христа <...>

как Русь цветущая, чиста»). А процветание родины напрямую связано с её «воскрешением», когда всё низкое в её облике будет отринуто и избыто.

Оренбург для Дианы Кан стал слепком с облика современной России. Детали этих мест вошли в душу автора одновременно с первыми стихами, накрепко связав её с той пядью земли, от которой началось глубокое, непрерывное вращение поэтессы в русскую культурную и духовную почву.

Она постоянно ведёт беседу со своим городом:

– «мой город степной на полынном просторе»;

– «мой город – мой данник и кровник, и брат»;

– «увы, мой город»;

– «мой город, как ты без меня»;

– «мой Оренбург, ну в чём ты виноват».

Перед нами – отношения близкие, когда стойкая душа способна преодолеть ссору и восстановить разорванные связи посредством собственной воли. В данном случае – воли художественной.

Когда речь заходит о Самаре, Москве ли, Питере, о современной России как таковой – гнев и нежность авторской речи свидетельствуют, в первую очередь, о её родовых акцентах: разговор идёт между своими, о своём и ради своего. Всё остальное может быть только в качестве следствия этого «глубинного» диалога, в ходе которого выстраивается, в частности, и отношение к внешнему собеседнику, условно говоря, «не-своему». Между тем, чаемая гармония внутренних взаимосвязей неизбежно приведёт к доброжелательности всех иных контактов. И здесь – отличие от распространённых сегодня поношений России, главный источник которых – восприятие её в качестве временно актуальной территории, но не родины, единственной и любимой, несмотря ни на что.

У Дианы Кан образ города всегда подразумевает его обитателей, хотя порой замечает их, отодвигая на второй, общий план, и «очеловечивается», вбирая в себя многие частные черты характеров. Сравнительно редко город превращается в отчётливые декорации, на фоне которых разыгрываются людские коллизии.

Осенний выбор невелик...

Кто там лицом к стеклу приник,

Расплющив нос курносый?

Неужто это наша дочь

Наивно хочет нам помочь,

С окна стирая слёзы?

Только то, что связано с героиней, здесь может видоизменяться, подобно шали, превратившейся в утренний снег – все остальные образы привязаны к сюжету стихотворения. Они могут быть развёрнутыми, однако способности к метаморфозам у них нет. И этот небольшой смысловой штрих содержит скрытое указание на возможности героини влиять на пространства и явления.

Однако перед читателем – камерная картина. Как правило, Кан стремится к сценам протяжённым, многофигурным, разнонаправленным – по авторским акцентам, попутным репликам. Для неё важно ощущение большого пространства, из которого она может приходить в пространство малое и обживать его. Такое возвратное движение позволяет поэтессе сопрягать объективное и личное и воспринимать родную землю во всей её широте и узнаваемой конкретности.

В стихотворениях Дианы Кан самых разных лет то явно, то исподволь звучит тема первородства. Для нынешнего времени, когда рынок стремится представить нравственный закон как что-то умозрительное и искусственное, такое внимание поэтессы к понятию библейскому оказывается и охранительным по отношению к своей земле, и в какой-то

степени наступательным – в координатах духа. По существу, эта тема связана с непрерывностью жизни, её смыслом и системой ценностей.

*В междуречье Самарки и Сока,  
Своевольем своим знаменит,  
Закалённый ветрами с востока,  
Избочась, гордый город стоит.*

*Задохнувшись в пути от удушья –  
Так спешили! – Самарка и Сок,  
Прибывавшие из Оренбуржья,  
Вопрошают: «Ну, как ты, сынок?..».*

*Мрачно буркнет: «А вы что-то долго.  
Да, к тому ж, обмельчали вконец.  
Полноводная тётушка Волга  
Мне отныне и мать и отец.*

Перед читателем разворачивается сюжет почти житейский:

- отец-мать спешили к сыну;
- сын упрекнул их и отрёкся от родной крови;
- сын избрал в родители влиятельную фигуру;
- отец-мать онемели от печали;
- сын со временем постарел и отказался от вчерашней значительной родни;
- сын старается «прилепиться» к новой знатной персоне;
- у сына приметы прожитой жизни комичны и нелепы.

На примере действующих лиц автор, практически, дал картину современной России, пренебрегающей собственными корнями и достоинством, кланяющейся западному уважаемому миру. Свободно написанная история склоняется к народной сказке. И это приметы сознательно выбранной интонации – ненавязчивой, лишённой декларативности и дидактики и определённо сплетающейся с притчей, имеющей универсальное смысловое поле. Стихотворение геополитического ракурса, который дан простыми средствами. Поэтому поэтическое письмо Кан здесь заслуживает более пристального внимания.

Уже в самом начале сюжета поэтесса в четырёх строках представляет читателю характеристики города:

- географическую («в междуречье Самарки и Сока»);
- историческую («закалённый ветрами с востока»);
- по репутации («своевольем своим знаменит»);
- по реальному нраву («избочась, гордый город стоит»).

«Избочась» – чрезвычайно важная реальная черта города, отчасти показывающая и рассказчика, его угол зрения. Не отказываясь от собственного видения, Кан соединяет личное с общим, тем самым объективируя картину и олицетворённого героя. В результате портрет города не кажется частным «высказыванием» портретиста.

С теплотой воплощены в стихотворении образы рек Самарки и Сока. Будто оправдывая свою фамилию и биографию, поэтесса представляет их, «прибывавших из Оренбуржья», в виде хлопотливых любящих родителей, старомодных и простосердечных, потрясённых отречением сына («задохнувшись в пути от удушья – так спешили!»; «ну, как ты, сынок?»; «молча слушали горькие речи»; «в чём их вина?»).

В момент отказа потомка от кровных уз материнства и отцовства первый раз звучит подчёркнуто собственный голос автора: «Междуречье моё, междуречье: меж речами

царит тишина». В этом приглушенном вздохе – молчание, павшее на землю после отречения сына от родителей; нравственное «отсутствие» родового звена-города в пространстве между реками; порушенное чувство преемственности поколений – беда сегодняшней России.

Впоследствии город, взявший себе родство «достославное», но не получивший предполагаемых выгод и «талым снегом умывшийся», начал присматриваться к иным вельможным именам – будто продолжая прежнее отречение и утверждая собственное «своеволие»: «европейские шпили вознёс» – «азиатски горит куполами». И заключительные строки автора – «тяжело удержаться от слёз» – как будто продиктованные взглядом на слепящие «купола», на самом деле – о горьком смехе сквозь слёзы: и от глупого, самоchinного совмещения Запада с Востоком, и от глубокой печали, отсылающей современника к ветхозаветному рассказу о том, как первородство поменяли на чечевичную похлебку.

Похожие отношения складываются у Кан с Москвой. Находя совершенно безжалостные слова, характеризующие столицу, забывшую о собственном высоком предназначении, автор подчас адресует ей и сердечные строки. Это разговор на равных.

Способность Дианы Кан говорить о большом и малом содержательно позволяет ей охватывать самые разные стороны реальности. Вместе с тем, в её стихах совершенно отсутствует избыточность деталей, что для многих современных авторов оказывается творческим тупиком, поскольку, по народной поговорке, «за деревьями леса не видно». И почти всегда личное отношение к предмету, событию, человеку в поэзии Кан выходит за рамки частного и становится художественным обобщением, в котором присутствует и автор, и какая-то высшая гармония: «Пускай я лгу... Но этот стих правдивей моего дыхания».

С пережжённой в душе отчаянностью лирическая героиня говорит о столице, жестокой к «приблудно-беспортошным»: «таких, как я <...> смеясь, прицельно бьющая с носка». В её словах – горечь душевно-сильного художника из провинции, израненного в столкновениях с антагонистами – носителями московского гонора. В стихотворном изображении первопрестольная выглядит как вполне хищная территория, но именуется: «мать Москва». В свою очередь, старый имперский центр («батяня добрый Питер») предстаёт в виде неуклюжего подвыпившего разбойничка («хоть все бока поободрал-повытер»). Грубоватый папаша, который и прибить может для порядка, для почтения – «так это ж ты совсем не по злобе».

Примечательно, что Москва-мать тут как не родная, будто мачеха – рациональная и чёрствая. Питер – и простоват, и недалёк, но ему «от всей Руси земной поклон». Тогда как о нынешней столице, словно сквозь сжатые зубы: «а всё же хороша ты» – своего рода красота зла, душепагубная прелесть.

В этой семье Самара – золовка, красующаяся собой, усвоившая все порочные «столичные науки» – «лупить с носка, чужие драть бока, с насока двери открывать без стука». Однако упрёк лирической героини Самаре иного толка:

*Бравируя своей столичной спесью,  
Не убоившись Бога и греха,  
Ты к малым городам своим и весям,  
Как мачеха, надменна и глуха.*

Самара оказывается очень похожей на Москву своим женским началом, нереализованным в должной полноте и доброте. И потому-то для Самары героиня находит слова беспощадные:

*Внимает Волге – хороша! –  
Седой Урал-соседушко...  
Пусть вечно длится, не спеша,  
Их ладная беседашка.  
Раскрашенная вся и расписная,  
Как шлюха, от бровей и до пупа...  
Да что сказать?  
Столица запасная,  
Как девка загулявшая, глупа.*

В стихотворении заметен отголосок сказочного сюжета о глупом отце, злой мачехе и тщеславной мачехиной дочке (несмотря на то, что золовка, по старой родовой росписи, – сестра мужа или жена сына). Главной положительной фигурой в подобном несчастливом семейном кругу становится идеальный образ столицы. Он сияет в надмирном пространстве, но в действительности – увы! – только контрастно подсвечивает эгоизм и тщеславие современных российских «центров», на деле предавших своё предназначение: столицы – быть матерью городов русских, а запасной столицы – их родной сестрой.

Это – онтологическое чувствование, только отчасти отражённое в авторской биографии и внешних предметах, в личном и социальном. Важнейшие соответствия в таком противостоянии не земные, а небесные. И главная горечь – от ужасающего несовпадения реального и Порученного Свыше.

В сознании героини Оренбург и Самара постоянно спорят, обладая собственными изъясными и достоинствами. Точно так же вступают в противоречия Москва и Питер, столица и провинция. В фокусе судьбы поэтессы пространства, в которых ей довелось вступать в борения, сосредоточены в этих четырёх городах. Южный, азиатский Термез, где прошло детство, оказывается за пределами координат, в которых мыслится родина, лишь приметы прошлого иной раз заденут сердце. Но небольшие городки, станционные посёлки, как и скромные реки, во множестве текущие по русской земле, принимают от героини сочувствие и нежность. Они покорны, лишены глупого чванства и живут своей незначительной жизнью, которая становится фундаментом исторического существования России («девочка со станции Налейка»; «чудная станция с названьем Пачелма»).

Вместе с тем, в стихах Кан противостояние Оренбурга и Самары соединено с реками, которые их омывают.

*Внимает Волге – хороша! –  
Седой Урал-соседушко...  
Пусть вечно длится, не спеша,  
Их ладная беседашка.*

Урал и Волга – союзницы героини, они принимают её в свои воды, в своё мистическое тело: «Я вброд Урал переходила, переплывала Волгу всласть».

Тогда как города исторгают её, будто занозу: «Ждут – не дождутся, что уеду... Спасибо, вслух не говорят!».

«Самость» Самары отзывается и в речках-воложах, претендующих на звание главного истока великой реки. Но здесь поэтическая интонация теплеет и приобретает материнские оттенки, образ автора почти совпадает с образом «Волги – матушки родной».

*Ах, эти воложки! Галдят,  
Стекающая прямо с небушка,  
Живой водицею поят  
Самарский вкусный хлебушко.*

*Одна другую вразнобой  
Перекричат стараются  
И с Волгой – матушкой родной –  
В объятиях сливаются.*

У реки есть течение и перемены её состояний, реки – протяжённые. Тогда как города – локальны и эгоистичны по своей сути. Героиня дышит воздухом всего огромного российского пространства, вдыхая его невероятную массу и выдыхая, – будто возвращая её земле и воде. И потому в городе ей тесно, здесь дыхание затруднено. Поэзия Кан определённо отличается широтой пространств, в которых автор не гостит, а живёт («я в реке живу, а не купаюсь», – говорит она в раннем стихотворении от лица русалки – существа воды). И это расширяет читательское понимание её лирической героини как существа земли: не стихии, но бескрайнего мира, в котором есть место и почве, и влаге речной. В отличие от города, граница которого заметна не только физически, но и духовно.

Развивая образ своеобразной Самары, Кан уходит от жёсткой инвективы и насыщает стихотворную речь мягкой иронией («все у Самары – самое»; «в Самаре и скворец свистит громче, чем соловушка»). А затем ведёт беседу с неласковым городом по-житейски:

*Поговорим, родимая, «за жись»...  
Ну, что опять насупилась, Самара?  
Мирись-миришь и большие не дерись!*

Детская присказка подчёркивает горькую память, смягчённую добросердечностью героини. С печалью говорит она об «огненных зачистках» старой «деревянной лепоты», о новорусских домах, напоминающих «кичливо вставленные зубы». И замечательно точно роняет «очеловеченные» слова в адрес города-антагониста: «Всё молодиться?».

Олицетворение Самары в образе собеседницы с неровным характером даёт возможность Кан произнести и скрытое глубоко в душе:

*Мне не за что любить тебя, Самара,  
А вот, поди ж ты – всё-таки люблю!*

И возникает абрис фигур двух соперниц, одна к другой – нетерпимых, но на мгновение чуть обнявшихся и уронивших взаимную слезу. В этом, очень женском, стихотворении поэтесса сознательно предстаёт как героиня с земной биографией: она словно подводит черту под частными коллизиями, отделяя их от противоборств духовных. И город теряет свою непомерную гордыню и обретает домашнее тепло и красоту («твои поныне несравненны стати и улочек пленителен изгиб»; «прильнёшь к ногам то сквером, то бульваром»).

Иначе взаимоотношения художника и города предстают в сфере духа. Косная среда отторгает свободное парение мысли и слова, поэт здесь напоминает нищего изгоя. И всё же – в нём живут чувство собственного предназначения и способность не потеряться в земном распорядке.

*Эх, дородна матушка Самара!  
Здесь в чести купеческий уют.  
Матушке Самаре я не пара,  
Нищим здесь, увы, не подают.*

*Не вступлю с тобою в поединок...  
Господи тебя благослови!  
Служат мне подошвами ботинок  
Мостовые стёртые твои!*

Тут отчётлив мессианский акцент, когда странник – пророк или певец – незаметен всем остальным, но и неподвластен им. Он способен видеть окружающее почти с высоты небес, тогда как его босая стопа сквозь стёртую уличную брусчатку соединяется с родной землёй. В душе у него нет соревновательности по отношению к городу: «кто – кого?». И его песня проникнута душевной щедростью и глубокой печалью.

Исчезает узкий, местный предмет спора – мифологический и творческий, и Самара через свои предместья поэтически соединяется с остальным земным пространством – традиционным, спокойным, по-семейному уютным.

*Судьбы драгоценный подарок –  
Усталая Волга... За ней  
Мерцает ночная Самара,  
Как горсть самоцветных камней.*

*Тот путь, что тобою был пройден,  
Стал Млечным Путём, говорят...  
А взгляд черноглазых смородин  
Не есть ли твой истинный взгляд?*

Жёсткость многих строк Дианы Кан сочетается с мягкостью и примирением, которые адресованы тому же поэтическому персонажу. В отличие от живых литературных фигур, художественные характеристики которых почти графичны, разговор автора с городами обладает палитрой самых разных оттенков. Он часто возобновляется, отталкиваясь от однажды обозначенной позиции, и не продолжает прежнюю поэтическую мысль одномерно, что во многих почвенных стихах сегодня стало, увы, дурным кликушеским правилом, но придаёт ранее сказанному объём – исторический, нравственный, личностный. Такковы темы Оренбурга и Самары, провинции и столицы.

Отзываясь о Москве конца 80-х годов почти с нежностью, Кан связывает образ весенней столицы с пробуждением собственного поэтического дара. Столица тех лет пока ещё хранила очарование своих маленьких улиц и отблески прежней доблести, давней святости, хотя уже близились обманные перестроечные времена, а за ними – подлость и бесчеловечность 90-х. Но уже тогда в студентке, с восторгом взирающей на цветущую возле университета майскую сирень, начало оформляться духовное правило, которое в более поздние годы окажется своего рода императивом стихотворений Дианы Кан: «Сквозь смуту, морок, маяту цвести победным пятицветьем».

Жизнелюбие позволяет не вычёркивать из списков живых всякого оступившегося, упавшего в грязь и низость человека. Точно так же – город, в особенности если он – первопрестольная столица России, пусть и забывшая о собственном долге перед землёй русской и её народом.

*Глубинка русская, крепись!  
Трудись, родная, дотемна.  
Такая, знать, приспела жисть,  
Что ты столице не нужна.*

Олицетворение городов и весей, окружающего пространства, рек, явлений – любимый поэтический троп Кан, которым она пользуется виртуозно. Однако подобное мастерство никогда не лежит на поверхности её стихотворения – оно спрятано внутрь его «художественного организма» и подтверждено естественной авторской интонацией, в которой печаль и сочувствие перекликаются с гневом и негодованием.

Примечательно, что тот порок, в который «упала» столица, соединён с чужаками – «залётными князьями». Низкопоклонство, доступность, беспамятство сердцевины страны фактически отодвигают как лишнее и незначительное всю почву – русскую землю, которая, собственно, и произвела на свет Москву. Отречение от своего рода здесь показано почти яростно, в сравнении с сюжетом стихотворения о гордом городе «в междуречье Самарки и Сока».

Обезумевшая, изо дня в день пирующая столица контрастно сопоставляется с «глубинкой» («трудись, родная, дотемна»). У Кан «глубинка» – «русская»; «родная»; терпеливая («крепись»). В ней видится некий духовный базальт, на котором стоит российское государство. Называя её русской и родной, поэтесса неявно обращается к первородству. Чувству, которое нуждается в утверждении и уважении, даётся единственно возможное имя.

Привычной задачей провинции издавна считалось сохранять связь с почвой и нравственный закон. Столица же призвана быть центром государства и опекать провинцию. Свой родовой долг «глубинка» исполняет – где лучше, где хуже. Древняя Москва же ныне от своего державного назначения почти отрелась. Хотя и в ней ещё остаются точки жизни и духа, однако они почти подпольны и факультативны. Не случайно Кан говорит о себе:

*Я – подданная русских захолустий.  
И тем права пред Богом и людьми.  
И приступаю провинциальной грусти  
Моя любовь к отечеству сродни.*

*...Лицо слезой кровавой умываю,  
Впадая временами в забвенье...  
Но ни на что вовек не променяю  
Божественное подданство своё.*

Её упрёк первопрестольной («когда я из глубинной дали кляню тебя, моя Москва») содержит властное требование хранить прошлое и вести родовую нить в будущее, то есть исполнить предназначенное (к слову, «предназначение» – одно из самых существенных понятий для Кан):

*Услышь! Но снова вранья стая  
Обсела сорок сороков.  
Услышь, оглошшая от грая,  
Меня на рубеже веков.*

Подобные слова несутся к столице со всех концов отчей земли. «Сорвётся стайей соколиной <...> призыв о доблести былинной с воспламенённых уст» – уточним, уже не поэтессы, а проникновенного русского певца, образ которого угадывается в духовном абрисе собственно женского лица автора.

Перед нами – «не стон, не всхлип и не рыданье, не о пощаде жалкий торг», что закономерно могло бы исходить от провинции, униженной и ограбленной городом нуворической, но перефразированное наставление гениального полководца А. В. Суворова: «Я – русская! Какой восторг!». По статусу, его должна бы озвучивать или, хотя бы, понимать о себе «моя Москва».

Это «из-под сердца восклицанье», произнесённое поэтессой с азиатским разрезом глаз, свидетельствует о многом: о единстве русской континентальной земли, о соседстве и сотрудничестве многих культур России; наконец, о самоопределении души и сердца Дианы Кан как художника.

Корпус её стихотворений о городах отличается стилевым разнообразием и лёгкостью речи, в которой содержатся смыслы важнейшие, как правило, литературой проговариваемые весьма невнятно. Прозрачность личностной позиции, эмоциональная широта и нравственная определённости позволяют автору поддерживать редкую по искренности интонацию, которую узнаёт и ценит тонкий, умный читатель. К тому же, её строки почти всегда диалогичны, что по нынешним временам – свойство не частое. Оно сообщает стихам подлинный литературный демократизм.

*Знай, скрипи своим оралом,  
Знай, шурши своим пером  
Между Волгой и Уралом,  
Между Доном и Днепром.*

*Пусть меж Тигром и Евфратом  
Сладко соловьи поют.  
Нам с тобой туда не надо,  
Мы с тобой сгодимся тут.*

*...Потому что между речью  
Свыше Господом дана  
Православному наречью  
Золотая тишина.*

Поэзия Дианы Кан неуклонно расширяет собственное художественное пространство и свободу, становится литературным явлением несомненным и, возможно, уникальным для нашего сегодняшнего времени.



## Читатели о журнале

---

---

### **Малинов Алексей Валерьевич,**

**доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии  
Санкт-Петербургского государственного университета:**

*Дорогая Лидия Владимировна, поздравляю Вас с выходом журнала. В наше время издавать литературный журнал – это подвиг.*

### **Г.Е. Аляев,**

**доктор философских наук, Полтавский технический университет:**

**Общество русской философии при Украинском философском фонде, Украина:**

*Спасибо за журнал, дам его, если Вы не будете возражать, своим коллегам по нашему Обществу русской философии.*

### **Ранко Гойкович,**

**православный публицист, г. Белград, Сербия:**

*Благодарим, уважаемая Лидия! Посмотрел Ваш журнал, очень интересное и разнообразное содержание, от всего сердца желаю «Берегам» больших успехов. Всего самого лучшего.*

### **Протопресвитер Борис Бобринский,**

**Бюсси, Франция:**

*Давно уже хотел поблагодарить Вас за всё, что Вы мне посылаете, и в частности за № 1 журнала «Берега». Да сохранил Вас Господь!*

### **Юрий и Боряна Прядко,**

**Киев, Украина:**

*Большое Вам спасибо за первый номер журнала и информацию. Журнал я посмотрел – интересный, сразу обратил внимание на статью редактора Лидии Довыденко о Н. С. Арсеньеве. У нас есть несколько его книг, даже с его собственноручными надписями, он на самом деле прекрасный филолог и литературовед. По-моему, некоторые свои труды он издавал в Испании, там, скорее всего, было дешевле русским издаваться. Всего Вам доброго!*

### **Иерей Михаил Селезнёв,**

**руководитель информационного отдела Калининградской епархии:**

*Очень рад появлению серьёзного журнала!*

### **Вячеслав Полежаев,**

**директор арт-салона Преголя-арт:**

*Очень СОЛИДНО! Эту работу нельзя назвать - "первый блин комом"....Успехов журналу, авторскому коллективу и ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ!!!*

## **Виктор Чернышев,**

**профессор богословия, Киев:**

*В наше время нас уже приучили к мысли об исчезновении толстых журналов. Тем отрадной познакомиться с журналом, как мне представляется, напоминающим не только хорошо известные отечественные издания, но и журнал-долгожитель из Нью-Йорка - "Новый журнал", вот уже 60-лет собирающий на своих страницах цвет русской мысли и поддерживающий русский дух в тех людях, кто были, со слов митрополита Сурожского Антония (Блума) "выброшены вон" своим Отечеством, ибо само Отечество изменилось до неузнаваемости, словно после пластической хирургии: как будто бы все по-прежнему, а глядишь - узнать невозможно... Хочется отметить удачное название издания, что в наше время задание не из легких - в эпоху постмодернизма простые вещи на первый взгляд не воспринимаются. "Берега" объединяют не только континенты, где русских столько же, сколько и в самой России, но и времена. Отрадно, что Православию посвящена отдельная рубрика журнала, ибо именно Православие было тем связующим звеном, той скрепой, не позволившей русским на дальних берегах раствориться в бурном историческом потоке "племен, народов и языков".*

## **Ирина Булдакова,**

**руководитель Ассоциации творческих объединений, Калининград:**

*Спасибо за возможность познакомиться с новым замечательным журналом! Много, много захватывающе интересного! Мне особенно была интересна критика, как явление, редкое для нашего региона. И она удалась. Под впечатлением от вчерашней презентации не хочу говорить прозой, написала экспромт - сонет. Мои поздравления всей редколлегии и особенно лично тебе, рулевому! Всё профессионально, интеллигентно и изящно! Всё подтвердится временем!*

## **Ирина Мишина,**

**педагог, психолог, поэт:**

*Прочла только вступление и содержание, а уже подпрыгиваю на стуле от восторга! Актуальность направления более чем 100%!!! А знаешь, какова тема нашей экспериментальной площадки по духовно-нравственному воспитанию?... «Осознание национальной идентичности учащимися, педагогами и родителями!». Спасибо за подарок!!! Поздравляю с успехом!!! Твое новое детище блистательно, изящно, достойно!!!*

## **Вера Нестеренко,**

**заслуженный работник дополнительного образования:**

**СПАСИБО ОГРОМНОЕ! ПОЗДРАВЛЯЮ С УВЕРЕННЫМ УСПЕХОМ И ЗАСЛУЖЕННЫМ ПРИЗНАНИЕМ! ВОСХИЩАЮСЬ, ГОРЖУСЬ, ЛЮБЛЮ! ДА НЕ ИССЯКНЕТ...**

## **Светлана Воронова,**

**руководитель Балтийского отделения ВСК:**

*Присоединяюсь! Восхищаюсь неиссякаемым талантом!*

## **Автор не известен**

*По-моему, прекрасный состав авторов, который представлен в первом номере. Их все знают и читают: Алексей Дмитриевский, Виктор Геманов, Николай Василевский, Юрий Крупенич, Александр Гахов, Игорь Ерофеев, Владимир Шемиученко и многие другие...*

## **БФУ. Автор не известен**

*Презентация состоялась на "отлично", без всяких преувеличений. Были прекрасные дамы Елена и Надежда, интересующиеся литературой, это настоящие, не ангажированные читатели. И таких было много, со свободными местами в зале была напряженка. Ведь это первый выход нового литературного журнала в нашей области за последние 20 лет.*

## **Сайт библиотеки имени А.П. Чехова**

*В «Чеховке» собрались члены читательского объединения любителей краеведения. Писатель, поэт, краевед — Лидия Владимировна Довыденко представила первый номер литературно-художественного и общественно-политического журнала «Берега». Журнал обращён ко всем, кто интересуется культурой и литературой России и Янтарного края. На встрече выступил и писатель Дмитрий Павлович Воронин, чей рассказ «Поздняя месть» опубликован в этом журнале. Члены читательского объединения с интересом познакомились с книжной выставкой «От Михаила Романова до Николая II». <http://kaliningradlib.ru/tsgb-im-archekhova/zasedanie-chitatelskogo-obedineniya-lyubitelei-kraevedeniya-vstrecha-s-ly-dovyde-0>*

## **Марина Яковенко,**

**переводчик, экскурсовод, мастер прикладного искусства:**

*Очень радуюсь за тебя - ты настоящий воин света - только вперед - с улыбкой и любовью - это здорово!!*

## **Halina Pierewoj,**

**Польша:**

*Дорогая Неонилла! Прочитала немножко с того, что Вы написали о паломничестве. Ваша доброжелательность меня поразила. Как радостно стало читать Ваши сердечные слова. Я просто между Вашими словами чувствую любовь. Это необыкновенно, и мне стыдно стало, что я так долго не находила время прочитать. Я вместе с Вами шла в паломничестве, а столько не заметила!!!! Ваша откровенность и смирение принесли огромный плод. Спаси Господи Вас и всем Вашим знакомых из журнала "Берега". Благодарю!*

## **Татьяна Стагене,**

**менеджер «Вивасан»:**

*Прочла от корки до корки. Спасибо большое!*

## **Никита Лобанов-Ростовский,**

**видный деятель русского зарубежья, Лондон:**

*Браво Вам! Изумительно, насколько Вы конструктивны. Кланяюсь Вам глубоко, и привет сердечный Вам!*

## **1 декабря 2013 от Алекс**

*Ведь это на сегодня практически единственное (уникальное) издание такого рода в регионе.*

## **Признательность**

Редакция журнала выражает сердечную благодарность всем, кто поддержал издание, в том числе:

Соломону Израилевичу Гинзбургу, депутату Калининградской областной Думы

## **Правила подачи материалов**

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт – Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст необходимо пропустить через функцию – непечатаемые символы: между словами - только 1 пробел, не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

Главный редактор:  
Лидия Довыденко  
Телефон: +7 9118630467  
E-mail: dovidenko\_L@mail.ru

Редакционный совет:  
Дмитрий Воронин, Игорь Ерофеев, Виктор Геманов, Юрий Крупенич,  
Светлана Супрунова, Олег Щеблыкин

Дизайн и верстка: ООО «Дизайн Бюро».  
Отпечатано в типографии ООО «Салон Цифровой Печати»  
г. Калининград, ул. Леонова, 77, тел. (4012) 915-111, [www.915111.ru](http://www.915111.ru).

Тираж: 500 экз.

Издание предназначено для лиц старше 12 лет.

При распечатке материалов, в том числе использования их в электронных СМИ, ссылка на журнал «Берега» обязательна.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять точку зрения опубликованных авторов.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются